

6

2016

РОССИЯ XXI

6.2016 ноябрь-декабрь

Геоглобалистика

Виктор Мальков

Атомное оружие — детонатор холодной войны.
Две проекции (окончание) _____ **6**

Наталья Егорова

Между единством и расколом:
влияние начала войны во Вьетнаме
на Движение сторонников мира _____ **38**

Ярлыки и мифы

Геннадий Костырченко

Лиля Брик. В жерновах мифа
о Маяковском _____ **66**

Михаил Ковалев

Зигзаги судьбы: профессор А.В.Флоровский
и его советские коллеги (окончание) _____ **98**

Страницы истории

Владимир Дегоев

Дипломатия Петра I
на заключительном этапе
русско-турецкой войны
1686–1700 годов. Часть VI ____ **116**

Жорес Медведев

Перестройка до основания
(окончание) _____ **144**

Актуальный архив

Елена Мяжкова

«Бесы», «игроки», «мечтатели»,
или как человек становится
революционером. Часть VI ____ **170**

Contents in English look at the page 192

РОССИЯ ХХІ

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., почетный доктор социологии Саутгемптонского Университета (Великобритания), чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, Институт Европы РАН, преподаватель РГГУ;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Киянская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России. Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, место работы и должность – на русском и английском, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи (на русском и английском языках).

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами) (на русском и английском языках).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова (на русском и английском языках).

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

Бомба зловеще напоминала молот, поднятый для удара. Это и был молот, молот достаточно мощный, чтобы сокрушить целый мир.

Артур Кларк

**Война есть убийство. И сколько бы
людей ни собиралось вместе,
чтобы совершить убийство,
и как бы они себя ни называли,
убийство все же самый худший
грех в мире.**

Л.Н.Толстой

Виктор Мальков

АТОМНОЕ ОРУЖИЕ – ДЕТОНАТОР ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ¹

ДВЕ ПРОЕКЦИИ

УДК

94(47) “1938/1957”

623.454(47)

После атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки отношения между США и СССР буквально мгновенно достигли самого низкого уровня. Вопрос о безопасности Советского Союза вновь обострился. Проблема ядерного оружия оказалась в центре международной дискуссии. Человечество оказалось навсегда по соседству с оружием массового поражения. В этой новой атмосфере идея водородной бомбы, рожденная в США, в военном мышлении обернулась культом ядерного «сдерживания» как средством самозащиты. Между тем угроза ядерных разрушений вызвала к жизни широкое массовое движение, решительно выступившее против попыток массового убийства, которое безоговорочно можно было бы назвать и самоубийством. Научное сообщество в своей большей части убедились, что шансов создать щит из ядерного оружия, фактически нет. Это и есть самый главный урок из истории холодной войны.

After the atomic bombings of Hiroshima and Nagasaki the U.S. – Soviet relations had reached one of their lowest points. The conduct of relationship in the contest of the nuclear weapons competition made most people to accept nuclear weapons as part of the natural order. For them the distant dangers of nuclear war became physical reality. In this climate the idea of thermonuclear weapons born in the USA transformed in military psychology into concept of nuclear deterrence. However the threat of nuclear destruction has caused the world wide movement that resists the temptation to commit mass murder which unconditionally could be called a suicide. The nuclear scientists with rear exception are convinced that the chances of developing an effective shield from the nuclear weapon are extremely remote. That is one of the main useful lessons from Cold War history.

Ключевые слова: водородная бомба; «Супер»; РДС-6с; Семипалатинск; Саров; испытание «Майк»; Курчатов; Сахаров; Теллер; «план Баруха».

Key words: thermonuclear bomb; “Super”; RDS-6c; Semipalatinsk; Sarov; test “Mike”; Kurchatov, Sakharov; Teller; “Baruch Plan”.

E-mail: vic.malkov@mail.ru

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект №14-18-02677), полученного ФГБУН «Институт всеобщей истории РАН». Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2016. №5. С.6–37.

**На пороге Мира,
которого еще не было**

По данным вполне достоверных агентурных источников было уточнено, что проведение первого экспериментального взрыва атомной бомбы США выбилось из графика и намечено было на 16 июля 1945 г. Однако Курчатову все еще нечего было реально противопоставить впечатляющему рывку команды Опенгеймера в Лос-Аламосе. Все запаздывали, но, разумеется, по-разному. Большой уверенности, что бомба сработает, и у американцев не было, а война на Дальнем Востоке могла кончиться до проведения в Аламогордо главного эксперимента. Но при любых обстоятельствах стремление к яркой демонстрации всему миру нового оружия массового поражения почти никто из причастных к его секрету не отвергал. Гонка новейших вооружений, сопровождавшаяся рассуждениями о новом мироустройстве, длительном и прочном мире, была той почвой, на которой возникло новое состояние мирового сообщества, именуемое жизнью по соседству с тайными силами разрушения.

Весной 1945 г., располагая уже существенными полномочиями и ценным человеческим капиталом в лице таких сподвижников, как И.К.Кикоин, Ю.Б.Харитон, Я.Б.Зельдович, С.Л.Соболев и другие, И.В.Курчатов осуществляет очень важный стратегический маневр. Смелость Курчатова поражает. Нужно было преодолеть сопротивление «стариков» в Академии и открыть дорогу для поколения военных лет. Целая когорта молодых специалистов: физиков, химиков, металлургов – влилась в отрасль, превосходящую по численности работающих в ней любую другую. Удачей также было уже то, что куратор от Политбюро по атомным проблемам В.М.Молотов перепоручил практическое осуществление взаимодействия с И.В.Курчатовым умному, образованному и имевшему отменную деловую хватку министру химической промышленности М.Г.Первухину². Впервые речь зашла о закрытых наукоградах. Это был ответ на вызов произведенной в США перестройки научной организации и массовой эмиграции в США европейских физиков-ядерщиков высшей квалификации и мирового признания.

Разведданные были крайне важны. Они позволяли не застревать на промежуточных этапах, сознавать отрыв достигнутого теоретического уровня исследований от материально-технической базы становящейся

² Эти качества наряду с широтой мышления, опытом, умением ужиться с заметным лицом в истории советского атомного проекта, Л.П.Берией, делали химического министра незаменимым для Курчатова на всех стадиях атомного проекта.

на ноги советской атомной индустрии и видеть вектор стратегических приоритетов США, перевод ими стрелок на цели, не только ставящие в неравное положение СССР, но и называющие его главным противником после окончания войны. Я.И.Френкель, физик-теоретик, член-корреспондент АН СССР, предсказавший еще до 1939 г. возможность спонтанного деления ядер, непосредственно не участвовал в советском атомном проекте, однако обладал обширными контактами в международных научных кругах и был неплохо осведомлен о том, что происходит в этих кругах. 1 июля 1945 г., т.е. за две недели до испытания бомбы на полигоне «Тринити» в Аламогордо, он писал президенту АН СССР В.Л.Комарову: «У нас в СССР, насколько мне известно, работа по урановой проблеме ведется в относительно ничтожном масштабе, причем получение исходного сырья (уран, тяжелая вода и т.д.) практически еще вовсе не налажено. При таких условиях мы можем оказаться в крайне невыгодном положении по отношению к США, которые стремятся, и притом весьма успешно, к овладению монополией в новой технике использования внутриатомной энергии» [2, с.328]. Курчатов не вступал в переписку с Френкелем по той причине, что последний не был допущен к секретной тематике, но нельзя не отметить удивительного совпадения мыслей двух выдающихся ученых накануне решающих событий июля–августа 1945 г.

Нервное напряжение среди атомщиков достигло наивысшего уровня накануне 16 июля 1945 г., когда должно было произойти событие, к которому шли и которое ожидали пять лет. Приуроченное к началу Потсдамской конференции, оно давало всем союзникам возможность встретиться и обсудить у «последней черты» (как это предлагали Нильс Бор, Генри Стимсон, Генри Уоллес, Лео Сциллард, Ванневар Буш, Джеймс Конант и др.) потенциально катастрофическую ситуацию с появлением оружия массового уничтожения [2, с.333–336]. Любое решение было бы подходящим [32, р.223–238], хотя оно вряд ли могло вернуть доверие друг к другу вчерашним союзникам по антигитлеровской коалиции.

16 июля, 6 и 9 августа 1945 г. произошли не только прорыв в загадочный микромир и снятие всех сомнений вроде «выйдет – не выйдет». После того, что случилось в Хиросиме и Нагасаки, решение главной задачи не могло уже казаться Курчатову и большинству его коллег по атомному проекту всего лишь тяжелым состязанием с командой «Манхэттенского проекта». Внезапная атака на японские города была логической кульминацией процесса создания оружия массового уничтожения

в обстановке секретности и от врагов, и от союзников, а потому, как справедливо писал Е.Велихов, могла восприниматься как «мощный предостерегающий сигнал Советам» [7, с.XV]. За первым «предупреждением» последовали следующие.

Вопрос о том, почему немедленно после Хиросимы и Нагасаки часть физиков-ядерщиков в США во главе с Эдвардом Теллером с энтузиазмом принялась осуществлять идею термоядерного оружия, принято не обсуждать. Автор идеи видел в нем двойную защиту от русской угрозы. Расчет строился также на недостижимости Советским Союзом, в силу его интеллектуальной зависимости от Запада, технологических тонкостей производства «супероружия» [52, р.273]. Парадоксальной выглядела позиция Альберта Эйнштейна. Как, кстати, и Оппенгеймера, который не поддержал идею Теллера, но и публично не выступил против нее. В споре с известным пацифистом и правозащитником А.Масти свой довод Эйнштейн выразил в коротком постулате: «Ваше новое предложение мне кажется крайне непрактичным. Пока существует конкуренция в вооружениях, будет невозможным остановить этот процесс в пределах одной страны» [43, р.500].

Еще до 16 июля 1945 г., где-то в конце марта 1945 г., разведка получила краткое донесение от К.Фукса³ с прозаическим названием «Сообщение о составе научных работников Лагеря-2»⁴. Среди фамилий физиков, работающих над новым видом ядерного оружия, были имена Фукса и Теллера. И далее слово «супербомба». Курчатов с интересом ознакомился с этим материалом, но не стал его комментировать [2, с. 245–247, 261–264], не считая возможным переключиться на проблему, не имевшую больших перспектив в ближайшем будущем. Однако 31 декабря 1946 г., ознакомившись с еще одним материалом из той же категории пилотных проектов по сверхбомбе, он признал его «правдоподобным». По выражению Я.Б.Зельдовича Курчатову было присуще чувство «неизбежности новых теорий» [20, с.467; 5, с.22,41]. Последнее емкое

³ Клаус Фукс – немецкий физик-ядерщик. Спасаясь от нацизма в Германии в 30-х годах, бежал в Англию, где вплотную занялся ядерными исследованиями. Привлеченный к работе над атомным оружием в США, вступил в контакты с советской разведывательной сетью. Вплоть до осени 1949 г. передал немало ценных сведений о водородной бомбе, к числу которых принадлежала и часть научной информации, содержащейся в исследованиях самого Фукса.

⁴ Поселок ученых вблизи Лос-Аламоса (штат Нью-Мексико).

слово («правдоподобный») вмещало в себя целый спектр сомнений и смыслов.

Прошел почти год. Американская печать изобиловала восторгами по поводу перевооружения на базе атомного оружия, подготовки новых испытаний всевозможных его типов. Америка «оборонялась», совершенствуя наступательное оружие. Советское государство, не сумев оправиться от последствий послевоенной разрухи, заявило о себе миру в качестве «ведущей силы социализма», которая была заинтересована не столько в территориальных приобретениях, сколько в содействии строительству нового общества в восточноевропейских и бывших колониальных странах.

Н.А.Доллежал, конструктор первого советского промышленного реактора, в июле 1946 г. подключившийся к атомному проекту, писал в своих воспоминаниях, что И.В.Курчатов работает в удвоенном темпе: «... Помнится, почти гнетущее состояние, в котором все мы находились под впечатлением ужасающих результатов взрыва бомб над японскими городами Хиросима и Нагасаки, и ощущение нашей безоружности перед США» [13, с. 234]. Как долго оно продлится, не захотят ли США продолжить эти «профилактические» мероприятия с главным несговорчивым оппонентом? Именно это было недосказано Доллежалем.

Первый послевоенный период холодной войны, характерный открытой идейной формой противостояния, на передний план вывел несовместимость глобальной коллизии, которая с Октября 1917 г. и появления Коминтерна поделила мир на две части – капиталистическую и социалистическую. Только один пример. Не любящий ложного пафоса, ценивший искренность в выражении чувств, А.Б.Мигдал по просьбе своего непосредственного начальника Курчатова познакомившийся в 1950 г. с отчетом И.Е.Тамма и А.Д.Сахарова об управляемом термоядерном синтезе, подметил в этом отчете одну характерную деталь: Сахаров как бы мимоходом выразил в нем свою высокую идейность и патриотизм. Мигдал писал: «В конце отчета рукой Сахарова было написано (цитирую по памяти) "Надеюсь, что осуществление этой идеи даст в руки нашей стране такой источник энергии, который позволит противостоять империализму". Эта наивная фраза прояснила мне и его отношение к работе над водородной бомбой» [23, с.20]. Сахаров не менял своей оценки участия в создании и испытаниях термоядерного оружия конца 40-х – начала 50-х годов, полагая, что они, поддерживая конфликт, являются одновременно и шагами к миру. «Мы исходили из того, – говорил он в своем последнем интервью журналу «Звезда» в 1990 г. –

что эта работа – практически война за мир. Работали с большим напряжением, с огромной смелостью. Со временем моя позиция во многом менялась, я многое переоценил, но все-таки я не раскаиваюсь в этом начальном периоде работы, в котором я принимал с моими товарищами активное участие...Я считаю, что прогресс есть движение, необходимое в жизни человечества. Он создает новые проблемы, но он же их и решает. Я надеюсь, что этот критический период человеческой истории будет преодолен человечеством. Это некий экзамен, который человечество держит. Экзамен на способность выжить» [15, с.71–75].

Первая же дипломатическая встреча вчерашних союзников показала всю меру особого отношения главных оппонентов к новому оружию. Такой случай представился в сентябре 1945 г. Генри Стимсон, еще оставшийся на посту военного министра США, воспроизвел на страницах своего знаменитого дневника сцену с участием нового государственного секретаря Джеймса Бирнса, отправлявшегося на первую лондонскую встречу Совета министров иностранных дел⁵. Ее открытие состоялось 11 сентября 1945 г. На повестке дня было очень много вопросов (мирные договоры с Германией, их союзниками и др.), и Бирнс не скрывал, что атомная бомба станет решающим аргументом в убеждении его оппонентов быть поговорчивее. По всему спектру проблем Стимсон, считая Бирнса плохим дипломатом, нарисовал для себя образ неуверенного человека, готового прибегнуть к шантажу ради личного успеха. «Его мозг, – написал он в своем дневнике 4 сентября, – был переполнен проблемами предстоящей конференции с участием министров иностранных дел, и он был похож на человека, державшего, так сказать, атомную бомбу в кармане брюк в качестве мощного оружия для решения стоящих проблем» [цит. по: 45, p.155]. Позднее историку Холлоуэю показался обидным отзыв о Джеймсе Бирнсе. Он решил подправить портрет, наделив его чертами искусного политика: «Бирнс не хотел использовать бомбу в открытую. Он проинструктировал свою делегацию с тем, чтобы все избегали любого упоминания о ней, веря, что само существование бомбы сделает Советский Союз более сговорчивым» [ibid.].

Трудно сказать, какой тактики перед лицом вооруженного ядерными боеприпасами оппонента решил придерживаться Кремль (на этот счет есть разные версии) на первой после Потсдама встрече министров ино-

⁵ Совет был учрежден решением Потсдамской конференции и знаменовал собой многообещающее начало дебатов о всеобъемлющем послевоенном урегулировании.

странных дел [25, с. 514–515, 713–715], но абсолютно реальным фактом стало упоминание атомной бомбы в международном дипломатическом «лексиконе»⁶. Трезвомыслящий и не склонный превращать дипломатию в поножовщину, Бирнс яснее других мог понять, что Советский Союз не выглядел запуганным, находясь на пике военной славы. То же вынужден был признать и президент Трумэн, столкнувшись со спокойствием и выдержкой Сталина в Потсдаме и упорством Молотова в Лондоне, хотя у Молотова было больше показной задиристости.

Но, так или иначе, «атомная дипломатия» не сработала. Западная пресса в один голос заговорила о биполярной структуре мира, о двух военных блоках, об опасной утечке информации, касающейся особо секретной технологии создания атомного оружия. Ради той же цели применялся и прием замалчивания технологических тонкостей, который использовал Генри Д.Смит в сочинении «Атомная энергия для военных целей», написанном по заказу генерала Л.Гровса. В нем помимо весьма полезной общей информации было немало мест, мягко говоря, ставящих в тупик или упрощавших выстраивание сложных цепочек, ведущих к готовому «изделию».

Чего ни Бирнс, ни тем более Трумэн не учитывали в своей оценке положения в Советском Союзе, так это осведомленности Молотова («М-ра Нет») о положении дел в Лаборатории №2 и интеллектуальном ресурсе ее руководителей. С самого начала Молотов находился у истоков советского атомного проекта, отдав его на «попечение» Берии лишь 20 августа 1945 г., когда по распоряжению Сталина был создан Специальный комитет при ГКО во главе с Берией для управления «всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана». После бомбардировки Хиросимы и Нагасаки ситуация кардинально изменилась. Для руководства проектом в период его форсированного развития необходим был человек, располагавший неограниченной властью над огромными людскими ресурсами.

⁶ *Несколько опрометчиво Дэвид Холлоуэй писал, что Молотов так же, как и Бирнс, явился на Лондонскую сессию СМВД «с бомбой в голове», полагая, что частое, с оттенком насмешливости обращение Молотова к теме атомной дубинки в ходе бесед в кулуарах сессии свидетельствовало о стремлении советского наркома несколько принизить эффект от «презентации» нового оружия в Японии, изобразив его скорее как политическое оружие устрашения, а не сокрушительное ударное средство нанесения физического урона врагу.*

Однако возникла еще одна разновидность острейшего конфликта, но уже в сфере двусторонней дипломатии. Представлять в публичных выступлениях советскую позицию в этом конфликте, проявляя по максимуму последовательность и твердость и по минимуму самостоятельность, был уполномочен Молотов. После августа 1945 г. он продолжал как заместитель председателя правительства сохранять тесную связь с атомным проектом. Жесткий график подготовительных работ и государственных испытаний первых «РДС», как и кадровые проблемы Лаборатории №2, были ему хорошо знакомы [3, с.435]. Молотов присутствовал на встрече Курчатова со Сталиным 25 января 1946 г. Так повелось, что ученые продолжали и после войны видеть в Молотове авторитетного человека, способного в нужный момент сказать свое веское слово, когда это требовалось [26, с.260–261, 265, 268, 272, 274].

Между тем в американской дипломатии произошли разительные перемены, и к ним Москва не была готова. Рузвельтовская коалиция распалась, американцы охотно поверили, что не гармония, а конфликт является центральным пунктом борьбы за новый, американский мировой порядок. «Атомная дипломатия» усложнила жизнь, но не заставила «прогнуться» советскую внешнюю политику. Она оставалась самостоятельной, активной, чаще всего несговорчивой, бескомпромиссной. Дэвид Холлоуэй не находит свидетельств, заставляющих утверждать, что по крайней мере до середины 50-х годов американское атомное оружие вынуждало Советский Союз быть послушным, «делать то, что он делать не хотел» [45, р.271]. Продолжив эту тему, остается сказать, что, как известно, никакого потрясения от воздействия научно-технического гения Америки советские руководители (отличные конспираторы) и в Потсдаме не испытали. Перемены в политике Кремля были связаны с авральным расширением «специальных работ» по программе атомного оружия [3, с.81]. Понятие «сжатые сроки» вошло в плоть и кровь советских руководителей, назначаемых уполномоченными «при важнейших научно-исследовательских институтах и лабораториях АН СССР» из числа генералов и офицеров Министерства внутренних дел и Министерства госбезопасности [3, с.430]⁷.

⁷ Уже 9 апреля 1946 г. появилось Постановление СМ СССР о том, что решения по разработке конструкции и изготовлению «опытных образцов реактивных двигателей» (иное название атомных бомб) необходимо принимать опросным способом среди ответственных за это чиновников и подписывать коллективно – «Совет Министров Союза ССР» [3, с.429].

С конца августа 1945 г. меняется алгоритм в строительстве атомных объектов и лабораторий. Курчатов и его ближайшие сотрудники подготовили аналитические записки о ходе и результатах научно-исследовательских работ по использованию внутриатомной энергии. Обзоры воссоздавали картину промышленного получения урана, других материалов и оборудования для производства атомных бомб в СССР и за рубежом. В сентябре 1945 г. было подготовлено и принято СНК СССР подробное постановление об ускорении «строительства и работ» Лаборатории №2 и откомандировании «в кратчайшие сроки» в распоряжение Курчатова инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих из всех ведущих министерств и ведомств [2, с.25–31].

Лаборатории №2 было разрешено финансировать строительство и проектно-изыскательные работы без проектов и смет. То же относилось и к НКВД СССР в части выполняемых им работ по линии атомного проекта. Было специально оговорено, что «указанные работы финансировать через Государственный банк по фактическим затратам». Совершенно категорично было потребовано также от Наркомата электростанций обеспечивать бесперебойное снабжение электроэнергией Лабораторию №2 Академии наук СССР «круглосуточно, в соответствии с потребностями» и не допускать ограничений.

Признаком особого внимания верховной власти к новой реальности стал факт поручения именно Молотову высказаться в первых публичных заявлениях советского правительства об атомном оружии. 6 ноября 1945 г. Молотов заявил, что СССР сумеет овладеть атомной энергией и «кое-чем другим». Вместе с тем он высказался против использования бомбы в качестве инструмента политики и военного принуждения. «Необходимо сказать, – говорил Молотов, – об открытии атомной энергии и о бомбе, использование которой в войне против Японии показало огромную разрушительную силу... Не может быть технических секретов большого масштаба, которые могли бы остаться достоянием какой-либо страны или какой-либо одной узкой группы стран. Поэтому открытие атомной энергии не должно ни поощрять увлечений на счет использования этого открытия во внешнеполитической игре, ни беспечности на счет будущего миролюбивых народов» [16].

Игра без мяча

Выступление Молотова было первым после бомбардировок Хиросимы и Нагасаки обращением к мировому сообществу отказаться от угроз и

сесть за обсуждение одной из самых жгучих проблем послевоенного мира. Между тем в Вашингтоне и Лондоне, следуя секретным договоренностям 1943 и 1944 гг., делиться с Кремлем атомными секретами не собирались, хотя внутри «атомного пула» существовали и движения меньшинства, которые допускали на определенных условиях совместные действия США, Соединенного Королевства, Канады и СССР в целях предотвращения в будущем милитаризации общества и военных столкновений.

Еще более важным заявлением, отвергавшим предложение об одностороннем решении жизнеустройства мирового сообщества в ядерный век, было выступление Молотова на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 29 октября 1946 г. К тому времени позиции сторон прояснились. США, проведя испытание на Бикини в Тихом океане (1 июля 1946 г.), на правах монополиста выдвинули свою концепцию использования ядерной энергии. В течение короткого времени это был план Ачесона–Лилянталя (март 1946 г.) [22, с.4–38], относивший атомное оружие к мировой угрозе, опасной для всех, и явно несущий на себе отпечаток гуманистических, универсалистских идей антигитлеровской коалиции. План Ачесона–Лилянталя был вытеснен «планом Баруха» – прямой противоположностью идеям своего предшественника. Этот последний «просто-напросто, как пишет Д.Холлоуэй в своей недавно опубликованной статье, институционализировал американскую монополию» [46, р.180]⁸. Молотов немедленно санкционировал появление альтернативного плана (который в исторической литературе получил название «плана Громыко»), отклоняющего, в частности, предложения, в которых СССР был решительно не заинтересован.

Концепция Баруха–Трумэна была отвергнута, но в предельно корректной вежливой форме. «"План Баруха", – в несвойственной ему манере говорил Молотов, – к сожалению, страдает некоторым эгоизмом» [24, с.262], отражавшим стремление США обеспечить себе на неограниченное время особое, доминирующее положение в области как военного, так и мирного атома. Ограничение свободного доступа к технологическим секретам, сохранение за Соединенными Штатами на неопределенный срок контроля за производством атомного оружия, единоличное

⁸ С Холлоуэем солидаризируются и современные английские исследователи, которые, базируясь на новых документах, отмечают, что Запад никогда и не рассчитывал, что Советский Союз добровольно пойдет на уступки, которые оставляют его в заведомо невыгодном положении (см.: [55], р.217, 218).

(исключительно американскими инспекторами) осуществление надзорных функций – подкоп под принцип единогласия великих держав в Совете Безопасности. Такими «в сухом остатке» представлялись главные пункты «плана Баруха». По признанию современных историков, в мрачном пафосе и расплывчатости его формулировок скрывалась идея загнать Советский Союз в угол, вынудив его принять очень деструктивную и катастрофически конфликтную схему участия в международном атомном агентстве, которое поощряло бы жесткую конкуренцию сторон, но препятствовало бы их сотрудничеству [56, p.47].

Жаркие дебаты вокруг планов международного контроля над атомной энергией велись разными странами, имевшими неодинаковое состояние вооруженных сил и гражданской обороны. Такое принципиальное различие между ядерной державой-монополистом и неядерными державами долгое время создавало психологически труднопроходимые препятствия, вызывая дефицит доверия у одних и откровенное желание удержать моральное и технологическое превосходство у других [30, с.214–239].

Как мы уже писали, еще до бомбардировок японских городов мудрость и мужество одним из первых проявил Нильс Бор. Обратившись к Рузвельту и Черчиллю весной 1944 г., он поставил вопрос об учреждении международного контроля над атомной энергией с участием Советского Союза и подключением Москвы к обмену научной информацией⁹. Однако ни новый президент США Г.Трумэн, ни его государственный секретарь Дж.Бирнс поначалу так далеко идти вообще не собирались. Инициатива Нильса Бора повисла в воздухе, хотя о ней слышали, узнали и заговорили в научной среде и дипломатических кругах. Логика и прозорливость великого физика убеждали лучше всего. «Без гарантии каких-либо форм международного контроля над атомной энергией, – твердил он не желающим слушать политикам, – великие державы неизбежно выбирали бы путь производства атомного оружия в ожидании возникновения дипломатических преимуществ. Такая близорукая политика сеяла бы семена мирового безумия» [цит. по: 9, с.485].

Бор не был наивным ученым с космополитическим кругозором. Как человек своего времени он понимал, что было бы лучше всего, если бы атомная бомба находилась «в одних руках», пока не увенчаются успехом поиски всеобщей безопасности от угрожавшей всем беспрецедентной катастрофы. Но главным условием революционной перестройки

⁹ См.: *Россия XXI. 2016. №5. С.30.*

международных отношений в трудный переходный период должно было стать, с его точки зрения, безоговорочное сотрудничество технически передовых стран без дискриминаций, на абсолютно равной основе. Не могло быть и речи об изоляции такой стремительно индустриально развивавшейся страны, как Советский Союз. Первый важный шаг в нужном направлении в идеале мог бы стать предпосылкой к процессу взаимопонимания на долгие времена. Еще в конце апреля 1945 г. (т.е. до испытания в Аламогордо) советник по науке при президенте Рузвельте Ванневар Буш после встречи с Нильсом Бором был полон надежд на передачу информации общего характера о бомбе Советскому Союзу [44, р.222–223]. Но этого не произошло. Нет данных, что президент Трумэн подверг эту идею обстоятельному обсуждению накануне испытания «Тринити». Дату взрыва определили два человека – Р.Оппенгеймер и генерал Л.Гровс.

Шанс сделать тактически верный шаг к возобновлению сотрудничества с Советским Союзом был вновь упущен, но было бы преувеличением сказать, что после Потсдамской конференции процесс стал необратимым. Все предчувствия неприятностей оказались внезапно беспочвенными. На открывшемся 14 декабря 1945 г. в Москве совещании министров иностранных дел США, СССР и Великобритании Сталин и его окружение поразили членов американской и английской делегаций своим гостеприимством и готовностью идти навстречу по сложным и самым деликатным вопросам Восточной Европы, американским интересам в Азии и, наконец, по вопросам международного сотрудничества в области атомной энергии. Более того, как засвидетельствовал в своем дневнике и переписке временный поверенный в делах США в Москве Джордж Фрост Кеннан, Сталин после Потсдама, вопреки ожиданиям, был благодушно настроен. Кеннан назвал его «старым, уставшим от сражений тигром» [39, р.206]. Помышляя об отставке и испытывая фрустрацию от общения с плохо вышколенными чиновниками госдепа, Кеннан в духе привычной для него меланхолии, продолжал: «В своей манере – с нами, по крайней мере (Кеннан имел в виду своего компаньона по визиту в Кремль А.Гарримана. – *В.М.*), он был прост, спокоен, незаносчив. Он не хотел выглядеть эффектно, говорил очень мало... Непредупрежденный посетитель никогда бы не догадался, какая расчетливость, властолюбие, ревность, мстительность скрывались за этой невыразительной внешностью» [39, р.208].

Джеймс Конант, заменивший заболевшего Ванневара Буша в качестве члена американской делегации в Москве, особенно был поражен тем,

что Сталин одобрил предложения США, Великобритании и Канады учредить Комиссию по атомной энергии под эгидой ООН для переговоров о международном контроле над атомной энергией. Комиссия ставила своей целью использование атомной энергии исключительно в мирных целях, изъятие из национальных вооружений атомного и других видов оружия массового поражения, эффективные гарантии безопасности в виде инспектирования стран с ядерными амбициями и т.д. [30, с.224–226].

Конгресс США, большая пресса резко критически отнеслись к итогам Московского совещания трех министров иностранных дел. Присутствие на нем президента Гарвардского университета Джеймса Конанта вызвало особые подозрения. Кое-кто решил, что «профессор колледжа» находился в Москве, чтобы открыть атомные секреты русским, хотя никто из присутствовавших в зале заседаний и в банкетном зале Кремля, за исключением Сталина и Молотова, не вынуждал Конанта говорить. Бирнс был в восторге от приема в Москве, полагая, что нашлось компромиссное решение атомного вопроса, который не удавалось сдвинуть с места без личной встречи со Сталиным. Но и его ждало разочарование. За короткое время отсутствия в Вашингтоне (всего две недели) «подкоп» под бывшего руководителя экономической мобилизации в администрации Рузвельта достиг солидных размеров. Более всего опасаясь атомных «просчетов», Трумэн решился на разрыв со своим давним единомышленником и коллегой.

Трумэн нашел, что Бирнс проявил непопозволенную самодеятельность, и даже непослушание, не увязав атомный вопрос с целой группой возникших политических проблем (Иран, Румыния, Болгария, Турция и т.д.), которые, с точки зрения президента, требовали безотлагательного решения и увязки с «приручением» Советского Союза. Трумэн высказался абсолютно откровенно и цинично: «Пока России не покажешь железный кулак и не скажешь твердого слова, миру будет угрожать еще одна война... Я устал нянчиться с русскими» [45, p.159].

Историк Д.Холлоуэй, приведя эти слова из мемуаров Трумэна, пишет: «Вашингтон все больше становился раздраженным контактами с Советским Союзом и разозлен советским нежеланием сотрудничать на американских условиях, считаясь, в частности, с американской монополией (имелось в виду атомное оружие. – В.М.)» [45, p.159–160].

Напрашивается только один вывод: достижение сколько-нибудь стабильного *modus vivendi* с Соединенными Штатами для Советского Союза становилось невозможным или почти невозможным. Московская

оттепель конца декабря 1945 г. с произнесением здравиц в честь ученых США и СССР и обещаниями наладить научные обмены не оставила после себя даже тени. Можно было бы сказать, что эти факты хрестоматийны, а закодированность американских политиков и законодателей на соперничество с Советским Союзом, как о том напишет Г.Киссинджер в одной из своих итоговых работ, неизменна [19, с.280].

Но для нас важно другое место в рассуждениях Киссинджера. Он высказался в том смысле, что никогда не существовало и не существует общего согласия «оставить ядерную эпоху в прошлом», сделав ее только объектом для кинодокументалистов [19, с.170]. Консенсус не состоялся и, возможно, не состоится и в будущем. На первых порах, в эпоху абсолютного превосходства в ядерном оружии, Соединенные Штаты полагали, что такое преимущество аналогично бессрочному торговому эмбарго, умело управляя которым можно полностью подчинить себе мир. Любые договоренности двустороннего или многостороннего характера могли вестись лишь на американских условиях и под американским контролем. Сколь бы недальновидным позднее ни могло показаться данное условие, но четверть века этот канон оказывал свое массивное влияние на всю систему международных отношений. США долгое время стремились удержать фактический ядерный диспаритет, но, в конце концов, было признано, что он исчез быстрее, чем на то рассчитывали, и уже никогда не вернется [28, с.303].

Но удивление и раздражение в Вашингтоне вызывало прежде всего то ли непонимание, то ли показная невозмутимость советского руководства перед лицом внезапно выросшей снова угрозы мирового военного конфликта. Все выглядело так, как будто в Москве демонстративно не воспринимали бомбу как «абсолютное оружие», сокрушительное по мощи и до предела пугающее психологически. Откуда такое хладнокровие и пренебрежение опасностью?

Автор статьи об «атомной дипломатии» Сталина Владислав Зубок находит, что всему была одна причина – сведения, приходившие по конспиративным каналам от советских агентов, работавших в недрах «Манхэттенского проекта» [59, p.54]. На наш взгляд, важнее то, что на полную мощность заработал в СССР мобилизационный план ускорения всех составляющих уже сложившегося огромного механизма атомной индустрии. Сталин на регулярной основе (вроде сводок о боевых действиях) получал самую подробную информацию о всех текущих делах атомного проекта. Ядерная отрасль готовилась к большому рывку. Именно этим событиям были посвящены совещания у Сталина: и те,

которые состоялись в узком составе, и те, которые по прихоти или обдуманно были отменены им же¹⁰.

События развивались стремительно, и было очевидно, что, несмотря на все еще вежливые раскланивания, обе страны стремительно удаляются друг от друга. Одна полагалась на факт монополии, другая – на психологическую выдержку. Материалы к докладу Сталину, написанные 12 февраля 1946 г. рукой Курчатова, показывали, какие высокие темпы были набраны разбросанным по всей стране, но сплоченным и работоспособным коллективом атомщиков. При Лаборатории №2 к концу 1946 г. готовили к сдаче большой циклотрон (вес электромагнита 320 тонн). Как верно заметил Б.С.Горобец, не дожидаясь появления достаточного количества металлического урана для загрузки реактора, в 1946 г. спроектировали, а в 1947 г. приступили к строительству крупнейшего промышленного комбината №817 по производству плутония (ныне это знаменитый «Маяк») на Южном Урале. Полным ходом в заповедных лесах вблизи г. Арзамаса на территории бывшего завода боеприпасов №550 шла разработка технических условий к конструкции самой бомбы. Трудно представить, что инспекции по «плану Баруха» мог быть подвергнут абсолютно оригинальный метод сотрудников физико-химических лабораторий секретного НИИ-9, разработавших новаторскую технологию аффинажа урана 235¹¹. Она коренным образом отличалась от американской [8, с.114, 120, 260 и др.].

**«...По крайней мере,
на три года раньше,
чем ожидалось...»**

После словесного залпа воинственных авиационных генералов США, осенью 1945 г. и летом 1946 г. настаивавших на превентивном ядерном ударе по СССР (в отместку за

посягательство на европейские ценности и возникновение «турецкого кризиса»), администрация Трумэна решила продолжить серию испытаний ядерного оружия в Тихом океане, на атолле Бикини. 1 июля 1946 г.

¹⁰ Разумеется, трудно сказать, чем руководствовался Сталин, отменяя большое совещание 17 января 1946 г. по «получению и использованию атомной энергии» с представлением доклада Курчатова, Кикоина, Ванникова, Первухина и Завенягина, поддержанное Берией, Маленковым и Вознесенским. Вполне возможно, чтобы не привлекать внимания «посторонних» к собранию особой важности [4, с.384–395].

¹¹ Аффинаж – разновидность рафинирования металлов. В данном случае речь идет об уране.

в присутствии наблюдателей, в том числе и из Советского Союза, была взорвана первая бомба их трех намеченных, и мир был приглашен прокомментировать это событие. И вот итог. Американский историк Ричард Роудс в своей книге написал, что все миролюбивые намерения, о которых широко оповещали публику американские дипломаты с трибуны ООН и писала «большая пресса», были без почестей похоронены. Газета «Правда», продолжает Роудс, назвала эти испытания вульгарным шантажом, подорвавшим веру в серьезность американских призывов к атомному разоружению [52, р.262].

В общепринятом понимании до критической ситуации было еще далеко. Но никто не стремился снять напряжение, воспользовавшись дипломатическими средствами и маневрами, инсценировкой отступления, переключением на стратегические цели невоенного характера. В конце 1946 г. в Лаборатории №2 под руководством Курчатова был построен первый в Европе экспериментальный реактор Ф-1. На очереди был промышленный реактор в г. Кыштым. Постановлением СНК СССР от 28 января 1946 г. НИИХИММАШу было поручено обеспечить к 1 июня 1946 г. разработку технического проекта промышленного реактора, а сроком окончания монтажа реактора был назван май 1947 г., т.е. за один год нужно было построить уран-графитовый промышленный котел производительностью 100 граммов плутония в сутки, а кроме того, полностью закончить конструкцию атомной бомбы [4, с.428–436; 8, с.118]. Сроки говорили о многом. Десятичасовой рабочий день, пренебрежение безопасностью, подневольный труд людей из зон¹².

Сложилась крайне сложная и напряженная ситуация. Твердо решив участвовать в президентских выборах осенью 1948 г., непопулярный Гарри Трумэн вознамерился отвоевать у оппозиции часть избирателей, настроенных пацифистски. Ему казалось, что он это сделает удачнее, если открыто не поддержит культ бомбы. Америка нервозно отозвалась на откровения предельно осведомленного обозревателя Дрю Пирсона,

¹² В своих воспоминаниях об И.В.Курчатове А.П.Александров написал. «Было ясно, что страна, создавшая первое крупное ядерное вооружение, будет препятствовать другим странам в решении этой задачи. А наша страна уже на 2–3 года отстала с развертыванием этих работ от США... Особенно важно было то, что в союзной с нами стране – США – эти работы велись в глубокой тайне от нас, что могло свидетельствовать о назначении нового оружия. Поэтому перед Курчатовым стояла задача не только создать ядерное оружие, но и вооружить им нашу страну в то же время, как Германия или США вооружатся им, несмотря на несомненно опережающий темп разработки у них» [20, с.461].

сообщившего, что часть запаса атомных бомб была переправлена в Европу [52, p.283]. Трумэн в духе своего курса на успокоение опроверг Пирсона, сказав, что по его данным у США есть в наличии лишь полдюжины бомб, при этом, впрочем, добавив, что и этого количества достаточно, чтобы выиграть войну.

Такие вещи не проходили мимо внимания советского руководства. Возможность превентивной войны или одного из ее вариантов могла быть серьезнее, чем это допускали многие наблюдатели после испытаний на Бикини. «Вместе с навязчивым бормотанием высших военных чинов о "превентивной войне", – пишет хорошо осведомленный американский исследователь, – эти испытания как бы подтверждали советские страхи об ударе с Запада» [50, с.49].

Мы имеем данные о реакции Сталина на эти угрозы в виде заявлений в печати. Различные авторы по разному толкуют его поведение после испытаний на Бикини и изменения военной доктрины США с добавлением в нее ядерной составляющей, которые выглядели как месседж Советам. Одни, как английский журналист Александр Верт и его американский коллега Х.Бейли, передавали слова Сталина о том, что он не видит опасности новой войны. Другие говорили о напускном бесстрашии Сталина перед угрозами. Третьи полагали, что он всерьез опасался внезапного удара с воздуха прямыми дублерами «Энолы Гей» [59, с.55]. В свете постоянных призывов нанести самолетами ВВС США упреждающие удары последняя версия кажется весьма правдоподобной. Из уст в уста передавалась близко знавшими Курчатова людьми реплика Сталина после вручения правительственных наград в 1949 г., которая не походила на шутку: «Если бы мы опоздали на год–полтора года с атомной бомбой, то, наверное, опробовали бы ее на себе» [20, с.513]¹³.

На протяжении более чем десяти лет, находясь в различных рискованных ситуациях и ведя дипломатический диалог с главным партнером по коалиции, Соединенные Штаты за все время войны не удосужились пригласить Советский Союз к разговору об атомном оружии. Известный американский политик Лес Эспин, назначенный в 1993 г. президентом Клинтоном в качестве первого министра обороны США и долгое время пробывший председателем Комитета по вооружению Палаты

¹³ 29 октября 1949 г. Президиумом Верховного Совета СССР было принято 4 указа о награждении наиболее отличившихся участников атомного проекта в связи с испытанием первой атомной бомбы РДС-1. Тогда же И.В.Курчатова получил свою первую звезду Героя Социалистического Труда.

представителей, говорил: «Даже несколько лет назад, если бы кто-нибудь предложил Соединенным Штатам волшебную палочку, с помощью которой можно было бы мгновенно устранить все ядерное оружие и знание о том, как его делать, реальность была такова, что мы бы отклонили такое предложение» [17, с.563].

Дав в 1945 г. согласие на создание Комиссии ООН по атомной энергии, СССР рассматривал ее как место встречи экспертов для обсуждения правовых, политических и медико-биологических вопросов, которые в то время могли волновать преимущественно футурологов.

Примерно тогда же в недрах Главного штаба ВВС США появился первый набросок плана атомной атаки против Советского Союза. Ему не успели дать имя и согласовать с руководством «Манхэттенского проекта», хотя никто, кроме генерала Л.Гровса, толком даже не знал, сколько атомных бомб есть на складах США [49, р.406]. О плане немедленно был информирован Лондон, о том сразу же узнала и Москва. Противопоставить что-либо этому вызову Советский Союз тогда еще не мог, если не считать обязательства Курчатова сделать 1946 год «переломным годом в ходе работ у нас по урану». Поясняя, он писал Сталину 12 февраля: «От теоретических расчетов и разработки проектов мы перешли к практическому строительству атомных установок» [4, с.432]. По «прикидкам» Курчатова, зафиксированным в докладе, первые две бомбы предполагалось изготовить в 1947 г. и 18 – в 1949 г. [там же]. В другом месте доклада Курчатова откровенно заявлял, что те или иные эксперименты «не могут быть предусмотрены и запланированы» заранее, т.е. следует работать с запасом времени [4, с.436]¹⁴, которое должно было быть заполнено, очевидно, дипломатией и пропагандой новых принципов разоружения («безъядерный мир») на «базе единогласия великих держав» под эгидой ООН.

Явное предпочтение, которое военные чины США отдавали атакующей стратегии, не оставляло никаких иллюзий в отношении их внешнезапного вмешательства во внутренние дела других стран. В Кремле

¹⁴ *Сталин был, разумеется, крайне заинтересован в ускорении работ над бомбой, но, как обычно для него, не выказывал особых эмоций в присутствии специалистов. Даже случившиеся крупные аварии (такие, например, как авария летом 1948 г. на Плутониевом комбинате в г. Кыштым) не приводили к тяжелым последствиям для ученых и строителей. После всех переносов сроков готовности завода №817 к выпуску оружейного плутония Курчатова, научный руководитель завода, в отчете от 10 августа 1948 г. доложил о «реальных» возможностях изготовления первой бомбы в 1949 г. [см. 8, с.546].*

знали, что добиться поворота во внешней политике «с пустыми руками» не удастся. Еще в первой своей публичной речи в октябре 1945 г. по случаю дня флота Трумэн ошеломил слушателей словами, которые затем чаще всего будут употребляться в американском политическом лексиконе: «никаких компромиссов с силами зла» [40, p.71].

Причины разрыва накапливались непрерывно. О драматической смене вех в международных отношениях после 1945 г. и коллективной психопатологии в эру ядерного противостояния размышляет видный американский историк М.Леффлер в связи с выходом новых исследований о крупном американском дипломате и мыслителе Кеннане: «Они (авторы этих работ. – *В.М.*) полагают, что в тот момент могло быть заключено соглашение с Советами. Но этого не случилось. Причина состоит в том, что в первые послевоенные годы ни Кеннан, и никто из его коллег не хотели вести переговоры с Кремлем. Кеннан утверждал, что факты говорят громче, чем слова, и что Кремль действует, руководствуясь процедурами и принципами, которые делают любые соглашения с ним невозможными. В середине 1948 г. он изменил свою позицию. Но Дин Ачесон и Пол Нитце (сменивший Кеннана директор департамента планирования в госдепе) придерживались ее, утверждая, что в холодной войне предпочтительнее одержать победу, а не добиваться согласия через переговоры» [48, p.273].

«Атомная дипломатия» и похолодание в советско-американских отношениях начались не с идеологических и личностных различий и не с приходом крутого южанина Джеймса Бирнса в госдепартамент, как это представляется авторам известной книги о «кремлевской холодной войне» [58, p.42–43]. На наш взгляд, это связано с отказом западных союзников, учитывавших уроки Второй мировой войны, признать заинтересованность Советского Союза в системе глобальной безопасности. Бирнс, внутренне разделявший реализм Ялты, несмотря на свои провинциальные хитрости и манеры, был очень «удобным» государственным секретарем для Советского Союза. О скором установлении ядерного равновесия Кремль и думать не мог. Важнее было выиграть время, перевести вопрос о ядерном оружии в техническую и дипломатическую плоскость, дающую простор разумным инициативам. В свою очередь Бирнс рассчитывал как можно дольше и чаще разговаривать с советскими вождями [38, p.153–157]. Он, строя планы на будущее, намеревался организовать обмен общей информацией о ядерных исследованиях, что позволило бы восстановить доверие и добиться лояльности Советского Союза в европейских делах. Главное – он содействовал созда-

нию комиссии Ачесона–Лилиенталя, как известно, предлагавшей весьма сбалансированную программу международных инициатив [35, p.26–27]. Скорее всего, именно поэтому Бирнс сначала впал в немилость, а вскоре был уволен Трумэном с поста государственного секретаря. Однако абсолютно неожиданно для всех приступила к выработке общей повестки дня Комиссия по атомной энергии при ООН – плод согласия США, Великобритании, Канады и присоединившегося к ним в декабре 1945 г. СССР. В обстановке дисбаланса, характерной для конца войны, сделать это было нелегко. 19 июня 1946 г. среди первых предложений на заседании Комиссии ООН советским правительством был внесен проект конвенции о запрещении ядерного оружия. И одновременно высказано категорическое несогласие с «планом Баруха» на проведение инспекций на его собственной территории. Немедленно возникло непреодолимое препятствие. Американцы сказали «нет».

Макджордж Банди, советник по национальной безопасности в администрации Кеннеди и Джонсона, позже выскажется по этому поводу предельно ясно: причина – недоверие друг к другу и взаимная подозрительность [37, p.130–196].

Таким образом, сближение было заблокировано испытанием на Бикини, отставкой Бирнса, «планом Баруха», оставлявшего все контрольные и санкционные функции Соединенным Штатам, и отклонением права veto в Совете Безопасности в случае нарушения правил регулирования активности в области атомной энергии. К этому следует добавить тот отрицательный отклик, которым были встречены сначала поддержка Трумэном контроля атомной программы военным ведомством, а затем принятый американским Конгрессом в июле 1946 г. закон сенатора Брайана МакМагона, который, по сути дела, налагал полный запрет на сотрудничество США в обмене информацией с другими странами (и в первую очередь, с СССР) о производстве ядерного оружия. Неукротимый генерал Люшиус Клей, командующий американскими войсками в Европе, с его призывами к атомной войне был живым воплощением священного права Америки оставаться безраздельным хозяином положения [36, p.367–384]. Трумэн прибег к маскировке. Частным образом (в дневниках, беседах и т.д.) он высказывался вполне определенно против использования атомной бомбы в вооруженных конфликтах. Не все историки, однако, обращают внимание на то, что «доктрина Трумэна» (1947 г.) не только декларировала намерение США вмешаться в гражданскую войну в Греции и оказать военную помощь Турции, но являлась манифестом воинствующего американизма, провозгласившего

борьбу «двух альтернативных образов жизни» и новую глобальную военную стратегию США.

Ее контрапункт – возложение на себя полной ответственности за сохранение свободы «демократических стран» от посягательств тоталитаризма. «Новая разновидность войны» включала в себя не только меры экономической и военной помощи заинтересованным странам, но и демонстрацию твердости, вплоть до готовности нанести превентивный атомный удар по Советскому Союзу в «случае необходимости» [33, p.296–310].

После принятия «оборонной» доктрины Трумэна ее наполнением стали многочисленные военные и дипломатические инициативы. Уже в марте 1945 г. в США заговорили о «сьюпергаджете» (говоря современным языком), делающем их абсолютно неуязвимыми на все времена. Стремясь внести свой вклад, Эдвард Теллер реанимировал идею Энрико Ферми о цепной реакции легких элементов водорода и двух его изотопов – дейтерия и трития. Летом и осенью 1947 г. он, проведя ряд опытов, убедился, что создание водородной (дейтериевой) бомбы возможно.

Те же заботы и тревоги занимали ведущих советских физиков-ядерщиков. Просматривались интересные подробности и перспективы. Научно-технический совет ПГУ при СМ СССР¹⁵, заслушав 3 ноября 1947 г. сообщение Я.Б.Зельдовича «О новых источниках тепла», пришел к выводу о «возможности использования энергии легких элементов» для развития ядерной физики, в том числе для практических целей». 26 января 1948 г. принимается постановление о включении в план работы Института химической физики на 1948 г. «теоретических и экспериментальных работ по изучению возможностей создания сверхизделия» [5, с.76, 87].

Обе стороны, таясь друг от друга, но параллельными разными путями шли к одному и тому же результату, который должен был привести к созданию водородного оружия. Будучи еще в 1945 г. уверенным в его осуществимости, Нильс Бор назвал его одновременно самоубийственно чудовищным и спасительным в планетарном масштабе. «...Я был бы рад открытию сверхбомбы, так как тогда человечество, быть может, скорее бы поняло необходимость сотрудничества» [5, с.14].

¹⁵ На Первое Главное управление было возложено решение проблемы обеспечения советского атомного проекта. Фактически ПГУ представляло собой особую отрасль оборонной промышленности, предприятия и аппарат которой позже были преобразованы в Министерство среднего машиностроения СССР.

Неясности с созданием дейтериевой сверхбомбы, недооценка разбухшего и обновленного научного потенциала СССР снова в какой-то момент укрепили руководство США в надежде на длительное сохранение превосходства Америки в ядерном соперничестве. В военных кругах США оно вообще не рассматривалось. Обращение к ядерной реакции синтеза с участием легких элементов многим в Пентагоне казалось лишней нагрузкой на военный бюджет. Напротив, Теллер, полагая, что США должны сохранить любыми путями свое ядерное превосходство, отчаянно боролся за осуществление своего «классического Супера». Можно было подумать, что он знал, что его *vis-à-vis* в Советском Союзе прямо-таки дышит ему в затылок. 17 декабря 1945 г. на заседании Технического совета Спецкомитета при Совнаркоме СССР был заслушан доклад Зельдовича «О возможности возбуждения реакций в легких ядрах». Отчет, подготовленный Зельдовичем, Гуревичем, Померанчуком и Харитоном, заканчивался весьма оптимистично: «Однако даже при остающихся неясностях в вопросе инициирования нам представляется весьма существенным открытие системы, в которой от одного мощного импульса может быть вызвана ядерная детонация неограниченно большого количества вещества» [5, с.17].

Было очень много схожего в идущем с конца 1945 г. поиске ответа на вопрос, осуществима ли «сверхбомба», и даже о том, согласятся ли ученые участвовать в создании экстранового inferнального оружия. Колебания возникали и в Лос-Аламосе, и в СССР. Но у главных участников этого научного и военно-политического конкурса все внимание было сосредоточено на том, «кто раньше».

В своих «Воспоминаниях» Сахаров подробно рассказывает об исторической встрече с Зельдовичем у него дома летом 1948 г., когда они долго говорили о проектах. «Фактически тогда же было решено, – пишет он, – что наша группа занимается исключительно новым предложением, а его группа продолжает работу по старому проекту и одновременно оказывает нам необходимую помощь – мы еще очень многого не знали и не умели» [27, с.150]. Джентльменское соглашение Сахарова и Зельдовича дало мощный импульс работе групп Зельдовича и Тамма по созданию «изделия» (термоядерная бомба, проект РДС-6). В проект вовлекались многочисленные научные коллективы, предприятия, лаборатории и т.д. Неудивительно, что данные о ведущихся в СССР работах над сверхбомбой просачивались в научные и военные круги. В США шпионские страсти и перекрестная слежка после многочисленных расследований создавали вокруг атомного проекта пропитанную подозрительностью

среду. Оппенгеймера, Сцилларда, Ферми, Вайскопа, Бете это раздражало, выводило из себя, иногда пугало. Хорошо знакомый с выучкой английской разведки, Эдвард Теллер доверял ее представителям, работавшим под началом видного английского аналитика Эрика Уэлша [41, p.28–56], которые оценивали научный потенциал Советского Союза выше, чем американцы, и предупреждали от ослепления тех собственными успехами.

Но порой Теллер и его единомышленники приходили в отчаяние, когда даже командование ВВС высказывалось в том духе, что термоядерная бомба слишком затратное мероприятие и лучше накопить побольше атомных бомб. Однако череда событий реанимировала его планы. 25 февраля 1948 г. советские войска вошли на территорию Чехословакии. В марте–апреле того же года произошли события, приведшие к серии пессимистических заключений среди военных западных стран. Встал вопрос о вооружении Западной Германии. Немедленно вернулось внимание к форсированию «Супера» Эдварда Теллера. Цель – во что бы то ни стало гарантировать себя от того, чтобы не оказаться позади русских. «Уже нельзя быть уверенным в нашем превосходстве в атомной войне», – заявил Теллер, повторяя, как прилежный ученик, главную версию своих друзей из британских спецслужб [10, с.258].

Общепринято считать, что Трумэн, применивший не раздумывая атомное оружие тогда, когда в этом не было никакой военной необходимости, до конца своего президентства не имел никакой продуманной стратегии его использования в случае возникновения кризисной ситуации. В сентябре 1948 г. Совет национальной безопасности США принял директиву НСБ-30, которая допускала использование («без промедления») всех доступных средств, включая атомное оружие, в случае необходимости [35, p.31]. Эта расплывчатая формула, как пишет американский исследователь, сравнительно долго позволяла Трумэну мирно уживаться с призраками Хиросимы и Нагасаки [35, p.32].

Растущее напряжение в связи с Берлинским кризисом 1948 г., гражданской войной в Греции, формированием НАТО, имевшим ядерное оружие, и Варшавского пакта не располагало к серьезным дискуссиям по урегулированию атомного вопроса. 10 июня 1948 г. Сталин подписывает Постановление СМ СССР № 1986-773сс/оп «О дополнительных заданиях по плану специальных научно-исследовательских работ на 1948 год». Речь шла преимущественно об ускорении работ над водородной бомбой, эскизный проект которой предполагалось разработать «на основе имеющихся предварительных данных» к 1 января 1949 г. [5, с.125].

Дин Ачесон:

«...Советская бомба изменила все на свете»

Настоящий перелом в международных отношениях наступил, когда 29 августа 1949 г. вблизи Семипалатинска была взорвана первая советская атомная бомба¹⁶. Чуть позднее, 1 октября

1949 г., было провозглашено создание Китайской Народной Республики. Картина мира вновь резко изменилась. Реальная монополия на ядерное оружие исчезла. Соединенные Штаты оставались обладателями гигантского арсенала атомных бомб (около 200 единиц), но секрета их производства уже не существовало. Передать реакцию американской публики на сообщение Трумэна от 23 сентября того же года о советской бомбе трудно, если не невозможно. Смятение, расставание с грезами. «Бедлам», – так записал в своем дневнике ставший уже знаменитым дипломат и историк Джордж Фрост Кеннан, услышав выступление президента в тот же самый день [39, p.376]. Его коллега Дин Ачесон, много позднее вспоминая это событие, в частном разговоре сказал: «Советская бомба изменила все на свете». Научный обозреватель У.Лоуренс, вторя ему, в 1953 г. в журнале *Look* написал, что советская атомная бомба была взорвана на три года раньше, чем ожидалось.

Теллер, сразу же возобновивший работы при поддержке правительства, поймал «удачу». Во-первых, Трумэн впервые для себя узнал о термоядерной бомбе, и, во-вторых, он же 31 января 1950 г. издал директиву о продолжении работ над термоядерным оружием. Блуждания и поиски как будто бы закончились. 9 мая 1951 г. в США был проведен первый взрыв с термоядерными реакциями «Джордж», что означало осуществление первого на Земле зажигания маленького термоядерного пламени¹⁷. Окрыленные успехом США на атолле Эневеток 1 ноября 1952 г. произвели испытание «Майк». Термоядерное устройство этого типа, как и первое, имело двухступенчатую конструкцию и основывалось на идеях Теллера–Улама. Тропиловый эквивалент взрыва составлял 10 млн. тонн. Не прошло и двух лет, как американцы подготовили и провели в Тихом океане очередное испытание термоядерного заряда большой мощности. Ему присвоили наименование «Браво».

¹⁶ Для президента Трумэна взрыв под Семипалатинском был великой неожиданностью. Как рассказывали, он специально попросил председателя Американской комиссии по атомной энергии Дэвида Лилиентала и членов комитета по обнаружению следов взрывов подписать заявления о том, что русские действительно произвели испытание своей бомбы.

¹⁷ Здесь и далее автор следует хронологии Г.А.Гончарова [см. 11, с.49–146].

В Кремле явно нервничали. США вновь оказались далеко впереди. «Записка» Л.П.Берии А.П.Завенягину, И.В.Курчатову, Е.П.Славскому и Н.Н.Павлову о работах на РДС-6с от 2 декабря 1952 г. содержала критическую оценку состояния дел, а в специальном обращении к Курчатову было многозначительно подчеркнута, что «решение задачи создания РДС-6с имеет первостепенное значение» [5, см.555–557]. Отставание, о котором говорилось в «Записке», удалось преодолеть достаточно скоро. 12 августа 1953 г. на Семипалатинском полигоне было проведено испытание модели РДС-6с («слойка Сахарова»). «Изделие» было установлено на башне, но было выполнено в виде транспортабельной бомбы, совместимой со средствами доставки. Тротильный эквивалент взрыва составлял 400 тыс. тонн. В этом «изделии» использовалось «атомное обжатие», применяя которое, принципиально возможно сжать сотни килограмм легкого вещества внутри тяжелой оболочки до плотности, в десятки раз превосходящей его начальную плотность, что позволяет вызвать в легком веществе термоядерный взрыв с высоким коэффициентом использования. Это явление стало использоваться в двухступенчатых термоядерных бомбах большой мощности с использованием радиационной имплозии¹⁸. Творцы бомбы не были полностью удовлетворены тем, что удалось достигнуть, и сразу же после этого, признанного историческим, испытания РДС-6с под Семипалатинском заговорили о создании более мощной водородной бомбы двухступенчатой конструкции, приводимой в действие путем подрыва с помощью радиационной имплозии, как и в конструкции Теллера–Улама.

Медлить было нельзя. Интенсивность и темп американских разработок заставляли всех признать, что «мы, несомненно, задержались во времени» (Ю.Б.Харитон). Присутствовавший на совещании в КБ-11 16–17 июля 1954 г. В.А.Малышев, министр среднего машиностроения, придал этой самокритике политический характер: в создании транспортируемой водородной бомбы большой мощности скрыт результат, в котором нуждается страна: «... Он окажет решающее влияние на позицию государств Западной Европы. Водородная бомба сегодня – наиболее эффективное оружие мира в наших руках» [6, с.206]. Сведения о последовавших один за другим шести американских взрывах, включая «Браво» (1 марта 1954 г.), накрывшего японских рыбаков в Тихом океане, ускорили разработку советской двухступенчатой водородной бомбы. 22 ноября 1955 г. все на том же Се-

¹⁸ Радиационная имплозия – принцип, заключающийся в импульсном сжатии ядерного заряда с использованием энергии рентгеновского излучения, которое выделяется при взрыве близко расположенного ядерного боеприпаса.

мипалатинском полигоне был испытан сброшенный с самолета термоядерный заряд РДС-37. Экспериментальная величина его тротилового эквивалента составляла 1,6 млн. т. Американцы уже ушли далеко вперед, но Сахаров назвал испытание 22 ноября 1955 г. «триумфом».

**Метафизика знания:
«Во многой мудрости
много печали»**

Наверное, такая эмоциональная реакция со стороны одного из создателей советского термоядерного оружия была оправдана. Страна только пережила состояние очередного шока.

Подсознательно многие ощущали после Хиросимы, что побежденным оказался победитель. Нарастание мощности «изделий» [см. 1, с.172] с тенденцией взятия все новых и новых рубежей приобрело планомерный и отчасти амбициозный характер. Но росло желание остановиться и сказать о разумных пределах атомной гонки. Именно в научной среде зародился протест против испытаний ядерного оружия, проводимых США, СССР, Великобританией и Францией. Ученые этих стран научились лучше понимать друг друга. Меньше стало демагогии в печатных выступлениях, больше общего понимания реальных научных, технических и моральных проблем [31, с.279–294].

Существенное влияние изменившейся атмосферы вынужден был признать избранный в 1952 г. президентом США генерал Д.Эйзенхауэр. 8 декабря 1953 г. он выступил с восторженно принятой речью «Атом для мира» перед Генеральной Ассамблеей ООН. Она отразила многие новые обстоятельства, связанные с обсуждаемыми после августа 1949 г. вопросами контроля и запрета испытаний атомного оружия. 66% американцев поддержали Эйзенхауэра [42, р.181]. Принципиально важными и исторически значимыми были два момента. Первый: президент США выступил с формальным признанием конца американской атомной монополии. Второй: период идеологического противостояния, отмеченный маккартизмом и его аналогами в СССР, подошел к своему завершению, хотя в дальнейшем были и «кузькина мать», и «интегрированная долгосрочная стратегия», и «массированное возмездие», и много всего другого. Но главной сенсацией стало выступление председателя Объединенного комитета по атомной энергии Конгресса США Стерлинга Коула, который, нарисовав картину разрушительного эффекта взрыва «Майк», побудил даже У.Черчилля в переписке с Эйзенхауэром поднять вопрос о концепции ядерного превосходства в целом. Он так же, как и президент, усомнился в ее пригодности в качестве инструмента политики «с позиции силы». Для

автора фултонской речи это вынужденное признание и обновление политического мышления было важной вехой возвращения к реалистической оценке происходившего в мире [54, p.191].

Изменение позиции политических верхов США и Англии вызвало положительную реакцию и в Советском Союзе, В заявлении Г.М.Маленкова 12 марта 1954 г. в связи с выборами в Верховный Совет СССР была осуждена холодная война и современные средства ведения войн с применением оружия массового уничтожения. Всеми великими державами было поддержано образование в 1957 г. Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), вплотную занявшегося мирным использованием атома и нераспространением атомного оружия.

Чем дальше мир удалялся от трагедии Хиросимы и Нагасаки, тем очевиднее становилось, что опасаться следовало не овладевшего секретом атомного оружия потенциального противника, а самой бомбы. Выступив летом 1946 г. с исповедальной по тону статьей в малотиражном печатном органе Пенсильванского университета, Роберт Оппенгеймер поверг многих в тревожное изумление признанием, что «многие из тех, кто был занят в грандиозных атомных проектах, надеялись, что создать атомное оружие невозможно». Еще характернее то, что испытывал сам Оппенгеймер, не сомневавшийся, что либо «Малыш», либо «Голстяк» поставят точку в затеянной очередной раз кровавой человеческой драме. Он закончил эссе трагическим предостережением: «Я не разделял этой надежды, ибо знал, что человек в своем поведении руководствуется недоверием к себе подобному» [21, с.181]. Оппенгеймер не менял своих взглядов до конца жизни. В известной статье, опубликованной в журнале *Foreign Affairs* в 1955 г., он писал: «Заглядывая на 10 лет вперед, похоже, все равно нельзя почувствовать себя благополучно, зная, что Советский Союз отстает от нас примерно на четыре года и наполовину уступает нам в силе. По крайней мере мы можем все же заключить, что наши двадцать тысяч бомб... стратегически сильно отличаются от их двух тысяч таких же бомб ... Мы можем представить ситуацию, когда две великие державы, каждая в отдельности, сумеют прикончить цивилизацию и жизнь людей на территории, которой владеет их противник, пусть даже с риском для себя. Как вам понравилось бы сосуществование двух скорпионов в бутылке, способных убить друг друга только ценой риска для их собственной жизни?» [53, p.308].

Одним из первых советских ученых, который вслед за Эйнштейном, Бором, Расселом и Оппенгеймером призвал к осмыслению двойкой сущности ядерного оружия, был П.Л.Капица. В своей философской

статье «Ядерная энергия», написанной в конце 1954 г. для журнала *Новое время*¹⁹, он совершенно категорично писал: «Но как ни полны угрозами термоядерные бомбы, и они имеют положительные стороны. Не только всем скоро станет очевидным, что создавшееся положение явно привело апологетов атомной войны в тупик, но несомненно, что скоро передовые государственные люди всех стран поймут, что единственный выход из этого тупика – это отыскать надежную форму для полного запрета атомного оружия. Кроме того, положительная сторона создавшегося положения еще и в том, что дальнейшая научная работа над повышением взрывной силы ядерной реакции становится бессмысленной» [18, с.189, с.193].

Капица полагал, что шаг за шагом сначала в Европе, а затем во всем мире произойдет нормализация международных отношений. Миротворческой же силой, препятствующей возникновению войны, станет новый фактор: страх, способный образумить и вернуть чувство самосохранения. Постепенно зрели желание и политическая воля управлять этим процессом, контролировать распространение ядерных вооружений.

Можно утверждать, что труд физиков-ядерщиков был не напрасен. Чем выше поднималась планка взрывной мощи ядерного заряда, чем острее становилась угроза тотальной войны, тем шире распространялся страх, тем яснее человечество осознавало бессмысленность накопления ядерных бомб, тем ближе оно приближалось к радикальным предложениям о постепенном свертывании ядерного оружия. Многие из того, что говорилось и писалось за рубежом, не было известно П.Л.Капице. Тем не менее в своей статье он назвал водородную бомбу накоплением «мировой отравляющей нормы», которое бессмысленно, «так как оно ни к чему».

Научная мысль повсюду развивалась примерно в одном и том же русле. Так, у Капицы было много схожего с позицией американского историка и политолога Бернарда Броди, увидевшего в атомной бомбе лучшего гаранта мира. Вышедшая под его редакцией в 1946 г. и сделавшая его вмиг знаменитым книга «Абсолютное оружие» пришла по душе американской публике [34].

Человечество располагало каким-то временем во второй половине 40-х годов, чтобы, уступая благоразумию, сделать выбор в пользу наложения запрета на атомное оружие либо поддаться *mania grandiosa* и искать выход в безостановочном накоплении орудий уничтожения людей. Об этом писал Нильс Бор в известной статье, опубликованной 11 августа 1945 г. в

¹⁹ Статья была опубликована только в 1994 г.

газете *The New York Times*, о том же в сущности писал и его друг и коллега П.Л.Капица Молотову 18 декабря 1945 г. [29, с.64]. Однако и тут и там были как сторонники, так и противники обнуления ядерных исследований и арсеналов.

Десятилетия должны были быть пройдены, прежде чем уже Киссинджер обобщил эти суждения выдающихся ученых-физиков, найдя для этого подходящую форму: «Парадокс ядерной эры заключается в том, – пишет он в своей книге «Нужна ли Америке внешняя политика?», – что увеличению ядерного потенциала – и, следовательно, общей военной мощи – неизбежно сопутствует уменьшение желания ею воспользоваться» [19, с.8]. Таков поздний Киссинджер. Молодым политологом в изданной им в 1957 г. книге «Ядерное оружие и внешняя политика» он отстаивал идею стратегии ограниченной ядерной войны, стало быть, допустимости «немыслимого» в случае возникновения даже незначительных конфликтов [47]. Сегодня он готов присоединиться к почитателям Джона Мюллера, современного автора нашумевшей книги «Расставание с Судным днем. Прощание с глобальной войной». В ней автор настаивает на революционном характере атомного оружия, якобы превратившего войну в анахронизм, касается ли это великих держав или малых стран [51].

Можно предположить, что люди, трудившиеся над новым оружием (ученые, инженеры, рабочие) по обе стороны условной разграничительной линии, не согласились бы с утверждениями ни первого, ни второго автора. Коллективы выдающихся ученых, конструкторов и инженеров делали большую бомбу для большой войны против общего противника, и только послевоенный раскол мира фактически уравнивал шансы сторон, превратив понятие стратегического превосходства в фантом. Параллельно происходило постепенное внедрение принципов кооперативного мышления в атомную дипломатию. Популярный и хорошо осведомленный американский журнал *United States News and World Report* в конце ноября 1952 г., комментируя испытание водородной бомбы на атолле Эниветок, выступил с утверждением, которое никто не опроверг: человечество ждет тотальный суицид, если кто-то вздумает предаться безумству ядерной войны [5, с.553].

Библиографический список

1. Адамский В.Б., Смирнов Ю.Н., Трутнев Ю.А. Сверхмощные ядерные взрывы в США и СССР как проявление научно-технической и государственной политики в годы холодной войны // История советского атомного проекта. Документы, воспоминания, исследования. СПб.: РХГИ, 2002. Вып.2 / Отв. ред. и сост. В.П.Визгин. С.163–183.
2. Атомный проект СССР. Документы и материалы / Под общей ред. Л.Д.Рябева. М.: Изд-во МФТИ, 2002. Т.1. 1938–1945. Ч.2. 797 с.

АТОМНОЕ ОРУЖИЕ – ДЕТАНАТОР ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

3. Атомный проект СССР. Документы и материалы / Под общей ред. Л.Д.Рябева. М.: Саров: Наука, Физматлит, 1999. Т.II. Атомная бомба 1945–1954. Кн.1. 718 с.
4. Атомный проект СССР. Документы и материалы / Под общей ред. Л.Д.Рябева. М.: Саров: Наука, Физматлит, 2000. Т.II. Атомная бомба 1945–1954. Кн.2. 536 с.
5. Атомный проект СССР. Документы и материалы / Под общей ред. Л.Д.Рябева. М.: Саров: Наука, Физматлит., 2008. Т.III. Водородная бомба 1945–1956. Кн.1. 734 с.
6. Атомный проект СССР. Документы и материалы / Под общей ред. Л.Д.Рябева. М.: Саров: Наука, Физматлит, 2009. Т.III. Водородная бомба 1945–1956. Кн. 2. 598 с.
7. Велихов Е. Гордость российской науки // Игорь Васильевич Курчатов в воспоминаниях и документах. Изд. 2-е, перераб. и дополн. М.: Изд.АТ, 2004. С.ХIII–ХIХ.
8. Габараев Б.А., Киселев Г.В., Лысков Б.В., Пичугин В.В. История создания первого в СССР промышленного уран-графитового реактора «А» комбината №817 (в документах). М.: ОАО «Никизт», 2009. 639 с.
9. Гапонов Ю.В., Озеруд Ф., Рубинин П.Е. Новый взгляд на поездку Я.П.Терлецкого к Н.Бору в 1945 г. // Наука и общество. История советского атомного проекта (40 – 50-е годы). Тр. Междунар. симпоз. ИСАП-96. М.: ИздАТ, 1997. Т.1. С.478–520.
10. Герген Г. Братство бомбы. Подробная и захватывающая история создания оружия массового поражения. М.: Аст-Астраль, 2008. 608 с.
11. Гончаров Г.А. Термоядерный проект СССР: предыстория и десять лет пути к водородной бомбе // История советского атомного проекта. Документы, воспоминания, исследования. СПб.: РХГИ, 2002. Вып.2 / Отв. ред. и сост. В.П.Визгин. С.49–146.
12. Горобец Б.С. Ядерный реванш Советского Союза. Об истории атомного проекта СССР. М.: Изд-во «Красанд», 2013. 345 с.
13. Доллежал Н.А. После 1946 года // Воспоминания об Игоре Васильевиче Курчатове / Отв. ред. А.П.Александров. М.: Наука, 1988. С.233–236.
14. Егорова Н.И. Вклад движения сторонников мира в антиядерные кампании (середина 50-х – начало 1960-х гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2015. Вып.2 (35). С.39–69. Доступ для зарегистрированных пользователей: <http://history.jes.su/essue>. 2015.1.2.35.
15. Звезда. 1990. №11. С.71–75.
16. Известия. 7 ноября 1945 г.
17. Калоджеро Ф. Мир без ядерного оружия: желателен ли он? Нужен ли он? Возможен ли он? // Наука и общество. Наука и общество. История советского атомного проекта (40-е – 50-е годы). Тр. Междунар. симпоз. ИСАП-96. М.: ИздАТ, 1997. Т.1. С.561–576.
18. Капица П.Л. Научные труды. Наука и современное общество. М.: Наука, 1998. 539 с.
19. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика. К дипломатии для XXI века. М.: Научн. издат. центр «Ладомир», 2002. 351 с.
20. Курчатов в жизни: письма, документы, воспоминания (из личного архива) / Автор-сост. Р.В.Кузнецова. М.: РНЦ «Курчатовский институт», Изд-во Главархива Москвы, 2007. 623 с.
21. Мальков В.Л. Атомная проблема в межсоюзнических отношениях // Наука и общество. История советского атомного проекта (40-е – 50-е годы). Тр. Междунар. симпоз. ИСАП-96. М.: ИздАТ, 2003. Т.3. С.181–184.
22. Мальков В.Л. Время превратностей: к началу дискуссии о контроле и запрещении атомного оружия // Электронный научно-образовательный журнал «История». М.,

2015. Вып.2 (35). С.4–38. Доступ для зарегистрированных пользователей: <http://history.jes.su/essue>. 2015.1.2.35.
23. Мигдал А.Б. К портрету Андрея Сахарова // Он между нами жил... Воспоминания о Сахарове / Сб. под ред. Б.Л.Альтшуллера. М.: Практика, 1996. С.19–24.
 24. Молотов В.М. Вопросы внешней политики. Речи и заявления. Апрель 1945 – июль 1948. М.: ОГИЗ, 1948. 587 с.
 25. Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка И.В.Сталина с Ф.Рузвельтом и У.Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Док. исследование. М.: Олма Медиа Групп, 2015. Т.2. 767 с.
 26. Рубинин П.Е. Капица П.Л., Берия и бомба // Наука и общество. История советского атомного проекта (40-е – 50-е годы). Тр. Междунар. симпоз. ИСАП-96. М.: ИздАТ, 1999. Т.2. С.260–279.
 27. Сахаров А.Д. Воспоминания. М.: Права человека, 1996. Т.1. 912 с.
 28. Смирнов Ю.Н., Тиммербаев Р.М. К истории заключения Московского договора 1963 года о частичном запрещении ядерных испытаний // История советского атомного проекта. Документы, воспоминания, исследования. СПб.: РХГИ, 2002. Вып.2 / Отв. ред. и сост. В.П.Визгин. С.295–332.
 29. Тиммербаев Р. Об отношении академика Капицы и некоторых других советских ученых к атомному проекту, к атомной бомбе и контролю над ней // Ядерный контроль. Январь – Февраль 1998. №1. С.62–69.
 30. Тиммербаев Р.М. К истории планов международного контроля над атомной энергией // Наука и общество. История советского атомного проекта (40-е – 50-е годы). Тр. Междунар. симпоз. ИСАП-96. М.: ИздАТ, 2003. Т.3. С.214–239.
 31. Шустов В.В. Совещание экспертов по изучению возможностей обнаружения нарушений соглашения о приостановке ядерных испытаний (Женева, 1 июля – 21 августа 1958 года) // История советского атомного проекта. Документы, воспоминания, исследования. СПб.: РХГИ, 2002. Вып.2 / Отв. ред. и сост. В.П.Визгин. С.279–294.
 32. Alperovitz G. The Decision to Use the Atomic Bomb and the Architecture of an American Myth. N.Y.: Alfred A.Knopf, 1995. 847 p.
 33. Bernstein B.J. Commentary: The Challenge of “National Security” – A Skeptical View // Diplomatic History. Vol.17. N2. Spring 1993. P.296–310.
 34. Brodie B. (ed.). The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1946. 214 p.
 35. Broscious S.D. Longing for International Control, Banking on American Superiority: Harry S.Truman’s Approach to Nuclear Weapons // Cold War Statesmen Confront the Bomb Nuclear Diplomacy since 1945 / Ed. by J.L.Gaddis, Ph.H.Gordon, E.R.May, J.Rosenberg. Oxford: Univ. Press, 1999. P.15–38.
 36. Buhite R.D. and Homel W.Ch. War for Peace: The Question of an American Preventive War against the Soviet Union, 1945–1955 // Diplomatic History. Vol.14. Summer 1990. P.367–384.
 37. Bundy M. Danger and Survival. Choices about the Bomb in the First Fifty Years. N.Y.: Random House, 1988. 735 p.
 38. Dallek R. The Lost Peace. Leadership in a Time of Horror and Hope, 1945–1953. N.Y.; L.; Toronto; Sidney; New Delhi: Harper Collins Publ., 2010. 420 p.
 39. Gaddis J.L. George F.Kennan. An American Life. N.Y.: Penquin Books, 2011. 784 p.

АТОМНОЕ ОРУЖИЕ – ДЕТОНАТОР ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

40. Gerson J. *Empire and the Bomb. How the U.S. Uses Nuclear Weapons to Dominate the World*. L.: Ann Arbor, 2007. 348 p.
41. Goodman M.S. *Spying of the Nuclear Bear. Anglo-American Intelligence and the Soviet Bomb*. Stanford (Call.): Stanford Univ. Press, 2007. 295 p.
42. Greenstein F.I. *The Hidden-Hand Presidency. Eisenhower as Leader*. N.Y.: Basic Books., 1982. 286 p.
43. Isaacson W. *Einstein. His Life and Universe*. N.Y.; L.; Toronto; Sidney: Simon & Schuster Paperbacks, 2008. 675 p.
44. Hershberg J.G. James B. Conant. *Harvard to Hiroshima and the Making of the Nuclear Age*. Stanford (Call.): Stanford Univ. Press, 1993. 948 p.
45. Holloway D. *Stalin and the Bomb. The Soviet Union and Atomic Energy 1939–1956*. New Haven; L.: Yale Univ. Press, 1994. 464 p.
46. Holloway D. *The Soviet Union and the Creation of the International Atomic Energy Agency // Cold War History*. Vol.16. N2. May 2016. P.177–193.
47. Kissinger H.A. *Nuclear Weapons and Foreign Policy*. N.Y.: Harper & Brothers, 1957.
48. Leffler M.P. *Was the Cold War Necessary? // Diplomatic History*. Vol.15. N4. Spring 1991. P.548–553.
49. Mark E. *The War Scare of 1946 and Its Consequences // Diplomatic History*. Vol.21. N3. Summer 1997. P.383–415.
50. Matthias W.C. *America's Strategic Blunders: Intelligence Analysis and National Security Policy, 1936–1991*. Univ. Park (Penn.): The Pennsylvania State Univ. Press, 2001. 367 p.
51. Mueller J. *Retreat from Doomsday: The Obsolescence of Major War*. Brooklyn Park, (Minn), 1989. 336 p.
52. Rhodes R. *Dark Sun. The Making of the Hydrogen Bomb*. N.Y.: Simon&Schuster, 1995. 731 p.
53. Rhodes R. *Arsenals of Folly. The Making of the Nuclear Arms Race*. N.Y.: Publ. by A.Knoff, 2007. 386 p.
54. Rosenberg J. *Before the Bomb and After: Winston Churchill and the Use of Force // Cold War Statesmen Confront the Bomb Nuclear Diplomacy since 1945 / Ed. by J.L.Gaddis, Ph.H.Gordon, E.R.May, J.Rosenberg*. Oxford: Univ. Press, 1999. P.171–193.
55. Twigg S. *The Atomic Marshall Plan: Atoms for Peace, British Diplomacy and Civil Nuclear Power // Cold War History*. Vol.16. N2. May 2016. P.213–230.
56. Walker W. *A Perpetual Menace. Nuclear Weapons and International Order*. L.; N.Y.: Routledge, 2012. 239 p.
57. Wittner L.S. *Rebels Against War. The American Peace Movement, 1933–1983*. Philadelphia: Temple Univ. Press, 1984. 364 p.
58. Zubok V. Pleshakov C. *Inside the Kremlin's Cold War. From Stalin to Khrushchev*. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1996. 346 p.
59. Zubok V.M. *Stalin and the Nuclear Age // Cold War Statesmen Confront the Bomb Nuclear Diplomacy since 1945 / Ed. by J.L.Gaddis, Ph.H.Gordon, E.R.May, J.Rosenberg*. Oxford: Univ. Press, 1999.P.39–61.

Наталья Егорова

МЕЖДУ ЕДИНСТВОМ И РАСКОЛОМ

ВЛИЯНИЕ НАЧАЛА ВОЙНЫ
ВО ВЬЕТНАМЕ НА ДВИЖЕНИЕ
СТОРОННИКОВ МИРА¹

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК
327.324

Статья, базирующаяся на анализе рассекреченных документов российских архивов, посвящена рассмотрению двойственного влияния начала войны во Вьетнаме на дальнейшее развитие Движения сторонников мира. С одной стороны, это находило свое проявление в усилении начавшейся с конца 1950-х годов раскольнической деятельности китайских представителей внутри Движения. С другой стороны, широкое протестное движение против агрессии США во Вьетнаме стимулировало стремление сторонников мира к более тесному сотрудничеству с другими антивоенными движениями и организациями миролюбивых сил, несмотря на существующие между ними политические и идеологические противоречия, характерные для эпохи холодной войны.

This article, based on the analysis of declassified documents from Russian archives, is devoted to consideration of a dual influence of the beginning of the Vietnamese War on the further development of the Partisans for Peace Movement. On the one hand, it found its expression in strengthening of the splitting activities of the Chinese representatives within this Movement that began in the end of the 1950s. On the other hand, the widespread protest's movement against US aggression in Vietnam had stimulated the search by the Partisans for Peace Movement more close cooperation with other anti-war movements and organizations of the world peaceful forces, in spite of the existing between them the ideological and political contradictions, which were typical for the Cold War era.

Ключевые слова: Движение сторонников мира; Всемирный Совет Мира; Советский комитет защиты мира; Всемирный конгресс; советско-китайские противоречия; Южный Вьетнам; ДРВ; СССР; США; начало войны во Вьетнаме.

Key words: The Partisans of Peace Movement; the World Peace Council; the Soviet Peace Committee; the World Congress; the Soviet-Chinese contradictions; South Vietnam; North Vietnam; the USSR; the USA; the beginning of the war in Vietnam.

E-mail: n.i.egorova@gmail.com

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02677), полученного ФГБУН Институт всеобщей истории РАН.

**Состояние Движения
сторонников мира
на рубеже 1960-х**

К моменту вооруженного столкновения в Тонкинском заливе 4 августа 1964 г. американского эсминца и северовьетнамских торпедных катеров (Тонкинский инци-

дент) и нанесения палубной авиацией США в феврале 1965 г. бомбового удара по военным объектам Северного Вьетнама Всемирное движение сторонников мира находилось в состоянии застоя. Его руководством не предлагалось ярких инициатив и новых форм борьбы, в самом Всемирном Совете Мира (ВСМ) сохранялись внутренние разногласия, порождаемые как необходимостью реформирования Движения, так и внешними факторами.

За период времени с момента учреждения на Парижско-Пражском конгрессе (20–25 апреля 1949 г.) организованного Движения сторонников мира (ДСМ) и до середины 1960-х годов, оно прошло несколько этапов в своем развитии. Наиболее плодотворным был начальный этап, завершившийся в 1956 г.

Война в Корее (1950–1953) и Индокитае (1945–1954), растущее осознание опасности ядерной войны побуждали представителей различных социально-политических кругов, а также видных деятелей науки и культуры в странах Западного и Восточного блоков к участию в ДСМ и поддержке его инициатив, несмотря на преобладание в нем коммунистов и решающее влияние Советского Союза.

Первая разрядка международной напряженности, достигшая своего апогея в 1955 г. в результате состоявшегося 18–23 июля Женевского совещания на высшем уровне лидеров СССР, США, Великобритании и Франции, рассматривалась всеми миролюбивыми силами и, прежде всего, Движением сторонников мира как важная победа в их борьбе за ослабление холодной войны, чреватой войной горячей. К этому времени окончательно выкристаллизовалась в качестве главной цели, способной объединить всех участников ДСМ, борьба за разоружение, в первую очередь ядерное.

Венгерские революционные события (1956 г.) и их подавление с участием советских вооруженных сил привели к отходу от ДСМ представителей социалистических партий, ряда бывших политиков и деятелей культуры. Усилилась также критика со стороны влиятельных членов ВСМ и национальных организаций из-за подчинения Движения советской внешней политике. Наметившиеся кризисные тенденции в ДСМ послужили поводом для первых обращений в ЦК

КПСС руководителей Советского комитета защиты мира (СКЗМ) и таких авторитетных членов ВСМ, как И.Г.Эренбург, с предложениями по выработке более гибких подходов и отказа от использования Движения в качестве инструмента советской дипломатии. Однако, несмотря на некоторое ослабление директивного вмешательства Москвы в деятельность ДСМ, сокращение числа коммунистов в ВСМ и его Секретариате, кризисные тенденции продолжали сохраняться. В 1957–1958 гг. свою лепту в ослабление сплоченности Движения вносили не только внутренние, но и внешние факторы. В эти годы, не без влияния позитивного примера деятельности самого ДСМ, возросло число т.н. «параллельных» движений в защиту мира, в том числе ставившегося весьма влиятельным Пагуошского движения ученых против ядерного оружия.

Еще одним важным фактором, усилившим кризисные тенденции в ДСМ в конце 1950-х годов, явилось ширившееся национально-освободительное движение в странах Азии и Африки. Начавшиеся в ВСМ и на Конгрессах ДСМ дискуссии о взаимосвязи борьбы за мир с национально-освободительным движением выявили разные подходы к этому вопросу.

С начала 1960-х годов эту ситуацию внутри ДСМ серьезно обострило привнесение в него советско-китайских идейно-политических разногласий, отразившихся в международном коммунистическом движении и двусторонних отношениях СССР и КНР. Возрастание влияния компартии Китая на национально-освободительное движение и отстаивание ее представителями в ДСМ спорных тезисов² были неоднозначно восприняты представителями ряда комитетов защиты мира³. Это не только вызывало полемику на форумах ВСМ, но препятствовало практическому обсуждению актуальных проблем международной обстановки и борьбы за разоружение.

**Первая реакция
на осложнения ситуации
во Вьетнаме**

В середине 1960-х годов к продолжавшемуся негативному воздействию советско-китайских противоречий добавились острые дискуссии,

² Тезисы о несовместимости борьбы за национальное освобождение с борьбой за разоружение и об отсутствии со стороны СССР поддержки антиимпериалистической и антиколониальной борьбы народов.

³ Албании, КНДР, Индонезии, Японии, некоторых стран Африки и Латинской Америки.

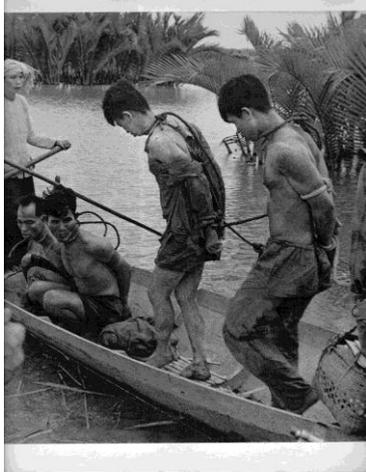
вызванные началом войны во Вьетнаме. Реакция на нее сторонников мира, прежде всего, обострила вставшую ранее перед руководством ДСМ проблему увязывания борьбы за мир с поддержкой национально-освободительного движения. В то же время агрессия США во Вьетнаме повлияла на изменение приоритетов в ДСМ и выдвижение на первое место (как и в других организациях миролюбивых сил) борьбу против войны во Вьетнаме, что усиливало необходимость решения давно назревшего вопроса о более тесной кооперации ДСМ с другими антивоенными движениями в защиту мира.

Важно отметить, что уже в документах второго Всемирного конгресса сторонников мира (1950) – «Манифесте к народам мира» и «Обращении к ООН» – звучали первые призывы к прекращению военных действий против национально-освободительного движения во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже, которые с 1945 г. вела в этом регионе Франция. Поэтому ДСМ приветствовало итоги состоявшегося 26 апреля – 21 июля 1954 г. Женевского совещания министров иностранных дел СССР, США, Великобритании, Франции и КНР по Индокитаю, закрепившего перемирие в Корее и положившего конец первой войне в Индокитае.

Как известно, на этом совещании была принята компромиссная резолюция о временном разделении Вьетнама по 17-й параллели на Южный (под властью профранцузски настроенного императора Бао Дая) и Северный (территория ДРВ под контролем Вьетмина). Объединение страны должно было состояться после всеобщих свободных выборов, которые не случились по вине руководства Южного Вьетнама.

Срыв мирного решения объединения Вьетнама привел к активизации помощи со стороны ДРВ (через территорию нейтральных Лаоса и Камбоджи) партизанскому движению Южного Вьетнама, боровшемуся против режима Нго Динь Зьема. Эта помощь осуществлялась как посредством предоставления военных советников, так и поставками вооружений. В декабре 1960 г. был создан Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ) – Вьетконг. Успехи партизан заставили США⁴ усилить военную помощь сменявшим друг друга у власти южновьетнамским правительствам.

⁴ США воспринимали создание КНР в 1949 г. и события во Вьетнаме как коммунистическую экспансию в Юго-Восточной Азии и сменили Францию в противодействии коммунистическим и национально-освободительным силам в Индокитае.

Переправа пленных Вьетконга
через дельту р. Меконг.
Фото из журнала "Life"
(February 26, 1971)

На раннем этапе войны во Вьетнаме советское руководство, стремившееся не допустить, с одной стороны, чтобы события в Индокитае ухудшили взаимоотношения СССР со странами Запада, а с другой, – помешать укреплению союзнических отношений США с азиатскими государствами, всячески пыталось ослабить резкую тональность в высказываниях и требованиях Ханоя. Советское руководство неоднократно предупреждало лидеров ДРВ, что США и блок СЕАТО вряд ли допустят, чтобы занимающий важную стратегическую позицию Южный Вьетнам оказался в социалистическом лагере. К началу 1960-х годов СССР склонялся к линии невовлеченности в дела Индокитая [8, р.61, 209]. При

этом советские лидеры должны были принимать во внимание тот факт, что теперь в Азии у них имеется не союзник в лице КНР, которому можно делегировать ответственность за развитие событий в регионе, а противник, действующий в своих собственных интересах. Взаимоотношения СССР и ДРВ осложнялись также тем, что в набиравшем обороты идеологическом и политическом советско-китайском конфликте руководство ДРВ идеологически было ближе к позициям китайских коммунистов и имело разногласия с советской стороной по многим идеологическим вопросам. В то же время Хо Ши Мин и другие лидеры ДРВ, рассчитывавшие на помощь и КНР, и СССР, должны были соблюдать баланс в отношениях со своими двумя главными союзниками, при этом не доверяя им в полной мере ввиду их вражды между собой. Эта амбивалентная позиция Ханоя вызывала дополнительную степень недоверия со стороны Москвы.

**Сложности в организации
кампании протеста
против начала агрессии США**

Ситуация в Южном Вьетнаме очень волновала президента США Л.Джонсона, опасавшегося успехов коммунистов в продвижении других стран Юго-Восточной Азии (ЮВА)

МЕЖДУ ЕДИНСТВОМ И РАСКОЛОМ

по пути КНР. Поэтому Джонсон, вступив в должность президента после убийства Дж.Кеннеди в Далласе 22 ноября 1963 г., стал проводить более энергичную и напористую политику на вьетнамском направлении, чем его предшественник, хотя и при Кеннеди происходило наращивание американской военной помощи Сайгону. Вовлечение США в дела Индокитая не ограничивалось теперь только Южным Вьетнамом и поддержкой сайгонского режима. Администрация США начала проведение различных операций против ДРВ (заброска с воздуха диверсантов, саботаж, подрывная деятельность, сбор разведывательной информации) с целью убедить ее руководство в тщетности надежд на завоевание Южного Вьетнама, а также помешать оказанию Ханоем помощи Вьетконгу.

К 1964 г. для Вашингтона стало очевидным, что тайные операции против Северного Вьетнама не приносят желаемых результатов. После поездки министра обороны США Р.Макнамары в Южный Вьетнам (март 1964 г.) в американской администрации стали разрабатываться более крупные военные операции против ДРВ. На основании принятой 7 августа 1964 г. Конгрессом США т.н. «Тонкинской резолюции», разрешавшей президенту при необходимости применять военную силу в ЮВА [8, р.206], в феврале 1965 г. Джонсон утвердил долговременную программу бомбардировок территории Северного Вьетнама.

Эскалация американской агрессии во Вьетнаме положила начало активизации международного протестного движения против второй войны в Индокитае, которая стала распространяться и на ДРВ. Первоначально внимание ВСМ к вьетнамскому вопросу было привлечено в связи с обострением ситуации в Южном Вьетнаме. В 1963 г. по призыву ВСМ во многих странах, включая СССР, была проведена Неделя солидарности с борьбой вьетнамского народа за воссоединение страны. Участники этого мероприятия настаивали на выполнении Женевских со-

Раненые вьетнамские дети.
Фото из журнала "Life"
(February 26, 1971)

глашений 1954 г. о мирном объединении Вьетнама. На Будапештской сессии Президиума ВСМ 25–27 апреля 1964 г. также звучали призывы покончить с войной в Южном Вьетнаме. Но только после событий в Тонкинском заливе в Движении сторонников мира выявилось новое направление, которое, наряду с проблемой разоружения, становится определяющим в его деятельности с середины 1960-х до середины 1970-х годов. Речь идет о вовлечении ДСМ в ширившееся антивоенное движение миролюбивых сил против эскалации американской агрессии во Вьетнаме. Анализируя это направление деятельности ДСМ, необходимо учитывать воздействие на него двух важных факторов: советско-китайских и советско-вьетнамских отношений.

На заседании Президиума ВСМ в Берлине 6–9 декабря 1964 г., уделившем преимущественное внимание развертыванию активной борьбы против американских планов создания Многосторонних ядерных сил, были приняты два Заявления по международным кризисам: по Конго (где с 1960 г. и вплоть до 1964 г. продолжался международный Конголезский кризис) и по Вьетнаму, выражавшие обеспокоенность миролюбивой общественности относительно ситуации и в Южном, и в Северном Вьетнаме⁵. В аналитической справке СКЗМ, посвященной ДСМ и другим миролюбивым силам, в разделе о поддержке ими борьбы народов за национальное освобождение подчеркивалось, что в 1964 г. развернулась острая борьба миролюбивых сил против американской интервенции в Южном Вьетнаме и за прекращение провокаций против ДРВ⁶.

Однако организационное оформление в ДСМ кампании борьбы против войны во Вьетнаме с самого начала натолкнулось на трудности политического характера. Обострение советско-китайских отношений, принявшее к середине 1960-х годов характер открытого раскола, оказывало негативное влияние не только на коммунистическое движение, но и на взаимоотношения СССР со странами «третьего мира», в которых заметно возросло влияние идей маоизма и укрепилась роль КПК в качестве главной революционной силы. Несмотря на то, что принцип мирного сосуществования интерпретировался в советских партийных документах как не исключаящий национально-освободительную борьбу, многие лидеры недавно освободившихся от колониальной зависимости

⁵ *Материалы заседания Президиума ВСМ в Берлине 6–9 декабря 1964 г.* // [1, д.1071, л.98].

⁶ *Информационные материалы СКЗМ о движении сторонников мира в зарубежных странах, 1965 г.* // [1, д.1111, л.12].

стран разделяли обвинения СССР со стороны КПК в «ревизионизме» и слабости его борьбы с империализмом. Идеологические противоречия между СССР и развивающимися странами накаляли обстановку во время сессий ВСМ.

Влияние КПК в Северном Вьетнаме возрастало по мере обострения вьетнамского вопроса. Отношения СССР с ДРВ стали постепенно ухудшаться после Бухарестского совещания коммунистических и рабочих партий в июне 1960 г., на котором Н.С.Хрущев обрушился с резкой критикой на КПК и лично Мао Цзедуна за их идеологические концепции, китайско-индийский конфликт и политику в области экономики. В начале 1962 г. северовьетнамское руководство совершило резкий поворот от нейтралитета в конфликте КПСС и КПК к прокитайской позиции. В совместном коммюнике КНР и ДРВ от 16 мая 1963 г. Партия трудящихся Вьетнама (ПТВ) открыто поддержала позицию Китая по многим вопросам и начала пропагандировать в своих рядах взгляды КПК⁷, запрещая при этом распространение советской пропаганды [7, р.262]. В международных организациях⁸ представители ДРВ поддерживали позицию китайских делегатов.

К июню 1964 г. советско-вьетнамские отношения настолько ухудшились, что руководство ДРВ отказалось опираться на советскую военную доктрину и стало полагаться на китайскую военную стратегию. Бюро по военным вопросам ЦК ПТВ приняло решение о постепенном переходе северовьетнамской армии с советского вооружения на китайское [7, р.263]. Таким образом инцидент в Тонкинском заливе произошел в обстановке фактического коллапса во взаимоотношениях между СССР и ДРВ. Только после отставки Н.С.Хрущева в октябре 1964 г. и прихода к власти Л.И.Брежнева новое советское руководство начало пересматривать политику в отношении Индокитая. Необходимо было не только улучшить отношения с Северным Вьетнамом, повысив степень его доверия к СССР и укрепив там советское влияние, но возобновить диалог с США и другими западными странами в интересах урегулирования конфликта во Вьетнаме. Об этом свидетельствовал визит председателя Совета министров СССР А.Н.Косыгина в Ханой (февраль

⁷ Относительно борьбы с империализмом, ядерной войны, негативной оценки Московского договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах, китайско-индийского пограничного конфликта и др.

⁸ ВСМ, Всемирная федерация профсоюзов, Международная демократическая федерация женщин, Всемирная федерация демократической молодежи.

1965 г.), на время которого пришлось начало американских бомбардировок территории Северного Вьетнама, свидетельствовавших об упущенных возможностях в предотвращении эскалации конфликта. В то же время происходило улучшение взаимоотношений СССР и ДРВ. По итогам визита Косыгина было подписано двустороннее советско-вьетнамское заявление, в котором осуждались агрессивные действия США и говорилось о мерах по укреплению обороноспособности Северного Вьетнама. С 1965 г. Советский Союз начал поставлять во Вьетнам новейшее отечественное вооружение, осуществлять обучение и подготовку командного состава Вьетнамской народной армии, направлять в ДРВ советских военных советников (см. подробнее: [5, с.335–337]).

Инструктаж вьетнамских летчиков, обучающихся в СССР, перед вылетом
(Фото из Российского государственного архива кинофотодокументов)

**Руководство ДРВ в поисках
поддержки миролюбивых сил**

Сложная ситуация в советско-китайских и советско-вьетнамских отношениях не могла не отражаться на всех мероприятиях Движения сторонников мира, связанных с протестами против разворачивавшейся войны во Вьетнаме. Они были отмечены новыми попытками представителей КНР и ее сторонников внести раскол в Движение. После августовского инцидента 1964 г. в Тонкинском заливе по поручению ВСМ в ДРВ выехала член его Президиума Изабелла Блюм. В беседе с премьер-министром ДРВ Фам Ван Дон-

гом, которая состоялась в Пекине по пути во Вьетнам, а после прибытия на место в беседе с Председателем ЦК ПТВ и президентом ДРВ Хо Ши Мином Блюм выяснила, что Вьетнамский комитет защиты мира решил созвать в ноябре 1964 г. в Ханое всемирную конференцию всех национальных комитетов Движения, чтобы добиваться вывода американских войск из Южного Вьетнама и строгого соблюдения Женевских соглашений 1954 г. Иными словами, руководство ДРВ нуждалось в поддержке через ВСМ мировым общественным мнением своей политики противодействия американскому вмешательству в дела Южного и Северного Вьетнама. Кроме того, правительство республики и национальный комитет защиты мира рассылали большое количество писем отдельным лицам и общественным организациям в США с призывом поддержать борьбу народа Вьетнама⁹.

Отчитываясь в СКЗМ о своей поездке в Ханой, Блюм высказалась за созыв намеченной конференции, которая показала бы Пекину, что поддерживают Вьетнам не только КНР, но и СССР и весь мир. Данная конференция, подготовка к которой была отмечена китайско-вьетнамскими разногласиями из-за приглашения на нее представителей международных демократических организаций, и в особенности ВСМ, состоялась 25–29 ноября 1964 г. Она должна была продемонстрировать солидарность с национально-освободительным движением Южного Вьетнама и способствовать прекращению американских провокаций против ДРВ. Представители комитета защиты мира ДРВ возлагали большие надежды на участие в конференции СССР, КНР и других соцстран. В складывавшейся обстановке они считали особо желательным участие советской делегации, т.к. «СССР является центром социалистического лагеря и мирового коммунистического движения, а поддержка СССР служит решающим фактором в борьбе вьетнамского народа»¹⁰. В то же время на конференции отчетливо проявились советско-китайские разногласия, хотя делегация СССР пыталась игнорировать провокационные выпады китайцев¹¹. В итоге конференция приняла две резолюции – о Вьетнаме и

⁹ *Запись беседы с членом Президиума ВСМ Изабеллой Блюм (Бельгия), 15 октября 1964 г. // [3, д.637, л.160].*

¹⁰ *О «Международной конференции солидарности с вьетнамским народом против агрессии американского империализма, в защиту мира», состоявшейся в Ханое 25–29 ноября 1964 г. (Справка) // [3, д.729, л.1].*

¹¹ *Нападки на принцип мирного сосуществования, на Московский договор, предложения об одобрении создания атомной бомбы КНР как «надежды Азии».*

о поддержке борьбы против империализма и колониализма и два обращения – к южновьетнамскому и американскому народам [3, д.729, л.13].

По имевшимся в ЦК КПСС сведениям вьетнамские делегаты пытались удержать антисоветски настроенных сторонников Пекина от резких высказываний, поскольку руководство ДРВ было заинтересовано в последующей помощи СССР и соцстран [3, д.729, л.16]. Тем более что в заявлении ТАСС от 27 ноября говорилось о поддержке справедливой борьбы южновьетнамского народа, а Советский Красный Крест предоставил ему материальную помощь. Как отмечалось в справке посольства СССР в Ханое, «китайцам не удалось посорить нас с вьетнамцами в ходе конференции». Такова была специфика поддержки Движением сторонников мира ДРВ и Национального фронта освобождения Южного Вьетнама в начальный период агрессии США против ДРВ.

Влияние войны во Вьетнаме на смену приоритетов в ДСМ

28 февраля – 3 марта 1965 г. в Берлине состоялось совещание руководителей 52 национальных комитетов ДСМ (в целом число участников совещания составило 100 человек),

посвященное подготовке к своему Всемирному конгрессу, проведение которого было намечено на 10–15 июля 1965 г. в Хельсинки. Однако в связи с событиями во Вьетнаме внимание собравшихся переключилось на обсуждение действий США в ЮВА. Этому способствовал и тот факт, что на совещание прибыли 4 делегата из Северного Вьетнама и 1 делегат из Южного Вьетнама, а также большая делегация из Китая, члены которой после выступления южновьетнамского представителя, изложившего требования к ДСМ, развязали острую дискуссию¹². Они выступили с обвинениями против ВСМ и СССР, которые усилились после выдвинутых предложений о посылке телеграммы солидарности с вьетнамским народом президенту ДРВ Хо Ши Мину и телеграммы протеста президенту США Л.Джонсону с требованием прекратить провокации против ДРВ и немедленно вывести американские войска из Южного Вьетнама. Китайская позиция по вьетнамскому вопросу сводилась к тезисам об ошибочности утверждений об опасности перерастания войны во Вьетнаме в ядерную катастрофу и призывов вступить в переговоры. По мнению китайских представителей, необходимо было требовать

¹² *Постановления, протоколы и стенограммы заседаний Президиума СКЗМ. Т.1 (14 января – 10 июня 1965 г.)* // [1, д.1083, л.56].

МЕЖДУ ЕДИНСТВОМ И РАСКОЛОМ

не переговоров, а немедленного вывода всех американских войск из Южного Вьетнама. Попытка советской делегации отдельно встретиться и обсудить разногласия с китайскими делегатами не удалась. Более того, китайцы называли советских участников «приспешниками американского империализма».

17 марта (опять же в контексте подготовки к Всемирному конгрессу ДСМ) в СКЗМ состоялось чрезвычайное заседание Президиума с повесткой дня: «О провокационных действиях американской агрессии против ДРВ и о поддержке борьбы вьетнамского народа» [1, д.1083, л.23]. В частности, осуждались действия США по применению напалма в Южном Вьетнаме и распространению американской агрессии на Северный Вьетнам. Наиболее важная часть состоявшейся на этом заседании СКЗМ дискуссии была посвящена выработке тактики ДСМ в движении протеста против действий США во Вьетнаме.

Расширенное заседание Президиума СКЗМ 17 марта 1965 г., посвященное агрессии США в Индокитае. Заседание открывает Н.С.Тихонов, справа И.Г.Эренбург, слева Г.Жуков (Фото из Российского государственного архива кинофотодокументов)

Дискуссия затронула и подготовку Обращения СКЗМ к зарубежным комитетам защиты мира по вьетнамскому вопросу. Так, член Президиума ВСМ и СКЗМ И.Г.Эренбург выступил с резкой критикой использования в этом документе «затертых» пропагандистских формулировок («зарвавшийся империализм», «международный жандарм» и т.п.), не взирая на предсказуемую негативную реакцию китайских представителей. Главная мысль, которую должен был донести до сторонников мира

этот документ, – возможность и опасность всеобщей войны из-за событий во Вьетнаме [1, д.1083, л.55].

Заседания отдельных комиссий СКЗМ также посвящались событиям во Вьетнаме. 2 апреля 1965 г. состоялось расширенное заседание комиссии «Медицинские аспекты проблемы разоружения», на котором звучали не только широко распространенные призывы «руки прочь от Вьетнама!», но и в виде предостережения осуждались войны с применением химического и бактериологического оружия. Однако, по мере расширения американской агрессии, на заседании этой же комиссии 20 октября речь уже шла о практических шагах по расширению связей с зарубежными учеными и медиками в противодействии начавшемуся применению США во Вьетнаме отравляющих веществ¹³.

Значение Стокгольмской сессии ВСМ 1965 г.

24–25 апреля 1965 г. в Стокгольме состоялась Чрезвычайная сессия Президиума ВСМ, посвященная в основном американской агрессии во Вьетнаме и частично организацион-

ным вопросам. Как указывалось в итоговой резолюции, целью состоявшегося заседания являлось «изучение исключительно серьезного положения во Вьетнаме»¹⁴. На сессии было заслушано послание президента-исполнителя ВСМ, профессора Дж.Бернала, и доклады делегатов Северного и Южного Вьетнама. Участники Чрезвычайной сессии Президиума потребовали от правительства США уважать Женевские соглашения 1954 г. по Вьетнаму и прекратить агрессию в Южном Вьетнаме и акты войны против ДРВ. Они призвали всех борцов за мир усилить движение в поддержку позиции НФОЮВ и правительства ДРВ. Была также принята резолюция о проведении 23–30 мая международной Недели действий в поддержку борьбы вьетнамского народа (проходившей под лозунгом «руки прочь от Вьетнама!») [1, д.1143, л.2–4].

Однако проведение указанной сессии Президиума ВСМ и принятие согласованных решений сопровождалось рядом трудностей, которые потребовали от СКЗМ дальнейших усилий по налаживанию отношений с делегатами ДСМ и особенно с представителями Южного Вьетнама и ДРВ. Из рассекреченных архивных документов следует, что инициато-

¹³ *Материалы заседания комиссии «Медицинские аспекты проблемы разоружения», 2 апреля – 20 октября 1965 г. // [1, д.1088, л.5, 40].*

¹⁴ *Материалы заседания Президиума ВСМ в Стокгольме и Софии // [1, д.1143, л.1].*

ром созыва этой сессии Президиума ВСМ являлся СКЗМ, стремившийся в контексте соперничества с Китаем не уступать своего влияния в протестном движении против войны во Вьетнаме. После Стокгольмской сессии, 28 и 29 апреля, в Москве состоялись отдельные встречи с членами комитета защиты мира Вьетнама, представляющими Северный Вьетнам и Южный Вьетнам.

Встречу с северовьетнамским делегатом Нгуен Минь Ви проводил известный журналист, член СКЗМ Г.А.Жуков. В ходе этой беседы выявились интересные детали как о подготовке итоговой резолюции Стокгольмской сессии Президиума ВСМ, которую поручили вьетнамской делегации, так и о дополнительных трудностях организации в ДСМ борьбы против второй войны в Индокитае (ввиду позиции американской делегации, считавшей необходимым начать переговоры по вьетнамскому вопросу). Вьетнамские же делегаты возражали против «любых переговоров», настаивали на первоначальном принятии США требований Вьетнама и только после этого соглашались на ведение переговоров¹⁵. Кроме того, Нгуен Минь Ви информировал собеседника, что только в 1964 г. в Северном Вьетнаме появилось китайское и советское оружие. В заключение беседы Жуков, давая высокую оценку Стокгольмской чрезвычайной сессии, заявил, что «та большая поддержка, которую сейчас Всемирный совет мира и все организации, входящие в наше движение, оказывают Вьетнаму», сыграет свою важную роль [1, д.1097, л.7].

Беседа с представителем Южного Вьетнама Данг Куанг Минем проходила под председательством главы СКЗМ, поэта Н.С.Тихонова, однако Г.А.Жуков также принимал в ней активное участие. Тихонов подчеркнул, что, после заявления советского правительства в начале 1965 г. о предоставлении ДРВ широкомасштабной военно-технической помощи, в СКЗМ потоком идут письма советских граждан о добровольной помощи Вьетнаму, а Жуков отметил важность открытия в Москве Постоянного представительства НФОЮВ. Со своей стороны, в ходе беседы Данг Куанг Минь заявил: «Для нас Москва является центром общего движения и центром общей поддержки, которую получают народы Южного Вьетнама»¹⁶. Тем самым давая понять, что признаёт за СССР лидерство в ДСМ.

¹⁵ Стенограмма встречи с членами Комитета защиты мира Вьетнама, 28 апреля 1965 г. // [1, д.1097, л.3].

¹⁶ Стенограмма встречи Постоянного представителя Национального фронта освобож-

Важно также иметь в виду, что по мере обострения обстановки в Индокитае вопросы приема представителей Вьетнама в СКЗМ стали носить не столько общественный, сколько политический характер. Об этом свидетельствует, например, официальное письмо ответственному секретарю СКЗМ И.Котову из Министерства иностранных дел о том, что советское посольство в ДРВ считает целесообразным принять в июне 1965 г. в СССР делегацию Вьетнамского комитета защиты мира. О решении СКЗМ необходимо было сообщить в отдел Юго-Восточной Азии МИД СССР¹⁷.

Материалы заседания Президиума СКЗМ от 18 мая предоставляют дополнительные сведения о том, что, несмотря на принятие согласованных решений, проведение Стокгольмской чрезвычайной сессии Президиума ВСМ сопровождалось рядом проблем.

Тем не менее на заседании Президиума СКЗМ среди успехов этой сессии упоминался и тот факт, что впервые удалось наладить «доверительные контакты» с северовьетнамскими представителями¹⁸. При этом отмечалось некоторое изменение в умонастроениях и поведении представителей ДРВ, которые, хотя и руководствовались директивой «не выступать против китайцев», в частных беседах не одобряли поддержку представителями Южного Вьетнама позиции делегатов КНР и готовили свои проекты документов с учетом советских предложений. Такие сдвиги в поведении представителей ДРВ в сторону налаживания сотрудничества с советскими делегатами на форумах ДСМ предлагалось в дальнейшем использовать против китайцев [1, д.1083, л.113].

Обстановка и дискуссии на Чрезвычайной сессии в Стокгольме, а также трудности, возникавшие в процессе подготовки Всемирного конгресса за мир, национальную независимость и всеобщее разоружение, заставили Дж.Бернала 11 июня обратиться в СКЗМ с письмом на имя А.Е.Корнейчука (главы советской делегации на Конгрессе и члена Президиума ВСМ), выражавшим его крайнюю озабоченность состоянием ДСМ и проведением Конгресса. В этом документе, принципиально важном для понимания того, что представляло собой Движение сторонников мира к середине 1960-х годов, были обозначены две главные темы: влияние войны во Вьетнаме и опасность изоляции ДСМ от других

дения Южного Вьетнама с членами СКЗМ, 29 апреля 1965 г. // [1, д.1097, л.36].

¹⁷ Информационный материал о работе международных организаций сторонников мира и о проведении международных кампаний в защиту мира, 1965 г. // [1, д.1112, л.29].

¹⁸ Постановления... Президиума СКЗМ. Т.1 // [1, д.1083, л.107].

миролюбивых сил из-за попыток китайских представителей и их союзников превратить его в орудие борьбы против американского империализма. Таким образом, война во Вьетнаме обострила вставшую перед руководством ДСМ с середины 1950-х годов проблему увязывания борьбы за мир с поддержкой национально-освободительного движения.

По мнению Бернала, усиление внимания к событиям во Вьетнаме могло укрепить наметившуюся ранее и вызывающую еще большее беспокойство в текущий момент тенденцию превратить и ДСМ, и предстоящий Конгресс «в одну из разновидностей движения за афроазиатскую солидарность», направленную, в основном, против империализма США. Это означало бы «полную перемену характера всемирного движения за мир», поскольку «движение против империализма само по себе необязательно является движением за мир». Последнее призвано оказывать влияние на правительства, а не противопоставлять им силу¹⁹. В данном контексте он рассматривал и возможные последствия доминирования на Всемирном конгрессе вьетнамского вопроса [1, д.1114, л.156].

Влияние войны во Вьетнаме на другие движения миролюбивых сил

Необходимо отметить, что в отличие от Движения сторонников мира «параллельное» ему организованное Пагуошское движение ученых не испытывало подобных разногласий

при обсуждении ситуации во Вьетнаме.

Негативное влияние войны во Вьетнаме особенно сильно сказалось на проведении Дартмутских встреч советской и американской общест-венности, которые в начальный период своей деятельности (1960–1964) были самым тесным образом связаны с СКЗМ. Запланированное проведение в октябре–ноябре 1965 г. в США очередной Дартмутской конференции так и не состоялось. Как сообщалось в письме (9 августа 1965 г.) М.И.Котова в ЦК КПСС, «в свете сложившейся международной обстановки предложенное время проведения следующей Дартмутской встречи представляется невыгодным для советской стороны». Свою позицию он объяснял соображениями о специфике этих встреч, выражавшейся в закрытом характере обмена мнениями без принятия и опубликования документов, что могло бы дать повод «для неправильного толкования

¹⁹ Переписка с ВСМ (Вена) по вопросам борьбы в защиту мира, 3 января – 23 декабря 1965 г. // [1, д.1114, л.155].

позиции советской общественности по острым политическим проблемам и, в первую очередь, по вьетнамской проблеме». Кроме того, Котов полагал, что в условиях агрессии США во Вьетнаме попытки использовать эту встречу для непосредственного обращения к американской общественности вряд ли могли быть успешными. Но они могли нанести ущерб установившимся контактам с влиятельной группой общественных деятелей, «имеющих возможность содействовать улучшению советско-американских отношений в более благоприятное время» [3, д.729, л.222–223]. Дартмутские встречи возобновились только в январе 1969 г.

**Всемирный конгресс ВСМ
в условиях эскалации войны
во Вьетнаме**

Проходивший 10–15 июля 1965 г. в столице Финляндии Всемирный конгресс за мир, национальную независимость и всеобщее разоружение отличался меньшим количеством

участников, чем предыдущий – Московский конгресс 1962 г. На нем присутствовало 1 470 делегатов от национальных комитетов защиты мира и 17 представителей от международных организаций. Советскую делегацию в составе 42 человек возглавлял А.Е.Корнейчук. Делегация США прибыла в количестве 97 человек, включая видных общественных деятелей, представителей различных социально-политических сил, представителей культуры.

В директивах ЦК советской делегации содержалось два основополагающих указания: руководствоваться текущей международной обстановкой (агрессивные действия США во Вьетнаме, Доминиканской республике и других регионах) и одновременно всячески отстаивать нацеленность ДСМ на объединение всех сил, выступающих против угрозы мировой термоядерной войны, гонки вооружений и в поддержку принципа мирного сосуществования. При обсуждении вьетнамского вопроса – выступать за солидарность с народом Вьетнама и мирное урегулирование, а при рассмотрении борьбы за всеобщее и полное разоружение перенести акцент на конкретные шаги в данной области: отказ от создания многосторонних ядерных сил; запрещение применения ядерного оружия; создание безъядерных зон. Последний пункт директивных указаний касался действий советских делегатов, которые должны были препятствовать использованию представителями КНР трибуны Конгресса для полемики по идеологическим вопросам²⁰.

²⁰ К п.289 протокола №205. «Директивные указания советской делегации на Всемирном

Как и прогнозировалось в процессе подготовки Всемирного конгресса, война во Вьетнаме оказалась в центре внимания его участников. В день открытия Хельсинкского конгресса был организован митинг «День Вьетнама» и показан фильм о Вьетнаме. Работа первой комиссии Конгресса была целиком посвящена вопросам поддержки народами мира борьбы вьетнамского народа за независимость и единство страны. Политика США в отношении Вьетнама была резко осуждена делегатами Конгресса, в том числе самой американской делегацией и не коммунистами. «Даже Бертран Рассел в своем послании использовал такие выражения, как "американский империализм и агрессия"»²¹.

Примечательно, что в заключительном обращении президента-исполнителя ВСМ Дж.Бернала, который также открывал Всемирный конгресс, содержалось немало высказываний о войне во Вьетнаме. Касаясь причины смены приоритетов в деятельности ДСМ после 1964 г., когда принималось решение о созыве Конгресса, Бернал отметил, что главное – изменение ситуации в ЮВА. Поэтому сторонники мира были вынуждены обсудить в «более неотложном порядке» положение во Вьетнаме. В отличие от своего июньского письма Корнейчуку, содержавшего резкие высказывания об опасности привнесения в ДСМ «революционного духа» из-за критики китайскими представителями и их союзниками американского империализма, Бернал сдержаннее отреагировал на тот факт, что тема «зла», которое несет народам империализм, проходила «красной нитью» через всю работу Конгресса. С его точки зрения, расхождение во взглядах в состоявшихся дискуссиях не имело большого значения, поскольку было выражено единое мнение о необходимости прекращения войны во Вьетнаме²². Более того, касаясь в некотором роде шокирующей решительных противников американской агрессии (особенно в США и в Великобритании) темы отказа Вьетнама от мирных переговоров, Бернал пытался разъяснить, что это относится не к самой идее переговоров, а к отсутствию для их ведения подходя-

конгрессе за мир, национальную независимость и разоружение в Хельсинки. (10–15 июля 1965 г.)» // [2, д.12, л.175–179].

²¹ *М.Котов – в ЦК КПСС, 2 ноября 1965 г. Краткий обзор доклада западногерманского общественного деятеля Клауса Вака, выпущенного издательством «Штудинен фон цайтфраген» о Всемирном конгрессе за мир, национальную независимость и всеобщее разоружение // [3, д.729, л.267].*

²² *Материалы Всемирного конгресса за мир, национальную независимость и всеобщее разоружение. Хельсинки, 10–15 июля 1965 г. // [1, д.1142, л.370–372].*

щих условий. «Никакие положения резолюций, так же как и выступления на Конгрессе, – подчеркнул Бернал, – не должны рассматриваться как отказ раз и навсегда от идеи прекращения войны во Вьетнаме путем переговоров, мы выступаем против окончания ее путем переговоров в настоящих существующих условиях» [1, д.1142, л.373].

Однако руководитель американской делегации, общественный деятель и газетный издатель К.Гудлетт, выступивший на Конгрессе с резкой критикой агрессивной политики администрации Джонсона, голосовал против резолюции Конгресса по Вьетнаму, поскольку она в основном отражала южновьетнамскую формулировку: требование немедленного вывода всех американских войск в качестве предварительного условия для ведения переговоров. По аргументированному мнению Гудлетта, данное требование не могло служить реалистиче-

Потери американских солдат.
Фото из журнала "Life" (February 26, 1971)

ской основой для ведения дискуссии с Государственным департаментом или президентом Л.Джонсоном по Вьетнаму, поскольку ни одна великая держава не выходила из конфликта до победы, проигрыша или ничьей. Расчеты китайских представителей на то, что США, потеряв 250 тыс. солдат, а вьетнамцы со своими союзниками – около миллиона, должны будут вывести свои войска и тогда будет поставлен вопрос о переговорах, была несовместима с движением за мир. В целом Гудлетт твердо придерживался позиции о необходимости мирных переговоров по Вьетнаму. С его точки зрения, отстаиваемая представителями Южного и Северного Вьетнама идея относительно немедленного вывода американских войск до начала переговоров не оставляла президенту Джонсону иных

средств выхода из затруднительного положения, кроме военных, хотя к концу 1965 г. он склонялся к возможности вести переговоры не только с Северным Вьетнамом, но и НФОЮВ²³.

Заметим, что в современных исследованиях о начале войны во Вьетнаме отмечается неготовность президента Джонсона после Тонкинского инцидента 1964 г. вести какие-либо переговоры с Северным Вьетнамом, тем более что со стороны ДРВ оказывалась поддержка южновьетнамским коммунистам в борьбе против армии Республики Вьетнам и американских войск (см. подробнее: [9, p.86–106]). В то же время нарастание антивоенных протестов и военные потери заставляли администрацию Джонсона в 1966–1967 гг. предпринимать шаги по налаживанию взаимоотношений с КНР, СССР и ДРВ. В 1967 г. Ханой согласился вступить в переговоры с США при условии прекращения бомбардировок Северного Вьетнама и выступления в роли посредника СССР. Однако прогресс по вопросу мирных переговоров наметился только в 1968 г.

Оценка перспектив ДСМ по итогам Хельсинкского Конгресса

Анализу Всемирного конгресса в Хельсинки было посвящено расширенное заседание Президиума СКЗМ, состоявшееся 13 августа 1965 г. Стенограмма этого заседания содержит

важную информацию, позволяющую понять, почему 1965 г. явился своеобразным рубежом в дальнейшем развитии Движения сторонников мира. Очень важно отметить, что в выступлениях членов Президиума СКЗМ Н.С.Тихонова, И.Г.Эренбурга и А.С.Белякова содержалось немало критических замечаний в адрес прошедшего Всемирного конгресса и откровенных оценок состояния ДСМ к середине 1960-х годов.

Из выступления Тихонова следовало, что главным достижением Конгресса явилось устранение опасности раскола ДСМ ввиду обострения советско-китайских отношений. Советская делегация четко следовала директивным указаниям «воздержаться от резких выпадов против китайской делегации», что отражало общую партийно-правительственную линию советского руководства. Предлагалось на ближайшие годы исключить двусторонние переговоры, но участвовать

²³ *Отчет об итогах пребывания в Советском Союзе американской делегации, участвовавшей в работе Всемирного конгресса за мир, национальную независимость и разоружение // [3, д. 729, л. 229–232].*

вместе с делегациями КНР в международных форумах²⁴. Поскольку некоторых советско-китайских дискуссий все же не удалось избежать, представители западных стран пытались или занять нейтральную позицию и выступить в качестве арбитра, или же «столкнуть» советскую и китайскую делегации, преследуя свои интересы. Такое влияние советско-китайского конфликта на ДСМ мешало выполнению главных задач борьбы за мир и не улучшало имидж Движения среди его участников и попутчиков.

Другой опасностью для единства и развития ДСМ, как стало особенно очевидно на Конгрессе, явилось отношение сторонников мира к проблеме национально-освободительного движения в контексте эскалации войны во Вьетнаме. Заявление представителей Вьетнама о 350 сбитых американских самолетах было встречено одними участниками Конгресса аплодисментами, другие же расценили его как несовместимое с менталитетом борца за мир. В целом же вопрос заключался в различном отношении сторонников мира к продолжавшимся попыткам соединения борьбы за мир с борьбой за национальную независимость, которая сопровождалась ведением военных действий.

Как оказалось на практике, сопровождение протестов против агрессивных действий США во Вьетнаме выражением поддержки партизанской борьбы в Южном Вьетнаме и военных действий ДРВ (с учетом материально-технической помощи со стороны СССР и КНР) усиливало «левизну» Движения сторонников мира и отрицательно сказывалось на участии в нем либерально настроенных представителей миролюбивых сил.

Оценка И.Г.Эренбургом Всемирного конгресса была отрицательной, прежде всего в силу того, что советская делегация, руководствуясь указанием не провоцировать дискуссии, позволила китайцам и албанцам высказывать свои антисоветские взгляды без их опровержения. Он с сожалением констатировал упадок ДСМ с точки зрения поступательного развития, несмотря на рост его рядов (подразумевая привлечение развивающихся стран). Это проявилось в нацеленности английских участников ДСМ на его ликвидацию, развале скандинавского движения сторонников мира, но сохранении итальянского и французского движений благодаря большому количеству в них ком-

²⁴ *Постановления, протоколы и стенограммы заседаний Президиума СКЗМ. Т.2, 13 августа – 14 декабря 1965 г. // [1, д.1084, л.43].*

мунистов. Эренбург отметил, что «потеряны» европейские «попутчики» ДСМ, перешедшие в другие группы и организации, а в рядах сторонников мира США требуется проведение большой работы по их «переубеждению». Принимая во внимание неудовлетворительное состояние ДСМ, Эренбург раскритиковал общую резолюцию Конгресса не только за ее компромиссный характер, но и за отказ от прежних главных ценностей – мир и разоружение, – уступивших место дискуссиям о борьбе с колониализмом и империализмом. По мнению Эренбурга, несмотря на значимость вьетнамской проблемы, необходимо было сохранить ДСМ именно как Движение за мир, мирное сосуществование и разоружение, поскольку даже в годы войны в Корее сторонники мира не ограничивались в своей деятельности одной только поддержкой северокорейцев. Эренбург считал, что военные действия во Вьетнаме могут в скором времени закончиться (хотя они длились еще 10 лет), а Движение сторонников мира рассчитано на длительный срок и требовало постановки и решения долгосрочных задач. Однако в ответ на эти заявления в заключительном слове Н.С.Тихонова было подчеркнуто, что, несмотря на правильность постановки вопроса о разоружении, «главным стоит сейчас вопрос о Вьетнаме» [1, д.1084, л.57, 58, 68, 105].

В целом же на рассматриваемом заседании Президиума СКЗМ его участниками давалась положительная оценка работы Всемирного конгресса. В принятой резолюции отмечалось, что советские сторонники мира разделяют его решения о возможности погасить очаги агрессии и предотвратить мировую войну объединенными действиями народов; о необходимости запрещения ядерного оружия, ликвидации военных баз на чужих территориях и создании системы европейской безопасности. Участники заседания также солидаризировались с положением Хельсинкских документов о национально-освободительном движении: «борьба за национальную независимость, против колониализма, неотделима от борьбы за мир» [1, д.1084, л.7, 112]. Обращает на себя внимание и то, что на этом же заседании Президиума были приняты постановления о создании при СКЗМ комиссии по связям с миролюбивыми силами (председатель академик Е.К.Федоров). Это становилось насущной проблемой в условиях роста протестов против войны во Вьетнаме и все чаще проявлявшейся заинтересованности миротворческих организаций и движений к совместным действиям по ряду международных проблем.

Поворот ДСМ к активизации сотрудничества с «параллельными» движениями

Своеобразным эхом Всемирного конгресса явились два мероприятия ВСМ: заседание Исполкома ВСМ 22–23 октября в Мальме (Швеция) и совместное заседание Исполкома и

Президиума ВСМ в Софии 20–21 ноября 1965 г. И там и там на первом месте стоял вопрос о ситуации во Вьетнаме, а тема разоружения отходила на второй план. На заседании в Софии, как и на Конгрессе в Хельсинки, особое внимание было обращено на усиление войны во Вьетнаме и поддержку борьбы вьетнамского народа. В немалой степени это было также связано с тем, что в Софию прибыли представители ДРВ и Южного Вьетнама, тогда как представители комитетов защиты мира КНР, Японии, Индонезии проигнорировали это мероприятие без объяснения причин. Вьетнамскому вопросу было посвящено Обращение Президиума ВСМ. В нем не только говорилось об эскалации американской агрессии, выражалась поддержка борьбы вьетнамского народа, но и содержался призыв организовать «Международную неделю солидарности с вьетнамским народом» по случаю 5-й годовщины создания НФОЮВ.

Новая расстановка приоритетов в Движении сторонников мира к середине 1960-х годов объяснялась целым комплексом причин. Наиболее важными из них были не только обострение международной напряженности, вызванное войной во Вьетнаме, повлиявшей на углубление советско-китайских разногласий и обострение проблемы сочетания борьбы за мир с поддержкой национально-освободительного движения, но и другие факторы. В их числе – напряженные отношения в руководстве ДСМ, неудачные попытки найти новые формы деятельности в изменившихся условиях, уход из Движения некоторых влиятельных либерально настроенных участников. В середине 1960-х годов участие в ДСМ уже не вызывало того энтузиазма, который наблюдался десятилетием ранее. Размышляя о периоде становления Движения, И.Г.Эренбург отмечал в своих воспоминаниях, что в разгар холодной войны, сопровождавшийся репрессиями против участников ДСМ, борьба за мир приобретала некий «романтический характер». Возможность внести свой вклад, выступить против опасности ядерной войны с трибуны Всемирных конгрессов привлекала в Движение многих известных деятелей культуры (Р.Роллана, Ж.Амаду, Т.Манна, П.Пикассо и др.). Эренбург связывал бурный характер деятельности ДСМ 1950-х годов именно с тем, что «тогда наиболее ощутимой была угроза атомной войны» [6, с.307, 310].

И хотя к середине 1960-х годов проблемы предотвращения мировой войны и борьбы за разоружение, прежде всего ядерное, продолжали оставаться одними из главных целей Движения сторонников мира, но, чтобы их реализовать, необходимо было попутно решать новые задачи, требовавшие своевременной реакции руководства и участников ДСМ. В частности, приходилось учитывать активизацию «параллельных» движений миролюбивых сил. 14 января 1966 г. ушедший в отставку с поста президента-исполнителя ВСМ Дж.Бернал направил через посольство СССР в Лондоне советскому руководству Меморандум, посвященный «отчаянному» положению в ВСМ и самом Движении сторонников мира. В этом документе перечислялись основные негативные моменты, которые мешали дальнейшему развитию ДСМ. Прежде всего, Бернал отмечал отрицательное влияние на ход заседаний ВСМ советско-китайских идеологических разногласий. Признавая важность проблемы Вьетнама, он в то же время сожалел об уменьшении внимания к проблеме разоружения, включая ядерное. В итоге Бернал призывал к широкому сотрудничеству с другими организациями миролюбивых сил, которые желали бы участвовать в том или ином мероприятии ВСМ.

Однако состоявшаяся в Канаде с 23 по 27 января 1966 г. встреча делегации ВСМ с созданной в 1964 г. влиятельной Международной конфедерацией за разоружение и мир (МКРМ) показала, что осуществить такое назревшее сотрудничество в условиях неослабевавшей идеологической и политической борьбы на международной арене было весьма непросто. По мнению советских участников этой встречи, МКРМ, имевшая филиалы во многих странах, включая африканские, и провозглашавшая свою внеблоковую позицию, претендовала «на монополизацию борьбы за мир и разоружение с целью направить ее по каналам, выгодным западным странам»²⁵. Поэтому набиравшая авторитет МКРМ воспринималась как «значительная угроза» для ВСМ из-за существенных разногласий среди его членов. Тем не менее, подводя итоги встречи в Канаде, во время которой обсуждались и вьетнамский вопрос, и разоружение, и проблема европейской безопасности, представители СССР подчеркивали следующее. «В целом проблема сотрудничества с параллельными движениями нам пред-

²⁵ *Ответственный секретарь Советского комитета защиты мира М.Котов – в ЦК КПСС, 8 апреля 1966 г. «Отчет о встрече делегаций ВСМ и МКРМ в Канаде» // [3, д.782, л.137].*

ставляется одной из главных, стоящих сейчас перед ВСМ», хотя и сопряженной со многими трудностями [3, д.782, л.144]. Таким образом, в рамках борьбы за мир, которая по логике должна была объединять все миролюбивые силы, находила свое выражение свойственная феномену холодной войны в определенные периоды дихотомия – соперничество–сотрудничество США и СССР, стран Западного и Восточного блоков [4, с.23, 27, 56, 57, 96, 117]. В то же время активизация антивоенных общественных движений в связи с войной во Вьетнаме настоятельно подталкивала к совместным действиям различные общественные силы.

В 1966 г. представители КНР официально вышли из ВСМ, и это внесло определенную стабилизацию в последующую деятельность ДСМ, которое вплоть до подписания Парижских соглашений 1973 г. о прекращении войны и подписании мира во Вьетнаме проводило массовые кампании против Вьетнамской войны и по оказанию гуманитарной помощи народам Вьетнама. Следовательно, Движение сторонников мира продолжало свою деятельность, несмотря на периодические кризисы и утрату прежней монолитности. В него вносились требуемые временем коррективы организационного плана, оно поддерживало связи как с национальными комитетами защитников мира, так и с независимыми объединениями миролюбивых сил, не входившими в Движение. При Президиуме ВСМ (как и при Президиуме СКЗМ, о чем говорилось выше) даже была создана Комиссия по сотрудничеству с другими миролюбивыми силами, содействовавшая размыванию идеологических преград в общемировом антивоенном движении. Но по своей политической окраске ДСМ по-прежнему оставалось выразителем взглядов прокоммунистических и других левых сил. И с этих позиций оно продолжало вносить собственный вклад в общую борьбу народов за мирное урегулирование международных и региональных кризисов, разоружение, запрещение ядерного оружия и устранение угрозы ядерной войны.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф.9539. Оп.1.
2. Российский государственный архив новейшей истории. Ф.3. Оп.21.
3. Российский государственный архив новейшей истории. Ф.5. Оп.50.
4. Кременюк В.А. Уроки холодной войны. М.: Аспект Пресс, 2015. 319 с.
5. Новакова Н.О., Огнетов И.А. Вьетнамское общество: путь к единству // Война и общество в XX веке: в 3 кн. М.: Наука, 2008. Кн.3. Война и общество в период локальных

МЕЖДУ ЕДИНСТВОМ И РАСКОЛОМ

- войн и конфликтов второй половины XX века / Науч. рук. М.Ю.Мягков; отв. ред. Ю.А.Никифоров. С.314–349.
6. Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь // Собр. соч. в 8 т. М.: Художеств. лит., 2008. Т.8. Кн.V–VII. 702 с.
 7. Friedman J. Soviet Policy in the Developing World and the Chinese Challenge in the 1960s // Cold War History. May 2010. Vol.10. N2. P.247–272.
 8. Gaiduk I.V. Confronting Vietnam: Soviet Policy toward the Indochina Conflict, 1954–1963. Stanford (Cal.): Stanford Univ. Press, 2003. 296 p.
 9. Shore Z. Le Duan and the Origins of the Vietnam War // Journal of Cold War Studies. Fall 2015. Vol.17. N4. P.86–108

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

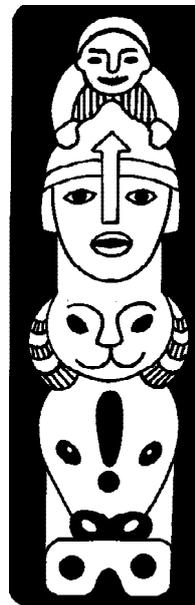
Природа рождает людей,
жизнь их хоронит,
а история воскрешает,
блуждая по их могилам.

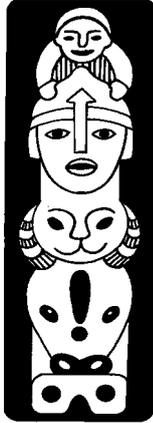
В.О.Ключевский

РОССИЯ XXI 06. 2016

**Есть разные мертвые, некоторые
из глубины пережитых тысячелетий
и теперь властно определяют
направление нашего
современного лучшего.**

М.М.Пришвин

Геннадий Костырченко

ЛИЛЯ БРИК

В ЖЕРНОВАХ МИФА
О МАЯКОВСКОМ

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК

929

94(47)''1930/1980''

Гюстав Флобер утверждал: «Не прикасайтесь к идолам... их позолота остается у вас на пальцах». Но этому предупреждению не вняла главная героиня этой статьи – возлюбленная поэта Владимира Маяковского Лиля Брик, которая, дабы спасти от забвения его творческое наследие, обратилась в 1935 г. за помощью к живому советскому кумиру – Сталину, объявившему тогда Маяковского «лучшим и талантливейшим поэтом нашей советской эпохи». Однако Лиля Брик недолго грелась в лучах этого пропагандистского мифа. Уже с середины 1950-х гг. она превратилась в объект организуемых сверху перманентных пропагандистских проработок: будучи космополиткой по мировоззрению и сексуально раскрепощенной в личной жизни, да к тому же еще и еврейкой, Брик явно не вписывалась в официальный образ верной и идейно выдержанной подруги революционного пролетарского поэта. О том, как партчиновники и ангажированные ими литературоведы пытались задним числом переписать историю любви Владимира Маяковского и Лили Брик, превращая последнюю в роковую женщину, виновную в смерти поэта, и рассказывает в данной статье.

Gustave Flaubert asserted: "Do not touch idols... their gilding will remain on your fingers". But the principal heroine of this article, the beloved woman of Mayakovsky Lilya Brik did not follow Flaubert's warning. To save Mayakovsky's original heritage Lilya Brik in 1935 requested assistance from Stalin, the living Soviet god who at that time announced Mayakovsky "the best and the most talented poet of our Soviet epoch". However Lilya Brik did not bask in fame of this propaganda myth. As early as from the mid-1950s Lilya Brik became the target of permanent propaganda attacks organized from above: as a lady of cosmopolitan Weltanschauung and sexually liberated in her personal life and, furthermore, a Jewess Brik obviously did not fit the official image of faithful and ideologically consistent girl friend of the proletarian poet. This article narrates how the CPSU officials and specialists in literary studies engaged by the party officials tried to rewrite in retrospect the love history of Vladimir Mayakovsky and Lilya Brik making her the femme fatale guilty of the poet's death.

Ключевые слова: Лиля Брик; В.Маяковский; маяковедение; музей В.Маяковского; еврейский вопрос; К.Симонов; ЦК КПСС; Французская компартия.

Key words: Lilya Brik; V.Mayakovsky; Mayakovsky studies; museum of V.Mayakovsky; the Jewish question; K.Simonov; the CPSU Central Committee; the Communist Party of France.

E-mail: genkost@mail.ru

Участвуя в создании легенды Родившись в 1891 г. в достаточно ассимилированной, состоятельной интеллигентной еврейской семье, Лиля Брик была лишена традиционного национального воспитания. Ее

отец, присяжный поверенный Московской судебной палаты Урий (Уриаш Хаим) Каган, предпочитал, чтобы его называли Юрием Александровичем. Выходец из прибалтийской Либавы, он был страстным поклонником немецкой культуры, назвав старшую дочь в честь возлюбленной И.В.Гете Лили Шенеман. Ведя с 9 до 10 и с 17 до 19 часов адвокатский прием клиентов на дому¹, Ю.А.Каган в остальное время исполнял обязанности юридического советника в консульстве Австро-Венгрии, участвовал в работе Общества распространения правильных сведений о евреях и занимался другой общественной деятельностью. Его жена, уроженка Митавы Елена Юльевна Берман, была пианисткой (училась в Московской консерватории) и писала стихи на немецком языке.

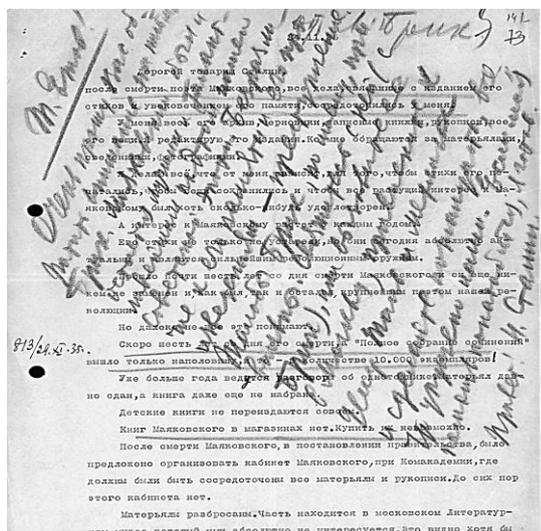
Несмотря на культурную оторванность от еврейства, семья Ю.А.Кагана тем не менее не изменила вере отцов. Когда в марте 1912 г. Лиля Брик выходила замуж за сына купца первой гильдии, начинавшего литератора Осипа Мееровича (Максимовича) Брика, отец невесты настоял, чтобы бракосочетание было совершено по иудейскому обряду. Провел его раввин Яков Мазе, причем в доме у Ю.А.Кагана, так как отошедшие от религии молодые отказались идти в синагогу. Уже после революции Л.Брик вновь соприкоснулась с родным нацменьшинством. Поступив в июле 1926 г. на работу в Центральный совет Общества землеустройства еврейских трудящихся, уже вскоре в качестве помощника режиссера А.М.Роома она участвовала в съемках пропагандистского фильма «Еврей и земля».

В последующие годы Л.Брик окончательно отошла от еврейства. После смерти Маяковского она целиком сосредоточилась на изучении, сохранении и популяризации его литературного наследия. Наибольшее значение эта ее деятельность имела в первую половину 1930-х гг., когда книги Маяковского выходили довольно редко и над его творчеством маячила угроза забвения. Однако Л.Брик не смирилась и решила бороться с этим, хотя и вышла уже замуж за героя гражданской войны В.М.Примакова. 21 января 1931 г. она направила в Кремль следующее письмо: «Уважаемый тов. Сталин, год тому назад, в день памяти Ленина,

¹ *Петроверигский пер.*, 5 [14, с.774].

в Большом театре В.В.Маяковский читал последнюю часть своей поэмы "Ленин", и Вы при этом присутствовали. Сейчас мы готовим к печати тот том Академического издания Маяковского, в который входит эта поэма. Мы хотим отметить это выступление с политической и художественной стороны. Поэтому обращаемся к Вам с просьбой написать несколько слов о Вашем впечатлении. Том должен быть сдан в печать 1 февраля – поэтому очень просим не задержать ответом» [4, д.850, л.32].

Но решающее значение имело обращение Л.Брик к Сталину 24 ноября 1935 г. Особо отметив в начале этого переданного через Примакова письма тот факт, что после смерти Маяковского «все дела, связанные с изданием его стихов и увековечением его памяти, сосредоточились у меня», Л.Брик пожаловалась на то, что его книги печатаются либо малыми тиражами, либо совсем не издаются. Завершалось послание так: «Я одна не могу преодолеть... бюрократические незаинтересованность и сопротивление... и... обращаюсь к Вам, так как не вижу иного способа реализовать огромное революционное наследство Маяковского». На этом письме Сталин начертил: «Т. Ежов! Очень прошу Вас обратить внимание на письмо Брик. Маяковский был и остается лучшим и талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти и его произведениям – преступление. Жалобы Брик, по-моему, правильны.... Сделайте, пожалуйста, все, что упущено нами. Если моя помощь понадобится, я готов» [11, с.270–272].

Резолюция Сталина

Полный текст резолюции появился в *Правде* 5 декабря 1935 г. И в тот же день столичная Триумфальная площадь превратилась в площадь Маяковского.

После того как комкор Примаков погиб в 1937 г. в мясорубке «большого террора» и взяли под стражу руководящего сотрудника госбезопасности и давнишнего знакомого Л.Брик Я.С.Агранова, нарком внутренних дел Н.И.Ежов включил ее в очередной список лиц, подлежащих аресту за родственную и личную связь с «врагами народа». Однако, когда эта проскрипция была представлена Сталину, тот вычеркнул Л.Брик, сказав оторопевшему хозяину Лубянки: «Не будем трогать жену Маяковского» [21, с.382]. Публичным свидетельством того, что нависшая было над Л.Брик смертельная угроза миновала, было открытие в начале 1938 г. Библиотеки-музея В.В.Маяковского в бывшей квартире Л.Брик, О.Брика и В.Маяковского в Гендриковом переулке, где те жили в 1926–1930 гг.² Закрепляя благоприятное для нее развитие событий, Л.Брик вскоре объявила о готовности безвозмездно передать во вновь созданную мемориальную Библиотеку-музей литературный архив Маяковского, что и было исполнено в соответствии с распоряжением замнаркома просвещения РСФСР Н.К.Крупской от 8 сентября 1938 г. И хотя формально Л.Брик никогда не занимала никаких должностей в Библиотеке-музее Маяковского, она даже с руководителями этого учреждения вела себя порой достаточно высокомерно³.

² Еще 5 декабря 1935 г. в «Правде» появилось сообщение о том, что Моссовет «постановил создать в доме, где жил Маяковский (Гендриков пер., д. 13/15), Библиотеку-музей имени В.Маяковского» и решил переименовать Гендриков переулочек в переулочек Маяковского. А 23 декабря 1937 г. Н.К.Крупская подписала приказ Наркомпроса РСФСР об открытии этой Библиотеки-музея.

³ Характерный эпизод произошел где-то в начале 1950-х гг., когда Л.Брик узнала, что директор Библиотеки-музея А.С.Езерская приобрела рукопись воспоминаний недавно умершей художницы Е.А.Лавинской, изобразившей в довольно неприглядном свете отношения между супружеской парой Бриков и Маяковским. Придя вскоре в музей, Л.Брик стала отчитывать Езерскую: «Агния Семеновна, хочу вас спросить: зачем вы покупаете явно лживые, клеветнические мемуары?» Оправдываясь, Езерская заверила Брик, что рукопись находится на закрытом хранении. Однако в ответ прозвучала следующая едкая фраза: «Представьте себе на минуту, Агния Семеновна, что я купила воспоминания о вас, где утверждалось бы, что вы – проститутка, но я бы обещала это никому не показывать. Понравилось бы вам?» [23].

Системное отторжение Брик, тандем Воронцов–Колосков

Явно ради того, чтобы повысить в глазах правительства свою литературоведческую котировку, Л.Брик в 1938 г. вышла замуж за одного из лучших в стране специалистов по

Маяковскому – В.А.Катаняна, уведя его из вполне благополучной семьи. Впрочем, ни высокий научный авторитет этого ученого, ни его неизменное вхождение в течение 1934–1961 гг. в коллективы составителей трех полных собраний сочинений Маяковского не помогли Л.Брик добиться доминирования в маяковедении. Главным и непреодолимым препятствием на пути к достижению этой цели стало то, что, добившись от руководства СССР признания Маяковского «лучшим и талантливейшим поэтом... советской эпохи», она из самого близкого к нему человека вдруг превратилась в глазах партидеологов в досадную палку в шестернях пропагандистской машины, запущенной для превращения Маяковского в символ певца Октябрьской революции. И поскольку коммунистическая канонизация Маяковского началась во второй половине 1930-х гг., когда советские нравы становились все более чопорными и партийный государственный аппарат был уже инфицирован государственным антисемитизмом, верхи тогда закономерно сочли, что Л.Брик компрометирует поэта не только сексуально бурным прошлым⁴ и «политически вредными» воспоминаниями⁵, но и своим этническим происхождением.

Дабы защитить «светлый образ» Маяковского, цеховские партидеологи способствовали созданию антибриковского направления в маяковедении во главе с Людмилой Владимировной Маяковской – старшей сестрой поэта, которую СМИ принялись представлять как самого близ-

⁴ *Своеобразным отложенным ответом консервативного общества на сексуальный вызов Л.Брик стал широко распространенный ныне в Интернете явный апокриф в виде следующего ее, якобы сделанного незадолго до самоубийства, сомнительного откровения поэту А.А.Вознесенскому: «Я любила заниматься любовью с Осей. Мы тогда заперали Володю на кухне. Он рвался, хотел к нам, царапался в дверь и плакал...» Это отсутствующее в достоверных источниках предсмертное признание Вознесенский якобы прокомментировал так: «Она (Л.Брик. – Г.К.) казалась мне монстром. Но Маяковский любил такую. С хлыстом...» [24].*

⁵ *В 1942 г. в Молотове (Перми) Л.Брик издала воспоминания о Маяковском под самоговорящим названием «Шен» [10].*

кого ему человека⁶. Она, по сути, возглавила образованную постановлением Политбюро от 3 октября 1938 г. редакцию сочинений В.В.Маяковского, в состав которой помимо нее вошли также Н.Н.Асеев, В.О.Перцов и М.И.Серебрянский [3, оп.3, д.1002, л.32]. А в мае 1952 г. по инициативе Л.Маяковской прах ее брата перенесли из захоронения при Донском крематории на правительственное Новодевичье кладбище. Однако, поскольку считалось, что Сталин покровительствовал Л.Брик, активизация сложившейся вокруг Л.В.Маяковской номенклатурно-литературоведческой группировки произошла только после смерти вождя. Немаловажное значение в связи с этим имело то, что летом 1953 г. новым помощником секретаря ЦК М.А.Суслова был назначен В.В.Воронцов, который к тому времени уже несколько лет опекал Л.В.Маяковскую по линии ЦК и которому вскоре суждено было стать главным закулисным организатором аппаратно-пропагандистских атак против Л.Ю.Брик.

Своим карьерным возвышением Воронцов был целиком обязан Суслову, с которым его связывали родственные узы (были женаты на сестрах) и давнишняя служебная спайка. Будучи с 1939 г. первым секретарем Орджоникидзевского (Ставропольского) крайкома, Суслов наверняка посодействовал тому, чтобы 21 марта 1941 г. Воронцов переместился из кресла ответственного редактора *Орджоникидзевской правды* (был им с 9 октября 1937 г.) в кабинет секретаря крайкома по пропаганде. Во многом благодаря тому, что уже с марта 1946 г. Суслов работал в ЦК ВКП (б) в качестве заведующего Отделом внешней политики, в Москве оказался и Воронцов, который был принят в Управление пропаганды и агитации ЦК, где 20 февраля 1947 г. возглавил Отдел радиовещания и радиофикации [3, оп.125, д.474, л.2, 46–53]. Заняв этот достаточно престижный пост и продолжая пользоваться покровительством Суслова, которого в мае 1947 г. утвердили секретарем ЦК, Воронцов еще больше укрепил свое сотрудничество с Л.Маяковской, причем в этом ему во многом помогал давнишний знакомец, журналист и литературовед А.И.Колосков. С ним Воронцов сблизился еще до войны, когда они оба работали газетчиками на Ставрополье, и уже тогда они увлек-

⁶ 22 января 1930 г. в дневнике Л.Ю.Брик появилась следующая запись: «До чего Володю раздражают родственники – его форменно трясет, когда Люда бывает у нас раз в три месяца. Я даже зашла к нему в комнату и сказала: надо хоть полчаса поговорить с Людой или хотя бы открыть дверь – она не войдет. А он: Я не ма-гу а-на ме-ня раз-дра-жа-ет!!!! и весь искривился при этом» [9].

лись жизнью и поэзией своего земляка, уроженца Кавказа В.Маяковского. Собственно, изучением творчества поэта занимался не столько Воронцов, загруженный аппаратной работой⁷, сколько Колосков, который, будучи командирован в 1940 г. в Грузию, стал организатором и первым директором дома-музея В.В.Маяковского на его родине в селе Багдати. В Ставрополь Колосков возвратился в 1943 г. и, проработав там недолго редактором краевого книжного издательства, уже в 1944 г. переехал в Москву, став литсотрудником *Правды*.

Обосновавшись в столице, Воронцов и Колосков еще более сблизились. Об этом свидетельствует хотя бы то, что явно с подачи заведомо радиовещания и радиофикации ЦК Воронцова Колосков занял в 1948 г. во Всесоюзном комитете по радиофикации и радиовещанию при СМ СССР должность главного редактора литературно-драматического вещания, а всего через год перебрался в результате реорганизации радионного ведомства в кресло зампреда вновь созданного Комитета радиоинформации при СМ СССР. Оказавшись в руководстве Радиокomiteта во время послевоенных идеологических чисток, Колосков, видимо, слишком рьяно боролся с «безродными космополитами». В противном случае, его не сплывили бы тихо в 1954 г. на рядовую должность консультанта в журнал *Партийная жизнь*. В этом замышленном скандале перемещении Колоскову, скорей всего, опять помог Воронцов, который после смерти Сталина, напротив, смог избежать серьезных неприятностей, став летом 1953 г. помощником Сулова и оказавшись в его спасительной тени. Как ни парадоксально, но в маяковедческом тандеме Воронцов–Колосков последний всегда старался задавать тон, хотя вроде бы и находился в роли ведомого. Дело в том, что Колосков даже в годы бурной аппаратной деятельности никогда не забрасывал свои литературоведческие штудии, проводил исследования и писал книги⁸. Вот почему карьерное падение нисколько не сломило Колоскова. Напротив, освободившись от чиновничьих пут, он вновь обрел силу, сконцентрировавшись на том, что считал главным в жизни, – очищении исторической памяти о певце

⁷ Подобно своему покровителю Сулову, Воронцов занимался сбором цитат, правда, в отличие от первого, он интересовался не марксистской мудростью Ленина, а афоризмами как таковыми. Составленный им сборник остроумных мыслей, вышедший в свет в разных издательствах под различными названиями – «Чаша мудрости», «Симфония разума», «Служение музам», «Могущество знания» – был, наверное, его единственным литературным трудом (см., например: [30]).

⁸ В 1950-е гг. Колосков издал две книги: [16,17].

коммунизма Маяковском от всего порочного, стыдного и буржуазно-разлагающего, что привнесли в его жизнь годы общения с Осипом Бриком и Лилей Брик, особенно с последней. В такой позиции Колоскова, которую, конечно, разделял и Воронцов, в определенной мере присутствовал и антисемитский подтекст. К тому времени Колосков превратился по сути в живое интеллектуальное оружие властного аппарата, готовое к применению против Л.Брик.

Первый удар по Брик

И такой момент настал после того, как летом 1958 г. в основанной И.С.Зильберштейном в 1931 г. серии «Литературное наследство» вышел очередной 65-й том, называвшийся «Новое о Маяковском». В нем Лиля Брик впервые опубликовала 125 полученных от Маяковского писем, занявших семьдесят книжных страниц. Поначалу на это издание изливался в течение нескольких месяцев поток хвалебных рецензий [20; 23]. Однако громом среди ясного неба стало появление 7 января 1959 г. в газете *Литература и жизнь* ругательной статьи «Новое и старое о Маяковском», подготовленной Воронцовым совместно с Колосковым. Добиваясь изъятия 65-го тома «Литературного наследства» из книготорговой сети и библиотек (что вскоре и произошло), они утверждали, что опубликованные письма Маяковского носят сугубо интимный характер, не имеют никакого научного значения и только могут принизить образ певца революции в глазах читателей. Напечатанная всего за несколько дней до открытия XXI съезда КПСС, провозгласившего вступление СССР в период развернутого строительства коммунизма, эта статья наверняка предварительно была одобрена Суловым. По сути она запустила кампанию нападок на Лилю Брик, хотя, конечно, досталось и составителям злополучного тома.

Явно с подачи Воронцова уже 9 января 1959 г. Людмила Маяковская написала тому же Сулову следующие гневные строчки: «Особенно возмутило меня и очень многих других людей опубликование писем брата к Л.Брик. Письма эти оказались сугубо личными – интимными, в которых почти нет литературных и общественных сведений, а предисловие (Л.Брик. – Г.К.) фальшиво и нескромно. Л.Брик, замкнутая в своем кругу, не учла, какой резонанс может получиться у современных читателей, воспитанных на коммунистической морали, от публикации этих писем. Вместо признания и умиления перед ней, как она рассчитывала, – есте-

ственное возмущение... Брат мой, человек совершенно другой среды, другого воспитания, другой жизни, попал в чужую среду, которая, кроме боли и несчастья, ничего не дала ни ему, ни нашей семье. Загубили хорошего, талантливого человека, а теперь продолжают чернить его честное имя борца за коммунизм. ЦК партии не раз ограждал поэта Маяковского от травм и нападок, и я надеюсь и сейчас на его защиту» [2, д.350, л.50–50 об.].

Очевидно, заказом Воронцова было и письмо Ф.И.Панферова, направленного 20 января 1959 г. все тому же Суслову. В нем писатель лихо расправился не только с Л.Брик за то, что та передала для публикации «весьма слащавые, сентиментальные, сугубо интимные штучки, под которыми Маяковский подписывался так: "Ценок"», но и с помогавшими ей «состряпать» «всю эту галиматью»⁹ такими «молодчиками», «как Катанян, Пицкель, Розенблюм, Февральский...», «налепившимися», подобно «паразитам», «на образ Владимира Маяковского» [2, д.350, л.52].

Мелькали еврейские фамилии и в письме министра культуры СССР Н.А.Михайлова, который направил его в ЦК КПСС 5 марта 1959 г. – в символичный день очередной годовщины смерти Сталина. И хотя это было не более чем случайное совпадение, однако оно напоминало о том, как в последние месяцы правления вождя Михайлов, будучи тогда секретарем ЦК КПСС, отвечал за пропагандистское обеспечение «дела врачей», а его властная и вздорная жена, Раиса Тимофеевна, сказала дочери Сталина Светлане: «Я бы всех евреев выслала вон из Москвы!» [6, с.135]. И вот спустя шесть лет Михайлов, возможно, памятуя о недавней своей борьбе с «еврейским национализмом», так информировал верхи: «Министерство культуры СССР просит рассмотреть вопрос об ответственности редакционной коллегии "Литературного наследия"... за неудовлетворительную подготовку к выпуску тома "Новое о Маяковском". <...> В книге помещены сомнительные исследования некоторых авторов (Е.А.Динерштейн, В.Зельдович). <...> Большая часть книги состоит из писем В.Маяковского к Л.Брик, которые не представляют никакой ценности для исследования творчества поэта и удовлетворяют лишь любопытство обывательски настроенных читателей, поскольку эти письма приоткрывают завесу интимных отношений. Игнорируя элементарные принципы советской печати, редколлегия "Литературного наследия" опубликовала предпосланную письмам В.Маяковского заметку Л.Брик,

⁹ Подразумевалась подборка писем Маяковского к Л.Брик.

написанную в развязном тоне, граничащем с циничной откровенностью» [2, д.350, л.47–48].

На состоявшемся 31 марта 1959 г. заседании комиссии ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей было принято совершенно секретное постановление, квалифицировавшее выпуск 20-тысячным тиражом 65-го тома «Литературного наследства» как грубейшую политическую ошибку. Среди прочего в нем отмечалось: «В книге содержатся материалы, искажающие облик выдающегося советского поэта; опубликована переписка, носящая сугубо личный, интимный характер, не представляющая научного интереса. Ряд других материалов, тенденциозно подобранных в книге, дают неверное представление о поэте, якобы находившемся в разладе с советской действительностью, что перекликается с клеветническими измышлениями зарубежных ревизионистов о Маяковском. Реакционная зарубежная пресса использует книгу "Новое о Маяковском" в целях антисоветской пропаганды. Содержание книги вызвало возмущение советской общественности» [2, д.33, л.39–40].

Наскоки властей на Л.Брик возбудили бурную реакцию в ее близком окружении (в частности, со стороны писателя Л.Арагона, мужа сестры). Это явствует из следующей информации, направленной 5 мая 1959 г. в ЦК КПСС высокопоставленным журналистом и председателем Госкомитета по культурным связям с зарубежными странами при СМ СССР Г.А.Жуковым. «4 мая в беседе со мной Луи Арагон в нервной и раздражительной форме поставил вопрос о публикующихся в советской печати критических статьях по поводу сборника "Литературное наследство", посвященных памяти Маяковского. <...> Арагон сказал, что он не согласен с точкой зрения, согласно которой публикация частных писем Маяковского является ошибкой, поскольку такие письма проливают дополнительный свет на образ поэта. Когда я в твердом тоне возразил Арагону, что письма, преданные гласности Л.Брик, не только не добавляют ничего нового к образу Маяковского, но, наоборот, искажают его, Арагон сказал, что он не может со мной согласиться. <...> Она не просила напечатать эти письма, – сказал Арагон, – наоборот, ее упрашивали дать их в "Литературное наследство" для опубликования. Более того, она написала мемуары о Маяковском, которые, на мой взгляд, представляют интерес, однако она сама отказалась передать их для опубликования в сборник "Литературное наследство", сославшись на то, что публикация этих мемуаров может быть неправильно истолкована, и, как ни просили ее редакторы сборника, она отказалась дать им свои мемуары <...> По ходу беседы чувствовалось, что определенные

круги, толкнувшие Арагона на эту беседу, старательно инспирировали его. <...> Придя в возбужденное состояние, Арагон заговорил о том, что "есть границы всему" и что он "не сможет остаться нейтральным", если буржуазная пресса подхватит историю со сборником "Литературное наследство" и сделает из нее "второе дело Пастернака". "Я, – сказал он, – должен буду в этом случае занять определенную позицию, и я заранее говорю, что я должен буду выступить в защиту публикации писем Маяковского к Л.Брик"» [1, оп.30, д.314, л.10–12].

По-видимому, эта угроза влиятельного члена Французской компартии возымела действие, так как, к неудовольствию Воронцова, скандал с публикацией Л.Брик «нехороших» с точки зрения властей писем Маяковского очень скоро замяли.

Создание нового музея Маяковского

Поскольку в 1963 г. вышел сборник «Маяковский в воспоминаниях современников» (составитель зам. директора Библиотеки-музея Маяковского Н.В.Реформатская) и в нем

наряду с прочими были помещены мемуары как Л.В.Маяковской, так и самой Л.Ю.Брик, казалось, что два существовавших в маяковедении враждебных лагеря, наконец, замирились. Однако ничего подобного не произошло. Данная иллюзия развеялась уже вскоре после Шестидневной войны 1967 г., которая, спровоцировав в СССР всплеск антисоциалистической пропаганды, имевшей в крайних случаях подспудный налет антисемитизма, развязала руки Воронцову, Л.Маяковской и иже с ними для перехода в решительное наступление против Л.Брик. Об этом свидетельствовало обращение в ЦК Л.Маяковской, которая в преддверии 50-летия Октябрьской революции потребовала очистить память о брате, убрав его музейную экспозицию из дома в бывшем Гендриковом переулке, где, как она выразилась, Брики устроили когда-то гнездо разврата. Благодаря энергичным усилиям действовавшего через Суслова Воронцова уже 25 октября 1967 г. вышло решение Секретариата ЦК КПСС «О музее В.В.Маяковского», гласившее: «Признать целесообразным перевод существующего ныне музея В.В.Маяковского из помещения в Гендриковом переулке в дом №3/6 по проезду Серова (ныне Лубянский проезд. – Г.К.), где поэт жил с 1919 по 1930 годы и где им созданы все основные произведения» [15].

У памятника В.Маяковскому.

Слева направо: поэт В.А.Урин, скульптор А.П.Кибальников, Л.В.Маяковская. 19 июля 1968 г.

Работы по созданию нового Государственного музея В.В.Маяковского развернулись с 1968 г. Тогда было предпринято расселение квартир в мемориальном подъезде и создание на их месте экспозиционных залов. Главным из них стала лубянская «комната-лодочка» Маяковского в расположенной на 4-м этаже квартире №12, в которой он покончил с собой 14 апреля 1930 г., и где теперь были выставлены его личные вещи. Не доверяя руководителям закрытой Библиотеки-музея Маяковского в Гендриковом переулке, в том числе и такому опытному профессионалу, как Н.В.Реформатская, Воронцов видел на посту директора вновь созданного музея выходца из номенклатуры, который был бы обязан лично ему за это назначение. Этим требованиям полностью удовлетворял первоначальный кандидат на эту должность сотрудник ЦК КПСС Г.М.Гусев, который впоследствии вспоминал: «Воронцов считал себя маяковедом – изучал Маяковского, – милел к нему особой лаской. В какой-то момент он включился в тяжелые бои, которые шли за пост директора создаваемого музея Маяковского между еврейской и русской партиями. Воронцов вел эту борьбу отчаянно, буквально до последнего патрона, против попыток перетащить Маяковского в либе-

ральный еврейский лагерь. Это была напряженная борьба, потому что Василий Катанян, тогда еще живая Лилия Брик и так далее тащили своего человека на должность директора, а надо было им противопоставить русского» [22, с.130–131].

Однако несмотря на настойчивое уговаривание Гусева такими видными приверженцами Русской партии, как писатели И.М.Шевцов, И.Ф.Стаднюк и главный редактор журнала *Молодая гвардия* А.В.Никонов, он тем не менее отверг предложение Воронцова, расценив его как номенклатурное понижение. В итоге новым директором Государственного музея В.В.Маяковского стал в 1971 г. карьерно малоуспешный полный тезка Воронцова – Владимир Васильевич Макаров, который, работая начальником отдела научно-технической информации в подмосковном Научно-исследовательском химико-технологическом институте «Союз», недавно закончил вечернее отделение журфака МГУ. Возможно, вследствие своего скромного социального статуса Макаров, дабы закрепиться на новом месте, сразу стал проявлять повышенное служебное рвение. Вот что писал по этому поводу писатель Зиновий Паперный: «Однажды, придя к Лиле Юрьевне, я сразу почувствовал: она чем-то удручена, подавлена, хотя она и старалась этого не выдать. Я спросил: не случилось ли чего? В ответ она взяла со стола бумагу и прочитала вслух – тихим, напряженным голосом. Это было письмо В.Макарова. Он писал ей, что, живя с Маяковским, она наверняка получала от поэта дорогие подарки. Тон письма был одновременно развязным и требовательным. Лиле Юрьевне предлагалось все подаренные ей драгоценности сдать в музей». Конечно, и то знаменитое кольцо с монограммой «Л.Ю.Б.» [26, с.155].

**Новая атака на Брик:
роль Колоскова**

На должность директора нового музея Маяковского претендовал и Колосков. Однако, несмотря на то что в этом намерении его поддержала Л.Маяковская¹⁰, данная кандидатура была неожиданно отклонена ЦК КПСС. Думается, во многом это произошло потому, что еще в 1968 г. Колосков предпринял чрезмерно жесткий даже в глазах партийного руководства журналистский наезд на Л.Ю.Брик. Переживая тогда свой звездный час¹¹, он обрушился на нее с

¹⁰ Это следует из письма Л.Маяковской А.Колоскову от 26 июля 1971 г. [5, д.50, л.25–26].

¹¹ В 1968 г. А.И.Колосков совместно с Л.В.Маяковской выпустил сборник «Маяковский в воспоминаниях родных и друзей», а также выступил вместе с ней и с В.В.Воронцовым в

серией статей-инвектив, в которых та предстала «злым гением» В.В.Маяковского, сыгравшим на пару со своим мужем и, так сказать, с «мелким бесом» О.М.Бриком роковую роль в трагической гибели поэта. Неудивительно, что эти нападки появились в журнале *Огонек*, чей главный редактор А.В.Софронов, не забывший, видимо, свои послевоенные схватки с «космополитами», давно хотел поквитаться с «недобитой антипатриоткой» Л.Брик. Однако, выступив против нее со страниц издававшегося двухмиллионным тиражом популярного издания, Колосков упустил из виду самое важное: Брежнев и особенно Суслов терпеть не могли публичных скандальных разборок. Но, самое главное, это не учел и опекавший Колоскова Воронцов. Более того, последний даже поставил свою подпись под первой статьей Колоскова «Любовь поэта», опубликованной 13 апреля в №16 *Огонька*. В ней разбирались психологическая природа любовных переживаний и привязанностей Маяковского и утверждалось, что настоящие искренние чувства тот испытывал только к М.А.Щаденко – юной украинке, в которую влюбился в 1914 г. в Одессе, и к Т.А.Яковлевой – «дочери русских родителей», познакомившись с ней в октябре 1928 г. в Париже. Эти благостные сюжеты разительно контрастировали с описаниями романа между Маяковским и еврейкой Л.Брик. С ней, оказывается, у Маяковского все пошло не так, причем уже вскоре после знакомства в июле 1915 г. В качестве доказательства приводились следующие слова поэта, гневно брошенные в лицо Эльзе Триоле (организовала его первую встречу с Л.Брик): «Идите обе к черту, ты и твоя сестра». По поводу того, вроде бы самоговорящего факта, что в 1926 г. Маяковский обустроил в доме по Гендрикову переулку общее жилье с Лилей и Осипом Бриками, в статье брюзгливо замечалось, что тем не менее отношения между поэтом и Бриками оставались «формальными» [13, с.9, 10]. Но ключевыми в данной публикации стали завуалированно-конспирологические намеки на то, что довела Маяковского до самоубийства не кто иной, как Л.Брик. В подтверждение приводилось то как бы подозрительное обстоятельство, что, когда в сентябре 1929 г. Маяковский попытался вновь встретиться в Париже с Татьяной Яковлевой и якобы даже жениться на ней, ему неожиданно отказали в выездной визе. И это притом, как подчеркивалось, что спустя несколько месяцев Лиля и Осип Брики смогли свободно отправиться в

качестве составителя вышедшего в «Библиотеке "Огонька"» в тот год 8-томного собрания сочинений В.В.Маяковского, в котором со всех стихотворений, имевших авторские посвящения Лиле Брик, таковые были сняты.

Англию. Между строк тут явно угадывался экивок на то, что невыезд Маяковского во Францию инспирировал весьма влиятельный близкий друг Бриков Я.С.Агранов, который руководил тогда Секретно-политическим отделом ОГПУ и подарил поэту пистолет, который тот использовал как орудие самоубийства. В связи с этим представляет интерес то письмо Воронцова, которое тот явно по просьбе Колоскова направил еще 28 марта 1967 г. председателю КГБ В.Е.Семичастному. В нем содержалась настоятельная просьба разыскать в архивах госбезопасности следственное дело по факту гибели Маяковского и выяснить, кто в 1928–1929 гг. стоял за «категорическим» отказом поэту в выезде за границу, «чем он был очень потрясен, так как к этому времени относился его знакомство с проживавшей тогда в Париже Татьяной Алексеевной Яковлевой, на которой он... собирался жениться и что навсегда высвободило бы его от сидевшего на шее поэта Осипа Брика и его жены Л.Брик» [5, д.83, л.5].

Конечно, Лиля Брик действительно была уязвлена тем, что свои новые стихотворения Маяковский посвящал уже не как прежде ей, а значительно более молодой Татьяне Яковлевой, и действительно интриговала против последней с тем, чтобы та никогда не стала новой музой вечно мятущегося поэта. Но известно и то, что подавлявшая его обаянию Татьяна Яковлева, будучи в жизни достаточно практичной, никогда бы по зрелом размышлении не связала бы с ним свою судьбу¹².

Исполненные изощренных и во многом несправедливых обвинений печатные выпады Колоскова и Воронцова ввергли Л.Брик в глубокие болезненные переживания, которые не оставляли ее до конца жизни. Вот что писала она 20 апреля 1969 г. Э.Триоле и Л.Арагону в Париж: «Элик наш! Арагошенька! Меня продолжают мучить. Очень, очень устала! Снятся тяжелые сны, в которых я убеждаю подонков, что в этих статьях врут и врут. Что все было не так... Вот до чего дело дошло –

¹² *Весьма примечателен следующий отрывок из письма Л.Брик Э.Триоле и Л.Арагону от 13 октября 1969 г.: «Про Татьяну [Яковлеву] можете всем рассказывать. Я только обещаю корреспонденту "не публиковать, не цитировать, не называть его имени". Он показал ей (Т.Яковлевой. – Г.К.) первую огоньковскую статью. Она даже не захотела дочитать ее. Сказала, что все неправда, что она не понимает, кому это нужно, кто этим занимается. Вероятно, просто хотят повредить Лиле Брик. И еще она сказала, что ей в голову не могло прийти вернуться... И т.п. ... Корреспондент послал экземпляр в Музей и ... в Музее директорша прочла этот документ всем сотрудникам. Людмила (Л.В.Маяковская. – Г.К.), говорят, валялась в истерике...» [9].*

подкосились у нервов ноги...» [9]. Дабы поддержать подвергнувшуюся травле сестру, Эльза Триоле опубликовала в ее защиту в парижских коммунистических изданиях статью «Об исторической правде», в которой камня на камне не оставила от обвинений, выдвинутых в *Огоньке* против Л.Брик. Эта западная либеральная критика произвела на Старой площади эффект разорвавшейся бомбы. И получилось, что Воронцов, полностью уверенный, что его совместное с Колосковым открытое выступление против Л.Брик будет поддержано в верхах, крупно просчитался. Вот что писала 29 мая 1968 г. обычно всегда хорошо информированная Л.Брик: «На днях пошлю Вам Эльзин ответ (перевод) на огоньковское дерьмо в "Les Lettres Françaises"¹³ и в "L'Humanité"... Он (ответ) оказался полезен – Воронцову запрещено заниматься Маяковским, а он большой чин и через него невозможно было перешагнуть» [27].

Пытаясь защитить и себя, и своего патрона, Колосков подготовил пространную письменную филиппику под названием «О статье Эльзы Триоле "Об исторической правде"», направив ее секретарю ЦК П.Н.Демичеву. Тот, как сообщил Колоскову Воронцов, прочитал данную рукопись и даже принял ее «с удовлетворением» [5, д.26, л.1]. Однако, как оказалось, это была хорошая мина при плохой игре, ибо это сочинение так и не было напечатано. И не мудрено, хоть оно и содержало некоторые конкретные факты¹⁴, но при этом было насыщено ошибочными утверждениями¹⁵, резкими оценками и даже очевидной пошлостью. Чего стоило только это использованное Колосковым откровение домработницы, работавшей в квартире Маяковского и Бриков в Гендриковом переулке: «При мне столько у нее (Л.Брик. – Г.К.) любовников было. Это были одни переживания, одни слезы, как он, бедный (В.Маяковский. – Г.К.), там жил, как выносил такое отношение. <...> Она (Л.Брик. – Г.К.) и уехала, чтобы ускорить его смерть. А когда верну-

¹³ Статья Э.Триоле «Об исторической правде» в номере от 8 мая 1968 г.

¹⁴ Скажем, опровергая утверждение Э.Триоле о том, что Л.Брик может называться вдовой Маяковского, Колосков отмечал: из архивных документов Наркомата иностранных дел следует, что, оформляя в 1922–1929 гг. выездные визы, В.Маяковский писал во всех анкетах «холост».

¹⁵ Колосков, например, утверждал: «У меня имеются сведения, что после смерти Маяковского Л.Брик уничтожила все письма Т.Яковлевой к Маяковскому и фотокарточку их дочери» [5, д.26, л.10]. Колосков тут явно напутал, т.к. известно, что у Маяковского была единственная дочь: от американки Элли Джонс (Е.П.Зиберт) – Патрисия Томпсон (1926–2016), и именно ее фотография была уничтожена.

лась, то даже не спросила, что случилось. Лиля всегда заботилась об Осипе, чтобы у него белье было и пр. <...> А на Маяковского никогда не обращала внимания. Приезжает он, уезжает, – никаких встреч и никаких проводов. А он ей деньги всегда давал, она еще с постели не встала, а он ей деньги подает в спальню. А она на такси катается и мужиков покупает. Машину Кулешову (кинорежиссер. – Г.К.) на деньги Маяковского купила. Когда я у них работала, он (Маяковский. – Г.К.) любовником Лили не был, он только ее содержал. Он с ней был как товарищ. А содержал он ее в благодарность за то, что когда-то с нею жил и за это считал себя обязанным ее обеспечить»¹⁶.

Подготавливая следующие публикации для *Огонька* и входя во все больший направленный против Л.Брик разоблачительный раж, Колосков 1 июня 1968 г. отправил Воронцову большое письмо, в котором выразил полную уверенность в версии насильственной смерти Маяковского и предложил возбудить уголовное дело для расследования всех связанных с ней обстоятельств и поиска виновных. Вот полный текст этого послания:

«Обдумывая известные мне, а во многом и Вам обстоятельства смерти В.В.Маяковского, я пришел к убеждению, что это было, скорее, убийство, а если и самоубийство, то хитро, тонко подготовленное врагами поэта. По моему мнению, обстоятельства сложились так: Маяковский, которого цепко держали в своих хищных руках и беспощадно эксплуатировали Л. и О.Брики, неизбежно должен был уйти от них. Он хотел жениться на Т.А.Яковлевой, и она собиралась выйти за него замуж. А это означало, что Брики потеряли бы и славу, и средства, на которые они роскошно жили. Л.Брик и ее сестра Эльза Триоле в Париже всячески противодействовали женитьбе Маяковского на Яковлевой. Поездке Маяковского в Париж осенью 1929 г., конечно, мог воспрепятствовать Я.Агранов, занимавший тогда пост начальника секретно-политического отдела ГПУ и состоявший, по свидетельству многих, в любовных связях с Л.Брик. Перед Л.Брик, по моему мнению, стал вопрос так: или Маяковский уйдет к другой женщине, и тогда она потеряет все, или Маяковский уйдет из жизни, и тогда ей останется слава "вдовы великого поэта" и наследство. Поэтому надо было убрать Маяковского из жизни. Каким образом? Или убить его, или довести до самоубийства. В.Полонская, как утверждают многие, была из друзей Бриков и подослана ими к Маяков-

¹⁶ Из стенограммы показаний П.С.Кочетовой, записанных 21 марта 1964 г. в редакции журнала «Партийная жизнь» по указанию А.И.Колоскова [5, д.26, л.6–7].

ЛИЛЯ БРИК. В ЖЕРНОВАХ МИФА О МАЯКОВСКОМ

скому в тяжчайшее для него время после неудачи с женитьбой на Яковлевой. Какова роль Полонской? Из записи моей беседы с соседом Маяковского по квартире М.Ю.Бальшиным видно, что она находилась в комнате Маяковского, когда раздался выстрел. Ходят слухи, что у Полонской имеется какой-то документ, свидетельствующий о том, что Маяковский был убит. Н.Н.Асеев тоже говорил мне, что ему во время войны звонили и предлагали передать документ, доказывающий, что не было самоубийства Маяковского, а что его убили. Все это, мне кажется, требует безотлагательно начать официальное следствие по делу о гибели Маяковского. Я не опытен в этих делах, но мне кажется, что необходимо незамедлительно сделать следующее:

Допросить Полонскую и, если это возможно, провести у нее обыск.

Опечатать сейф в библиотеке-музее Маяковского, чтобы не дать изъять из него какие-либо важные документы, воспоминания и т.п.

Следует также допросить:

В.Шкловского (ходят слухи, что он передал в библиотеку-музей Маяковского пакет с завещанием вскрыть после его смерти).

Бальшина Михаила Юльевича – ул. Вавилова, 34/4, кв. 406, тел. 137-57-57.

Райковскую Лидию Дмитриевну – проезд Серова, 3/6, кв. 26, тел. 94-49-37.

Татарийскую Людмилу Семеновну – проезд Серова, 3/6, кв.25, тел. 21-02-36.

Кривцова Николая Яковлевича, жившего в одной квартире с Маяковским (в 1935 или 1936 гг. он переехал куда-то, и неизвестно, где сейчас, жив ли?).

Г.И.Катанян – бывшую жену В.Катаняна.

Наталью Брюхоненко, бывшую в близких отношениях с Бриками и Маяковским.

Свешникову Наталью Борисовну (тел. 41-30-47), которая сказала мне, что от матери много знает о Бриках, но боится касаться этой темы, и от встречи со мной уклонилась.

Афанасьеву Ольгу Владимировну (тел. 47-02-82), которая, как мне сообщили, присутствовала при вскрытии трупа Маяковского.

В.Перцова.

Критика Осипа Резника (по имеющимся сведениям, ему известно, что следственное дело Маяковского уничтожено).

Вдову С.М.Третьякова.

Горбунова Кузьму Яковлевича (тел. 43-48-12), который сообщил мне со слов писателя А.Виноградова, что Я.Агранов провоцировал Маяковского на самоубийство и дал ему, Маяковскому, револьвер.

Других лиц, живших или живущих в доме, где жил и умер Маяковский.

Мне думается, что следствие поможет выявить лиц, виновных в смерти Маяковского. А что это было подготовленное преступление, у меня нет ни малейшего сомнения.

1 июля 1968 г. А.Колосков.

Колосков Александр Иванович, Москва, А-252, Новопесчаная ул., д. 13, кв. 88, тел. 57-14-27» [5, д.37 а, л.1–3].

Ознакомившись с этим письмом, Воронцов, конечно, не собирался поддерживать идефикс Колоскова засудить Л.Брик как убийцу Маяковского, причем по прошествии почти сорока лет после его смерти. На это не настраивал и недавний чувствительный нагоняй, полученный помощником Суслова от своего шефа. Поэтому, остерегшись, Воронцов уже не поставил свою подпись под следующей статьёй Колоскова о Маяковском в *Огоньке*, которая под названием «Трагедия поэта» появилась в июне 1968 г. в номерах 23 и 26. В данной открытой публикации Колосков в силу цензурных ограничений смог обвинить Л.Брик лишь в «распространении лживой болтовни о предрасположенности Маяковского к самоубийству из-за боязни старости», а «формалиста» и «беспринципного делягу» О.Брика – в том, что тот вместе с Л.Брик выдавал себя за члена единой с Маяковским «коммунистической семьи». Но Колоскову все же удалось отстоять от посягательств цензуры следующие завершавшие данный опус угрожающие строки: «Мы пока еще не можем назвать, кто именно подготовил выстрел, приведший к гибели великого поэта. Но уверены, что время это придет» [18, с.22].

Либеральная солидарность

Появившаяся в преддверии разгрома «Пражской весны» и предваренная редакционной подборкой бодрых поддерживавших автора откликов читателей¹⁷, эта статья тем не менее стала лебединой песнью Колоскова, чья уже анонсированная новая кни-

¹⁷ Среди прочих в этой подборке поместили и следующее мнение известного приверженца Русской партии и троюродного брата В.В.Маяковского писателя А.А.Первенцева: «Считаю, что это начало партийной оценки не только творчества, но и личной жизни поэта, ибо многое из этой личной жизни повело к трагической развязке» [16, с.26].

га с пафосным названием «Маяковский в веках» так и не была издана. Карьерное падение Колоскова произошло потому, что своими маниакальными нападками на уже очень старую и совсем не опасную для Кремля Лилю Брик он вверг чиновников ЦК в ненужный им скандал, приобретший к тому же международный характер. И пусть солидарные обращения Э.Триоле и Л.Арагона уже игнорировались Кремлем (из-за поддержки ими «Пражской весны»!), у Л.Брик оставалось еще немало сторонников внутри страны. Таковым, например, был ленинградский поэт и писатель В.А.Соснора. Этот внук витебского раввина Вульфа Горовацкого так ободрял Л.Брик в письме от 17 мая 1968 г.: «Я прочитал пасквиль в "Огоньке". Туманные и пошлые намеки, рассчитанные на офицерских невест. Обыкновенный донос. Желтого цвета. Не расстраивайтесь, пожалуйста! Даже я и уверен, что вы посмеялись над двумя болванами – и только. Полицейская пресса, подленькие статейки так или иначе являются. Когда клоуну больше нечем рассмешить публику, он плюет в небо» [27].

Также открыто поддержали Л.Брик поэт Б.А.Слущкий (написал Брежневу), ее старые друзья писатель И.Л.Андроников (отправил письмо в *Известия*), поэт Кирсанов, литературовед и писатель Зиновий Паперный. Причем оба последних обратились к председателю Совета Министров А.Н.Косыгину¹⁸. Однако 4 июня 1968 г. осторожный Косыгин переправил «по принадлежности» эти обращения секретарю ЦК КПСС по пропаганде П.Н.Демичеву. Тот в свою очередь озадачил заведующе-

¹⁸ В начале июня 1968 г. С.И.Кирсанов писал: «Уважаемый Алексей Николаевич! Пишу Вам, как человек, много лет сотрудничавший с В.В.Маяковским, как свидетель его личной и общественной жизни. Хочу обратить Ваше внимание на то, что на страницах журнала "Огонек" в статьях, подписанных В.Воронцовым и А.Колосковым, ведется кампания травли и клеветы по отношению к женщине, которая была любимой подругой Маяковского до конца его жизни, названной им первой в его прощальном письме.

В этом письме В.В.Маяковский просил Советское Правительство позаботиться о членах его семьи. <...> Именно эта последняя воля поэта бесцеремонно попирается авторами упомянутых статей в целях, которые идут дальше простой сенсации. <...>».

В письме от 13 июня 1968 г. З.С.Паперный отмечал: «Я посвятил жизнь изучению творчества Владимира Маяковского. Не знаю ничего более оскорбительного для памяти поэта, чем статьи о нем В.Воронцова и А.Колоскова в журнале "Огонек" (№№ 16 и 23 за этот год). Не выступить с решительными возражениями в защиту поэта – значит допустить большую политическую и человеческую ошибку. Убедительно прошу Вашей помощи» [1, оп.60, д.61, л.79, 81].

го Отделом культуры В.Ф.Шауро и завсектором отдела А.А.Беляева, которые уже 25 июля доложили: «С.Кирсанов и З.Паперный (Москва) в своих письмах высказывают критические замечания по статьям о В.Маяковском ("Любовь поэта" и "Трагедия поэта"), опубликованным в журнале "Огонек" (№№ 16 и 23, 1968 г.), и просят помочь им выступить в печати против этих публикаций. Газета "Правда" (от 19 июля с.г.) и "Литературная газета" (от 17 июля с.г.) напечатали статьи Я.Смелякова "Слово – оружие" и В.Перцова "Векам истории и мирозданию", в которых обращается внимание на некоторую сенсационность и односторонность указанных материалов "Огонька" в освещении последних лет жизни поэта. Авторы писем сообщили, что они не настаивают в связи с этим на своих выступлениях. Дополнительных мер принимать не следует» [1, оп.60, д.61, л.83].

И хотя налицо было стремление верхов погасить солидарные с Брик выступления ее сторонников в среде творческой интеллигенции, они тем не менее не были напрасными, ибо несомненно повлияли на власть имущих. В наибольшей степени этот вывод справедлив в отношении действий, предпринятых писателем К.М.Симоновым – пожалуй, самым активным защитником Л.Брик. И это притом, что отношения между ними не всегда были безоблачными. Особенно обострились они в 1944–1945 гг., когда в столичном Литературном институте была разоблачена студенческая «необароккская» группа, члены которой вслед за своим лидером А.В.Белинковым (получил 5 августа 1944 г. 8 лет лагерей) «пренебрежительно оценивали (с эстетических позиций) творчество Константина Симонова, Бориса Горбатого, Алексея Суркова» [3, оп.117, д.431, л.164]. Поскольку несколько входивших в эту группу студентов (Ш.Сорокко и др.) занимались в семинаре преподававшего в институте Осипа Брика, тот был уволен и вскоре, не выдержав треволнений, умер. И хотя Симонов лично был не причастен к гонениям на О.М.Брика, тем не менее обращаясь 24 июля 1944 г. к секретарю ЦК А.С.Щербакову, он призывал: «...Необходимо произвести чистку института от накипи, которая в нем собралась» [3, оп.125, д.285, л.72]. Возможно, стремясь загладить свою вину перед Л.Брик, Симонов с середины 1950-х гг. стал всемерно ее поддерживать в СМИ и на различных писательских мероприятиях. И вот теперь, когда со страниц *Огонька* началось шельмование Брик, Симонов одним из первых вступился за нее. 13 мая 1968 г. он направил в *Литературную газету* пространное письмо, в котором гневно обвинил Воронцова и Колоскова в том, что в их статье «Любовь поэта» нет «ни на грош» «литературной науки», «элементарной объективности» и еще меньше – «уважения

к памяти поэта», но зато «много плохо скрытого озлобления по адресу Л.Брик». «Не хочу вникать в причины этого озлобления, – продолжал Симонов, – но глубоко убежден, что таким вещам не место в нашей печати». Далее он обвинил Воронцова и Колоскова в том, что те «опустились до странных намеков» на вину Л.Брик в трагической смерти Маяковского и использовали против нее следующую потаенную словесную шпильку: «К сожалению, мы не имеем писем Т.Яковлевой к Маяковскому: чья-то злая рука уничтожила их...» Завершил свое послание Симонов так: «...я считаю аморальным, когда в угоду личным симпатиям и антипатиям пытаются искаженно трактовать произведения, вошедшие в историю литературы. <...> я считаю недопустимым, когда вместо изложения имеющих прямое отношение к истории литературы фактов, занимаются игрой в прятки. Если у вас есть подтверждающие ваши слова документы – выложите их на стол. А если их нет – не занимайтесь сенсационными намеками. <...> Вопрос серьезен, и я прошу "Литературную газету" созвать в стенах редакции совещание писателей, критиков и литературоведов, причастных к изучению творчества Маяковского, обсудить на нем статью "Любовь поэта" и настоящее письмо в редакцию и опубликовать те выводы, к которым в итоге придет это совещание и редакция "Литературной газеты"» [1, оп.60, д.61, л.74, 75–76].

Столь далеко идущие требования Симонова, конечно, озадачили главного редактора *Литературной газеты* хитроумного А.Б.Чаковского, который первым делом попытался уговорить решительно настроенного писателя пойти на попятную. Однако тот не только не уступил, но и уже потребовал, чтобы его письмо «и... просьба об опубликовании были бы доведены редакцией до сведения ЦК». После чего Чаковскому не оставалось ничего другого, как только обратиться на Старую площадь, что он и сделал 20 мая 1968 г. Доставленное по назначению его письмо оказалось на столе отвечавшего за идеологию секретаря ЦК П.Н.Демичева, который через три дня «спустил» его в Отделы пропаганды и культуры. В них исполнением данной бумаги

К.Симонов

занялись, думается, отнюдь не случайно такие махровые консерваторы и ярые сторонники Воронцова, как зам. зав. Отделом пропаганды Т.К.Куприков и зам. зав. Отделом культуры З.П.Туманова. Вот почему вполне предсказуемым было содержание справки, представленной ими 6 июня 1968 г. в Секретариат ЦК. Она гласила: «С мнением т. Чаковского А.Б. о нецелесообразности публикации письма т. Симонова К.М. в "Литературной газете" согласны. Тов. Чаковскому об этом сообщено» [1, оп.60, д.61, л.60, 77].

Потерпела фиаско и еще одна попытка Симонова публично защитить Л.Брик, причем уже даже не от Воронцова, а от одного только Колоскова. Дело в том, что после того, как главный редактор *Юности* Б.Н.Полевой с подачи Симонова предложил С.И.Кирсанову раздраконить на страницах журнала огоньковскую статью Колоскова «Трагедия поэта» и поэт вскоре представил в редакцию заказанный материал, его, видимо, не без участия Воронцова «зарубили», причем еще на стадии предварительного обсуждения на редколлегии молодежного журнала.

**В.Макаров –
идейный душеприказчик
сестры поэта**

Тем временем Людмила Маяковская, глубоко разочарованная тем, что власти по сути отмахнулись от воронцовско-колосковских публикаций в *Огоньке* и так и не устроили чаемое

сестрой поэта подобие гражданской казни над ненавистной ей Лилей Брик, не опустила руки, напротив, продолжила свое сопротивление с ней. И в этом межличностном противостоянии важным подспорьем служил для Л.Маяковской новый Государственный музей В.В.Маяковского на Лубянке, куда она передала все хранившиеся у нее реликвии рода Маяковских (документы, мебель и пр.) и над директором которого В.В.Макаровым смогла установить полный контроль. В достижении последнего Маяковской поспособствовал тот случай, что вскоре после перевода основной экспозиции на Лубянку Макаров счел целесообразным оставить в Гендриковом переулке библиотеку и мемориальную мебель. Это не согласованное с нею решение сестра поэта восприняла как личное оскорбление. 16 декабря 1971 г. она в порыве гнева писала Л.И.Брежневу: «Мне стали известны источники <...> нездоровых интересов вокруг старого здания музея. Эти "источники" надеются растворить коммунистическую поэзию Маяковского в бесчисленных анекдотах о "советской Беатриче", как рекламирует себя Брик, пошлых аморальных разговорах, перечеркивающих светлую память о брате и о на-

родном поэте. Он расплачивается за свою молодую двадцатидвухлетнюю доверчивость, незнание ловких, столичных женщин, за свою большую, чистую, рожденную в сознании, на берегах Риона, – любовь. <...> Никакие мотивы не могут примирить честных советских людей с такой постановкой вопроса, Брики – антисоциальное явление в общественной жизни и быту и могут служить только разлагающим примером, способствовать антисоветской пропаганде в широком плане за рубежом. Здесь за широкой спиной Маяковского свободно протекала свободная "любовь" Л.Брик. Вот то основное, чем характеризуется этот "мемориал". <...> Брики боялись потерять Маяковского. С ним ушла бы слава, возможность жить на широкую ногу, прикрываться политическим авторитетом Маяковского. Вот почему они буквально заставляли Маяковского потратиться на меблированные бриковские номера... Сохранение этих номеров вредный шаг в деле воспитания молодежи. Здесь будет паломничество охотников до пикантных деталей. Волна обывательщины захлестнет мутной волной неопытные группы молодежи, создаст возможность для "леваков" и космополитов организовывать здесь книжные и другие выступления, выступления, доклады, юбилеи и т.п. Крученых, Кирсановых, Бурлюков, Катанянов, Бриков, Паперных и пр., а может быть еще хуже – разных Синявских, Кузнецовых, духовных власовцев, Дубчеков – словом, предателей и изменников отечественного и зарубежного происхождения. <...> Я категорически, принципиально возражаю против оставления каких-либо следов о поэте и моем брате в старом бриковском доме...» [11, с.385].

Несмотря на преклонный возраст Л.Маяковской, это был не последний выплеск ее негативной энергии. За две недели до кончины, произошедшей 12 сентября 1972 г. на 89-м году жизни, она успела надиктовать В.В.Макарову свое исполненное словесное ядро «гражданское завещание». В него она, видимо, с подачи Воронцова и Макарова включила следующую свою последнюю волю в связи предстоящим 19 июля 1973 г. 80-летним юбилеем В.В.Маяковского: «Этот день <...> должен превратиться во Всенародный праздник. Союз писателей в отрыве от представителей советской общественности готовит предложения по проведению этого торжества. Особую активность в этом направлении развивает К.Симонов, которому я не доверяю совершенно. Он тесно связан с Арагоном, В.Катаняном и его женой Л.Брик, Кирсановым и др. Я категорически протестую против участия К.Симонова и указанных лиц в каких-либо делах Маяковского <...> Я с полным основанием утверждаю, что у К.Симонова, В.Катаняна, Л.Брик, С.Кирсанова и других, которых

они умело обрабатывают, никогда не было и не будет любви к Маяковскому, к его семье. <...> Мой брат <...> всю жизнь был вынужден платить за необдуманное увлечение Л.Брик-Каган в юности...». Когда это предназначавшееся для отправки в Кремль послание было доложено Брежневу, тот на его полях написал: «Суслову М.А. Михаил Андреевич! Прошу ознакомиться с настоящим письмом – а затем посоветуемся» [11, с.388].

Уход Людмилы Маяковской несколько понизил градус страстей в общественном дискурсе в связи с ролью Лили Брик в жизни и творчестве Владимира Маяковского. Во всяком случае, несмотря на процитированное выше резкое предсмертное возражение сестры поэта против участия К.Симонова в грядущих юбилейных мероприятиях, тому все же удалось возглавить проект по реконструкции в залах Союза писателей СССР знаменитой автобиографической выставки 1930 г. «20 лет работы Маяковского». И хотя возрожденную экспозицию удалось открыть точно в день юбилея, это отнюдь не означало, что Воронцов и Макаров сидели сложа руки и не пытались сорвать этот проект. Еще 13 июля 1973 г. Макаров вместе с «треугольником» музея Маяковского в составе зам. по науке и секретарей партийной и комсомольской организаций подписали адресованное Суслову пространное письмо, в котором утверждалось, что воссоздание выставки «Двадцать лет работы» понадобилось Симонову только для того, чтобы привнести в нее тот смысл, что «"любовь" Л.Брик "сделала" великого поэта Маяковского» [7, т.1, с.101].

Однако главный упор в этом послании был сделан на документальный фильм режиссера С.И.Юткевича «Маяковский – актер кино», чьи съемки также проходили в рамках подготовки к юбилею поэта. Макарова и его подчиненных особенно насторожило то, что постановщик пригласил в качестве консультантов Л.Брик и В.Катаняна и в ходе монтажа использовал кадры из картины «Закованная фильмой» с Л.Брик в главной роли. Детально смакуя явно неприятные для аскетичного Суслова фривольные сцены из этой снятой в 1918 г. ленты, Макаров и иже с ним утверждали: «Главное, что хочет Юткевич, – это показать советскому зрителю, как "садилась на колени" Маяковскому Л.Ю.Брик и как "бешено" он ее любил. Иначе – опшлить образ и имя великого поэта» [7, т.1, с.101].

Но реакция Суслова на данный провокационный сигнал была довольно спокойной, он лишь предписал заведующему Отделом культуры Шауро «обратить внимание» на фильм Юткевича. В итоге тот не закры-

ли, правда, из него были изъяты кадры из «Закованной фильмой» [7, т.1, с.101, 118–119]. И это был максимум, чего удалось добиться Макарову.

И все же Макаров и его покровители в верхах не успокоились. Дело дошло до того, что побывавший на выставке «20 лет работы Маяковского» некий замминистра культуры РСФСР распорядился удалить из экспозиции журнал *ЛЕФ*, имевший на обложке фотопортрет Лили Брик работы А.М.Родченко. Однако Симонов, будучи куратором выставки, очень скоро добился возвращения данного экспоната на место. После этого уязвленный замминистра вновь появился на выставке и еще раз заставил ее сотрудников убрать злополучное изображение возлюбленной Маяковского. И Симонову опять удалось восстановить статус-кво. Такое перетягивание каната повторялось до тех пор, пока министерское начальство, наконец, не сдалось и не уступило писателю [26, с.155–171].

Взять реванш Воронцов и Макаров попытались в декабре 1975 г., когда стало известно, что Л.Ю.Брик и В.А.Катанян в качестве консультантов оправились в Париж вместе с выставкой Маяковского. Воздух свободы быстро вскружил голову оказавшейся на Западе Лили Брик, которая почти сразу по прибытии в Париж дала довольно странное интервью французской либерально-центристской газете *Monde*, оперативно опубликовавшей его в номере от 4 декабря. Можно представить, какое раздражение и злорадство испытал Воронцов, как он потирал руки, обнаружив вскоре в очередном выпуске информационного бюллетеня, известного как Белый ТАСС, перевод этого интервью, тем более что в нем содержа-

Л.Брик и В.Катанян

лись такие вот откровения: «Прежде всего, я не являюсь женой Маяковского. Об этом не надо писать. Они придут в ярость (взбесятся). ...Прежде всего, потому что я еврейка. Там (в СССР. – Г.К.) сейчас царит страшный антисемитизм. Это зло исходит от одного высокопоставленного лица (намек, скорее всего, на Воронцова. – Г.К.). Василию (Ка-

таняну. – Г.К.) не дают работу, потому что он мой муж. <...> Да, я не венчалась с Маяковским ни в церкви, ни в ЗАГСе, но мы в течение 15 лет вместе. Как муж и жена. Но не надо произносить слово "жена". <...> У меня был муж, Брик. Мы полюбили друг друга, когда мне было 13 лет. Когда мне исполнилось 20, мы поженились. Я люблю сегодня Брика, как и в первый день, а Маяковского – нет дня, когда бы я о нем не думала. <...> Мы жили втроем. Это не была семья втроем. Но нас соединяла самая глубокая дружба. <...> Он (Маяковский. – Г.К.) окружал меня такой любовью, что я не могла ревновать. Кроме того, у меня были свои романы, а у него свои... Он мне рассказывал все о Татьяне (Яковлевой. – Г.К.). Он ее увидел обнимающейся с виконтом в подворотне. Эльза, к которой он подошел, сказала ему: "Послушайте, это все уладится". А он сказал, нет: "Чашку можно склеить, но нельзя из нее пить". <...> У него был роман в Америке. Когда он вернулся, то он уже не хотел ничего иметь со мной. Он был очень ласков, очень нежен, но мы больше вместе не спали. <...> О своих серьезных романах он мне рассказывал, о не-серьезных – нет. Меня это не очень интересовало» [7, т.1, с.810–816].

Макаров на открытии музея Маяковского. Январь 1974 г.

Именно это интервью Л.Брик было приложено к письму Макарова в ЦК КПСС от 12 декабря 1975 г. Составленное явно с подачи Воронцова, оно содержало следующие напоминавшие донос строчки: «Считаю не-

обходимым доложить об антисоветских выступлениях и беспрецедентной по своему цинизму и пошлости клевете на Маяковского гражданки СССР Л.Ю.Брик, проживающей в Москве, которая в настоящее время находится в Париже с выставкой, организованной Министерством культуры СССР. Особое возмущение вызывает выступление Л.Ю.Брик во французской газете "Монд"» [7, т.1, с.809].

В роли провокатора Макаров выступил и 25 ноября 1976 г., когда направил в ЦК еще одно письмо со следующей шпилькой: «В результате бесконтрольности стало "европейской модой" печатать свои "произведения" (причем совершенно безнаказанно) в белогвардейских и эмигрантских издательствах. "Хороший" пример этому подают Л.Брик и В.Катанян» [7, т.1, с.979–982].

**Посмертный выпад
Смелякова;
finita la commedia**

Однако данные эпистолярные интриги Макарова, действовавшего против Л.Брик в связке с Воронцовым, не сработали. Это подтверждается хотя бы тем, что первое письмо Макарова

в ЦК (от 12 декабря 1975 г.) так и не было доложено ни Суслову, ни даже заведующему Отделом культуры Шауро, а второе (от 25 ноября 1976 г.) также не имело никаких последствий. К тому же предложение Макарова о передаче Государственного музея В.В.Маяковского из ведения Главного управления культуры Мосгорисполкома в систему Министерства культуры СССР было отклонено в феврале 1977 г. как необоснованное [7, т.2, с.41–45].

И если на властно-номенклатурной бирже котировочные показатели по Воронцову и Макарову пошли на понижение, то таковые по Л.Брик – напротив, устремились вверх. В связи с этим показателен тот факт, что ее начавшееся с 1974 г. заступничество за режиссера и художника С.И.Параджанова, получившего 5 лет строгого режима по обвинению в мужеложстве, увенчалось 30 декабря 1977 г. досрочным его освобождением. Произошло это и благодаря действиям Л.Арагона, направившего по просьбе Л.Брик письмо Брежневу, и А.А.Тарковского, вовлекшего в кампанию солидарности с Параджановым таких видных западных кинодеятелей, как Ф.Трюффо, Ж.-Л.Годар, Ф.Феллини, Л.Висконти, Р.Росселлини, М.Антониони, и др.

Л.Брик и С.Параджанов

О произошедшем снижении рейтинга влиятельности Воронцова и Макарова свидетельствовало и другое. В вышедшем к отмечаемому в 1978 г. 85-летию В.В.Маяковского 12-томном собрании сочинений эти двое уже не были редакторами всего издания (как в 8-томнике 1968 г.). Уступив эти полномочия первому секретарю Московского отделения ССП Ф.Ф.Кузнецову, они теперь являлись лишь составителями отдельных томов. Тем не менее и сократившиеся возможности Макаров постарался по максимуму использовать для нанесения нового удара по Л.Брик. Так, составляя примечания к 5-му тому этого нового издания, содержащему и посвященные Татьяне Яковлевой стихотворения 1928 г., Макаров, считавший ее несостоявшейся спасительницей поэта, павшего жертвой козней Бриков, не удержался и достаточно детально воспроизвел в комментариях стихотворение Я.В.Смеякова «Ты себя под Лениным чистил...»¹⁹

¹⁹ «Ты себя под Лениным чистил. <...> / Ты б гудел, как трехтрубный крейсер, / в нашем общем многоголосье, / но они тебя доконали, /эти лили и эти оси./ Не задрипанный финин-

Впервые опубликованное в 1973 г. – вскоре после смерти Смелякова (автора знаменитой «Любки Фейгельман») – в вышедшем в издательстве «Молодая гвардия» альманахе «Поэзия», это стихотворение еще тогда неприятно поразило Симонова. Утверждая, что оно было написано чуть ли не в невменяемом состоянии и напечатано против воли автора, Симонов, дабы привлечь к ответственности редактора альманаха и друга Ярослава Смелякова Н.К.Старшинова, так распек последнего, хоть и не называя имени, в своем письме в ЦК: «Те, кому втемяшилось в голову всеми правдами и неправдами напечатать это стихотворение во имя сведения своих окополитературных счетов с женщиной, присутствие которой в поэзии и биографии Маяковского было им поперек души, не остановились ни перед оскорблением памяти Маяковского, ни перед неуважением к последней воле Смелякова...» [11, с.390].

Однако неожиданно нашлась завизированная Смеляковым верстка его стихотворения [19, с.269–270], и руководство альманаха «Поэзия» смогло отразить инвективу Симонова. Последний, кстати, не мог не знать, что еще в 1970 г. разошлась в списках статья Смелякова «Я обвиняю», в которой тот прямо возложил ответственность за гибель Маяковского на Лилю и Осипа Бриков, а также на чекиста Якова Агранова.

И вот, вновь столкнувшись в 1978 г. в комментариях Макарова к новому собранию сочинений Маяковского со злополучным стихотворением Смелякова, Симонов испытал эмоциональный шок. В связи с этим примечательно следующее свидетельство: «Константин Симонов направил письмо Л.И.Брежневу, в котором высказал свое возмущение, а также замечания по комментариям. Генсек передал письмо Суслову, который поручил Зимянину совместно с двумя отделами ЦК провести расследование. В комиссию пошли Г.Л.Смирнов, А.А.Беляев, И.Ф.Сеничкин (зав. сектором издательства) и я. О результатах ее работы было доложено Сулову. В итоге пятый том был изъят и переиздан с восстановленными посвящениями, заново была утверждена редколлегия издания, а своего помощника Сулов отправил на пенсию» [8, с.183].

спектор, / не враги из чужого стана, / а жужжавшие в самом ухе / проститутки с осиным станом. / Эти душечки хохотушки, / эти кошечки полусвета, / словно вермут ночной, сосали / золотистую кровь поэта. / Ты в боях бы ее истратил, / а не пролил бы по дешевке, / чтоб записками торговали / эти траурные торговки. / Для того ль ты ходил, как туча, / медногорлый и солнцеликий, / чтобы шли за саженым гробом / поскучневшие брехобрики?!» [28].

Такое жесткое решение в отношении своего многолетнего помощника Суслов принял явно по настоянию Брежнева, которого не могло не порадовать произошедшее 4 августа 1978 г. на даче в Переделкине трагическое самоубийство Л.Брик, отравившейся повышенной дозой снотворного.

И хотя считалось, что главной побудительной причиной такого поступка Л.Брик был случившийся ранее перелом шейки бедра, тем не менее ходили слухи, что постоянно травившие ее в печати Воронцов и Макаров также подтолкнули несчастную бывшую возлюбленную Маяковского свести счеты с жизнью. Поскольку Л.Брик опасалась осквернения могилы, она заранее распорядилась о кремации. Согласно последней воле, ее прах был развеян 7 мая 1979 г. в поле под Звенигородом. Аналогичным было и завещание умершего 28 августа 1979 г. К.Симонова, который долгие годы рыцарски защищал Л.Брик. Его прах был развеян над Буйничским полем под Могилевом, где танковым армадам гитлеровцев был нанесен в начале июля 1941 г. значительный урон.

Недолго пережил Л.Брик ее главный тайный преследователь В.Воронцов, который умер в 1980 г. А вскоре пришли тяжелые времена и для его креатуры – В.Макарова, который давно превратил Государственный музей В.В.Маяковского в один из основных опорных пунктов Русской партии. Но в 1981 г. Макарова сняли, и вот как впоследствии одна из его бывших подчиненных описывала созданную им в музее обстановку: «...В нашем музее, как у себя дома, обосновались будущие деятели печально известного общества "Память". Хорошо помню, как в кабинете Макарова дискутировался вопрос о смерти Маяковского. "Памятниками" была выдвинута версия о жидо-масонском заговоре по уничтожению всех русских писателей. Есенин, по этой версии, тоже был убит, как и Маяковский. Все было бы складно, но по логике – трудно объяснимо. <...> В конце концов решили так: Маяковский все-таки застрелился, но его довели до этого Брики и те же самые проклятые жида...» [29].

Проходят годы и постепенно стихают страсти вокруг навсегда связанных воедино имен революционного поэта и его скандальной музы, однако как и другим известным романтическим историям их собственной никогда не дано кануть в Лету.

Список сокращений

РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

Библиографический список

1. РГАНИ. Ф.5. Оп.30, 60.
2. РГАНИ. Ф.11. Оп.1.

ЛИЛЯ БРИК. В ЖЕРНОВАХ МИФА О МАЯКОВСКОМ

3. РГАСПИ. Ф.17. Оп.3, 117, 125.
4. РГАСПИ. Ф.558. Оп.11.
5. Центральный архив документальных коллекций Москвы. Ф.80. Оп.1.
6. Аллилуева С.И. Только один год. М.: Книга, 1990. 176 с.
7. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1973–1978. Документы: в 2-х т. / Отв. сост. С.Д.Таванец. М.: РОССПЭН, 2011. Т.1. 1056 с.; 2013. Т.2. 608 с.
8. Биккенин Н.Б. Как это было на самом деле. Сцены общественной и частной жизни. М.: Academia, 2003. 312 с.
9. Брик Л. Пристрастные рассказы / Ред. Я.И.Гройсман, Н.В.Резанова. Нижний Новгород: Деком, 2011. URL: <http://www.litmir.me/br/?b=197728> (дата обращения: 13.03.2016).
10. Брик Л. Щен. [Из воспоминаний о Маяковском. Молотов:] Молотовгиз, 1942. 16 с.
11. Ваксберг А. Лиля Брик. Жизнь и судьба. М.: Олимп, Русич; 1999. 446 с.
12. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. А.Н.Яковлева; Сост. А.Н.Артизов, О.В.Наумов. М.: Межд. фонд «Демократия», 2002. 872 с.
13. Воронцов В.В., Колосков А.И. Любовь поэта // Огонек. 1968. №16. С.22–25.
1413. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1915 год... М.: Т-во А.С.Суворина «Новое время», 1915. 818 с., 2615 стб.
15. История музея В.В.Маяковского. URL: <http://mayakovsky.museum/museum/history/1946-1972> (дата обращения: 27.02.2016).
16. Колосков А.И. Жизнь Маяковского. 1893–1930. М.: Моск. рабочий, 1950. 264 с.
17. Колосков А.И. Маяковский в борьбе за коммунизм / Под ред. В.В.Воронцова. М.: Госполитиздат, 1958. 510 с.
18. Колосков А.И. Трагедия поэта // Огонек. 1968. № 26. С.26–28.
19. Куняев С.Ю. Возвращенцы: Где хорошо, там и Родина. М.: Алгоритм, 2006. 304 с.
20. Лазарев Л. О времени и о себе: К выходу в свет тома «Новое о Маяковском» // Литературная газета. 1958. 19 июля.
21. Медведев Р.А. К суду истории. О Сталине и сталинизме // Медведев Ж.А., Медведев Р.А. Избранные произведения: [в 4 т.]. М.: Права человека, 2002. Т.1. 720 с.
22. Митрохин Н.А. Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985. М.: НЛЮ, 2003. 624 с.
23. Новое о Маяковском // Смена (Ленинград). 1958. 19 сентября.
24. Обоймина Е.Н., Татькова О.В. Владимир Маяковский и Лиля Брик. URL: http://www.biografii.ru/biogr_dop/brick_1_u/brick_1_u.htm (дата обращения: 16.03.2016).
25. Паперный З.С. «Если я чего написал...» // Знамя. 1999. №6. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/1998/6/papern.html> (дата обращения: 15.03.2016).
26. Паперный З.С. О Лиле Брик – спутнице жизни и стихов Владимира Маяковского // Знамя. 1998. №6. С.155–171.
27. Переписка Виктора Сосноры с Лилей Брик / Публ. Я.Ананко // Звезда. 2012. №1. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2012/1/pe11.html> (дата обращения: 21.03.2016).
28. Смеляков Я. «Я себя под Лениным чищу...» // Поэзия: Альманах. 1973. №10. 176 с.
29. Соловьева М.П. Страсти по Маяковскому // Homo Legens. 2013. №3. URL: http://homo-legens.ru/authors/authors_3_2013/marina-soloveva (дата обращения: 17.03.2016).
30. Чаша мудрости: Афоризмы, изречения, высказывания отеч. и зарубеж. авт. / Композиция В.В.Воронцова. М.: Дет. лит., 1978. 512 с.

Михаил Ковалев

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ:

**ПРОФЕССОР А.В.ФЛОРОВСКИЙ
И ЕГО СОВЕТСКИЕ КОЛЛЕГИ¹**

УДК
94(47+100-87)
929:930

В заключительной статье серии рассказывается о развитии научных контактов А.В.Флоровского с советскими историками в конце 1950-х – 1960-х гг. Особое внимание уделено его общению с Е.П.Подъяпольской, которая взяла на себя редактирование «Писем и бумаг императора Петра Великого». Освещается поездка А.В.Флоровского в СССР в 1967 г. В статье приводятся аргументы, согласно которым закрытость советской науки стала одной из причин, тормозивших изучение петровской темы. В заключении осмысливается специфика научных контактов А.В.Флоровского.

In the final article in this series the development of scientific contacts of A.V.Florovsky with Soviet historians in the late 1950s – 1960s was described. Particular attention was paid to his communication with E.P.Podyapolskaya, who took over the editing of “The Letters and papers of the Emperor Peter the Great”. The visit of A.V.Florovsky in the USSR in 1967 was characterized. The article presents the arguments according to which closure of Soviet science was one of the reasons that hindered the study of Peter the Great’s theme. In conclusion, the specificity of scientific contacts of A.V.Florovsky conceptualized.

Ключевые слова: А.В.Флоровский; Е.П.Подъяпольская; А.А.Новосельский; С.А.Фейгина; «Письма и бумаги императора Петра Великого»; Петр Великий; Чехословакия; СССР; научные контакты; историография; Зарубежная Россия; хрущевская «оттепель».

Keywords: A.V.Florovsky; E.P.Podyapolskaya; A.A.Novoselsky; S.A.Feygina; “Letters and papers of the Emperor Peter the Great”; Peter the Great; Czechoslovakia; USSR; scientific contacts; historiography; Russia Abroad; Khrushchev’s “Thaw”.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

¹Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2016. №4, 5. Статья подготовлена в рамках гранта президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, проект МК-4739.2016.6 «Российская научная эмиграция в Чехословакии в 1920–1940-е годы (по материалам зарубежных архивов)».

«Как всегда, письма Ваши – это "кладезь премудрости"»

Елена Петровна Подъяпольская (1895–1986), выпускница Саратовского университета, ученица С.Н.Чернова и П.Г.Любомирова [3, с.116], к петровской теме пришла в

1930-е гг., когда участвовала в подготовке к публикации документов Берг-коллегии. В 1943 г. после возвращения из самаркандской эвакуации она стала сотрудницей сектора феодализма Института истории АН СССР и вошла в состав группы по изданию писем и бумаг Петра Великого. В ее задачу входило выявление новых текстов, их подготовка к публикации и научное комментирование. В 1946 г. при ее участии был издан VII том «Писем и бумаг...», а начиная с XII тома, она станет постоянным членом редколлегии. В 1950-е–1960-е гг. ее научные интересы были сосредоточены вокруг изучения народных движений петровского времени (результатом чего стало появление монографии о булавинском восстании [18]) и петровской иконографии.

Регулярное общение между ней и А.В.Флоровским установилось с конца 1950-х – начала 1960-х гг. Удивительно, но их судьбы уже однажды случайно пересеклись. В 1916 г. еще совсем юная Е.П.Подъяпольская присутствовала на публичной защите диссертации А.В.Флоровского об Уложенной комиссии в Московском университете [10, с.67]. Он, конечно, не помнил и вряд ли мог помнить об этом эпизоде. Теперь же для общения между учеными имелся серьезный повод: оба занимались одной научной темой. В конце 1950-х гг. Е.П.Подъяпольская заинтересовалась петровскими портретами кисти чешского художника Яна Купецкого (*Jan Kupěcký*; 1667–1740), и А.В.Флоровский, бесспорно, мог помочь ей в разысканиях. Зимой 1960 г. он послал для нее в Москву брошюру своего пражского коллеги Николая Артемьевича Еленева (1894–1967) о Петре Великом и Яне Купецком [30, с.227–

Е.П.Подъяпольская. 30 октября 1951 г.
(Архив РАН. Ф.1592. Оп.2. Д.70. Л.39)

285]. Е.П.Подъяпольская в тот момент как раз изучала портрет русского царя, написанный чешским художником в Карлсбаде (1711) [29, №1].

Общение это было взаимно интересным и взаимно полезным. Как и других коллег из СССР, А.В.Флоровский нередко просил Е.П.Подъяпольскую наводить архивные справки ввиду недоступности для него советских архивных собраний, как то было, например, в его письме от 2 ноября 1960 г. [29, №7]². И она, при поддержке директора Центрального государственного архива древних актов Вениамина Николаевича Шумилова (1914–1970), пыталась оказывать ему посильную помощь [29, №8]. Так, еще летом 1960 г. А.В.Флоровский просил Е.П.Подъяпольскую разыскать рескрипт Петра Великого 1708 или 1709 гг. барону Иоганну Урбиху (*Johann Christof von Urbich*; 1653–1715), занимавшему пост русского посла в Вене, а также установить источник акта 1710 г. с предложением о союзе России с Австрией [29, №11]. Правда, не всегда поиски заканчивались успешно. Так, А.В.Флоровскому требовались сведения об Иоганне-Людвиге Микуше, генерал-майоре от кавалерии, служившем вместе с Р.Х.Боуром³, но обнаружить нужные документы московской коллеге не удалось.

Е.П.Подъяпольская пыталась помочь Антонию Васильевичу с публикациями работ на Родине, как то было, например, летом 1962 г. со статьей «Петр Великий и Эфиопия», предназначавшейся для журнала *История СССР*. Правда, в итоге она была отклонена редакцией, поскольку «по своей источниковедческой базе» не отвечала задачам и характеру журнала [29, №13, 14]. Трудно сказать, насколько обоснованным можно считать такой мотив, ведь качество статьи было очень высоким и отмеченным современниками (например, ведущим немецким славистом Дитрихом Герхардтом [9, с.174; 27, №2]). В конечном счете, эта работа будет опубликована (1966) в Мюнхене в юбилейном сборнике в честь Д.И.Чижевского [22, с.211–220].

В общении двух ученых, разумеется, почти сразу возникла тема «Писем и бумаг Петра Великого». Е.П.Подъяпольская в апреле 1960 г. благодарил А.В.Флоровского за «справедливые критические замечания» в адрес этого издания. В июне 1962 г. она послала в Прагу 1-й выпуск XI тома «Писем и бумаг...»: «Пользуюсь случаем поблагода-

² В описи фонда письмо неверно датировано декабрем 1960 г.

³ Этот сюжет обсуждался в письме Е.П.Подъяпольской к А.В.Флоровскому в конце 1960 г. [29, №49]. В описи архивного фонда это письмо неверно датировано – до 28 сентября 1965 г. В реальности – до 27 декабря 1960 г.

рить Вас лишний раз за внимание Ваше к нашему изданию и за полезные советы» [29, №4, 13]. А.В.Флоровский внимательно изучил книгу и поделился своими соображениями. Все последующие годы, вплоть до смерти профессора (1968), они будут систематически обсуждать в своей переписке дальнейшую подготовку столь важной документальной серии. А.В.Флоровский со свойственной ему педантичностью и основательностью будет давать советы советским коллегам, отмечать сильные стороны их работы и одновременно критиковать. Е.П.Подъяпольская хорошо осознала глубину и значение его указаний. «Как всегда, письма Ваши – это "кладезь премудрости" для издателей "Писем и Бумаг..."», – лестно отзывалась она в октябре 1965 г. [29, №52].

Е.П.Подъяпольская много раз признавала, что для редакции «Писем и бумаг» огромной, почти неразрешимой трудностью было плохое знание европейских источников и историографии, что отличало ее положение от дореволюционных предшественников. И в связи с этим А.В.Флоровский был едва ли не единственным ученым, обладавшим необходимыми познаниями и способным решить назревшие историографические вопросы, за что Е.П.Подъяпольская не раз его благодарила, как, например, в июле 1962 г.: «Все Ваши указания на зарубежную литературу очень ценны. Знание зарубежных источников (рукописных и печатных) являлось и является уязвимым местом в издании "П[исем] и Б[умаг]"» [29, №14]⁴. Например, она сообщала, что составители обошли вниманием и ценное собрание источников «*Litterae procerum Europae*», изданное И.Х.Люнигом [31], и лишь затем обнаружили грамоту, которая могла представлять интерес для издания [29, №14]. Она же признавалась, что незнание ею и ее коллегами венгерского языка не позволили извлечь сведения из исследований венгерского историка Имре Лукинича (*Imre Lukinich*; 1880–1950), хотя одна из его работ была в распоряжении группы. Между тем А.В.Флоровский не раз рекомендовал обратить пристальное внимание на венгерские материалы в силу того, что они

⁴ См. также ее письмо от 19 декабря 1962 г.: «Не могу выразить всей своей благодарности за Вашу помощь по изданию, в котором я принимаю участие. Было необычайно приятно услышать Ваше одобрение по поводу того, что мы включили в издание выдержки из писем корреспондентов Петра I и из текстов разных деятелей того времени с цитатами, свидетельствующими о несохранившихся или о неизвестных нам письмах Петра» [29, №18]. Эта же мысль содержится в февральском письме 1967 г.: «Большое спасибо за ту помощь, кот[орую] Вы оказываете, сообщая о выходе зарубежной литературы по эпохе Петра I» [1, д.367, л.4].

были совершенно неизвестны русской науке. Конечно, советские коллеги это понимали и признавали, но сделать, кажется, особо ничего не могли: «Очень скупо у нас там о взаимоотношениях с Ракоци», – писала Е.П.Подъяпольская в феврале 1967 г. о содержании очередного тома «Писем и бумаг...» [1, д.367, л.5]. У ученых в СССР не было, конечно, той глубокой языковой подготовки, как у их дореволюционных предшественников. Рискну заметить, что вряд ли у кого-то из советских историков, занимавшихся в 1950-е – 1960-е гг. петровской эпохой, были такие познания, как у А.В.Флоровского. Но не было у них и таких возможностей, как у него. Даже будучи лишен возможности выезда из Чехословакии на Запад, А.В.Флоровский свободно вел научную корреспонденцию с коллегами из разных стран, заказывал для себя копии нужных книг и документов. Да и библиотечные фонды Праги пополнялись иностранной литературой гораздо лучше, чем московские или ленинградские. Прочтя в 1964 г. статью А.В.Флоровского о Мекленбургском вопросе, Е.П.Подъяпольской только и оставалось написать в Прагу: «С завистью смотрела на использованную Вами литературу и взяла на заметку некоторые издания» [29, №36].

А.В.Флоровский, как блестящий знаток европейских архивов, был очень интересен Е.П.Подъяпольской, а потому она часто обсуждала с ним проблемы выявления новых документов для «Писем и бумаг...». В 1958 г. он послал в Москву перечень актов 1711–1713 гг., исходивших от Петра и хранившихся в Венском архиве. Список этот представлял огромный интерес, ибо позволял понять, не было ли пропусков в ранее собранных материалах. Сам А.В.Флоровский, кстати, ставил вопрос о необходимости печатания «Дополнений» к «Письмам и бумагам...», в которых следовало бы публиковать ранее пропущенные, прежде неизвестные документы [29, №4, 6]. Увы, предложение это до наших дней так и не претворено в жизнь.

К сожалению, издателям 1-й части XI тома «Писем и бумаг...» не удалось получить из Вены грамоту Петра 1711 г. австрийской императрице Элеоноре с выражением сочувствия по поводу смерти императора Иосифа I. Она примечательна тем, что была возвращена назад императрицей-регентшей, ибо в ней не употреблялся титул «Величества». В руках Е.П.Подъяпольской был только микрофильм описи Венского архива, откуда и было позаимствовано краткое изложение содержания грамоты и ее выходные данные. В Прагу она писала: «Очень досадую, что не обратилась к Вам за Вашей помощью. И прошу Вас разрешить обращаться к Вам в подобных случаях, когда у нас имеется лишь указа-

ние на существование письма Петра I и есть все основания предполагать, что текст находится или находился за рубежом, а следовательно, есть основание предполагать, что он там не опубликован» [29, №14]⁵.

Советские ученые, отрезанные от иностранных собраний, ценой огромных усилий накапливали новые материалы. Часто им приходилось обращаться к архивным фондам дореволюционных историков, разыскивая в них копии документов, которые те могли некогда привезти из Европы. Так было, например, с письмом Петра Великого к герцогу Антону-Ульриху от 12 ноября 1712 г., напечатанным в «Письмах и бумагах...» по хранящейся в Ленинградском отделении Института истории АН СССР копии с подлинника из Брауншвейг-Люнебургского архива в Вольфенбюттеле. А.Ф.Флоровский в 1967 г. по просьбе коллеги выяснил, что в немецком архиве сохранился оригинал этого послания [1, д.367, л.4].

Е.П.Подъяпольская совещалась с А.В.Флоровским по спорным архивным, источниковедческим вопросам. Например, она хотела знать его мнение относительно «Письма с берегов Прута» от 10 июля 1711 г., которое приписывалось Петру и в котором сообщалось об окружении русской армии турками и возможном пленении царя [17, т.11, вып.1, с.314–315]. Авторство письма вызывало много вопросов, и нередко его приписывали либо Я.Штеллину, напечатавшему текст в 1785 г. в Лейпциге, либо М.М.Щербатову. Поэтому редакция долго не решалась опубликовать его в «Письмах и бумагах...». Е.П.Подъяпольская писала в июле 1962 г., что по мере углубления знания об обстановке на Пруте и более тщательном анализе текста она пришла к выводу о подлинности письма и поделилась планами написать о нем специальную статью. Версия коллеги показалась А.В.Флоровскому убедительной [29, №14, 15]. А.А.Новосельский еще в 1960 г. осведомлялся, какие отклики в современной европейской историографии имеются на это письмо. Ему было известно, что шведский историк Эрик Тенгберг упоминал о нем в своей книге «От Полтавы до Бендер» [33]⁶. Вновь советским ученым требовалась помощь А.В.Флоровского. А.А.Новосельский в январе 1960 г. просил его: «...нам не удалось найти эту работу об этой работе ни в специальной статье, ни в других работах. Вы очень обяжете нас, если сообщите, что Вам известно о зарубежной литературе по указанному

⁵ Эта грамота все же была опубликована во 2-й части XI тома в 1964 г. по изданию Й.Люнига ([31, pars.III, p.1074–1076]. См.: [17, т.11, вып.2, с.346–348]).

⁶ Известно, что А.В.Флоровский написал Э.Тенгбергу в Стокгольм в марте 1960 г. [28, №16]. Но ответа, видимо, не получил (см. также: [25, с.8–27]).

письму Петра I (в том числе и о[б] исследовании Э.Тенгберга)» [28, №15]. Однажды в переписке с Е.П.Подъяпольской в 1963 г. возник сюжет о рукописи Ф.Балатри, сочинение которого некогда попало в поле зрения И.А.Шляпкина, Б.Б.Кафенгауза и А.А.Гераклитова. Е.П.Подъяпольская, правда, не знала, что рукопись была давно известна А.В.Флоровскому, поэтому сообщала ему краткую предысторию ее дарения и осведомлялась, знает ли он о ней [29, №33].

А.В.Флоровский в Ленинграде. 1967 г.
(Архив РАН. Ф.1609. Оп.1. Д.186. Л.75)

Помимо оторванности от зарубежных архивов и библиотек, были в работе издателей «Писем и бумаг...» и трудности иного рода. Тут небезынтересно привести обширный отрывок одного из писем Е.П.Подъяпольской (25 февраля 1967 г.), который наглядно обрисовывает круг существовавших проблем. «У нас нехватка людей. Сейчас нас трое: Глаголева, Майкова, Подъяпольская. Водарский (я его подготовила) ушел в географическую группу. Мне очень хотелось, чтобы каждый из подготовленных членов коллектива взял на себя целый том. Дело пошло бы быстрее. Но если Майкова уйдет на "Историю шведской войны", нас останется двое, причем Глаголева – уже пенсионер. На XIII том мне дают двух новых сотрудников, но ведь не меньше года их надо учить да учить. Между тем я по опыту знаю, что все время идет отсеивание, иногда (как случилось с Водарским), когда науч[ный] работник уже начал работать самостоятельно. То же происходит с машинистками. Мы их учим печатать с рукописи нач[ала] XVIII в., разбирать руку Петра и т.д. Добившись максимальной ставки, они возвращаются на пере-

печатку XX–XIX ст[олетий], а нам приходится все начинать снова» [1, д.367, л.2 об.–3]. Таким образом, острая нехватка сотрудников должной квалификации, невнимание к работе группы со стороны руководства тормозили работу над изданием «Писем и бумаг императора Петра Великого» не меньше, чем «железный занавес».

А.В.Флоровский знакомил Е.П.Подъяпольскую со всеми главными новостями европейской научной жизни. Именно он сообщил ей в мае 1963 г. о находке в библиотеке Национального музея в Праге копий писем Петра Великого, а в рукописном собрании библиотеки Карлова университета – материалов о царе, предназначавшихся, как предполагали, для Вольтера [29, №24]. Три рукописи на французском языке принадлежали перу неизвестного автора. Главная из них – под условным названием «Опровержение» – представляла собой разбор мнений европейских авторов о Петре Великом. Чехословацкий ученый Вацлав Черный (*Václav Černý*; 1905–1987) выдвинул гипотезу о связи документов с работой Вольтера над «Историей Российской империи при Петре Великом» и предположил, что они могли быть составлены М.В.Ломоносовым. Е.П.Подъяпольская заинтересовалась сделанным открытием и предположениями В.Черного: «Для творчества Ломоносова в этих находках бесспорно найдется интересное, а кто знает – может быть, и для исследователей времени Петра I. Очень важно установить пути того, каким образом материалы, переданные Вольтеру (не оригиналы ли?), оказались среди коллекций Универс[итетской] библиотеки». Что касается копий посланий Петра, то сама она предполагала, что речь идет о собрании писем к Апраксиным, в особенности Ф.М.Апраксину, то есть о сборнике, широко распространенном в XVIII в. среди вельмож и изданном в двух частях в 1811 г. под заглавием «Собрание собственно-ручных писем Петра Великого к Апраксиным». Об интересе к работе В.Черного и ожидании публикации ее итогов Е.П.Подъяпольская писала А.В.Флоровскому в июле 1963 г. [29, №23, 28].

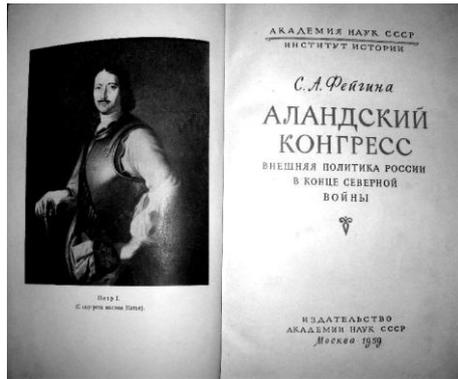
Скажем, что отстаиваемое В.Черным авторство М.В.Ломоносова вызвало сомнение у ряда советских и зарубежных исследователей. В ходе состоявшейся в 1963 г. в Пушкинском Доме дискуссии среди возможных авторов были названы либо французский барон Т.А.Чуди, либо П.А.Левашов. Однако все участники однозначно признавали огромное научное значение найденных рукописей [12, с.89–90]. Е.П.Подъяпольская внимательно следила за этой полемикой и рассказывала о ней своему пражскому корреспонденту [29, №51].

**«Мы знакомы
только письменно...»**

А.В.Флоровскому и Е.П.Подъяпольской все же удастся пообщаться лично. Незадолго до смерти профессор вместе с супругой посетит СССР.

Он встретится с коллегой в Москве в 1967 г. во время своих выступлений в Московском государственном университете и Институте истории АН СССР. В стенах университета он прочел доклад о русско-австрийских отношениях, по словам Е.П.Подъяпольской, сделанный «с такою легкостью, граничащею с изяществом, свойственным французам, но насыщенный глубоким содержанием, пронизанный великолепным знанием материала» [29, №67].

А.В.Флоровский очень хотел увидеть С.А.Фейгину, о которой так много слышал и с которой имел возможность познакомиться по переписке в конце 1950-х гг. В письме от 30 мая 1959 г. профессор поблагодари

Монография С.А.Фейгиной
«Аландский конгресс» (М., 1959)

дарит ее за присылку столь долгожданной монографии об Аландском конгрессе [19]. Книга пришла как нельзя кстати, ибо А.В.Флоровский как раз дорабатывал главу книги о русско-австрийских отношениях в 1716–1721 гг. [1, д.100, л.1]. Кстати, это исследование С.А.Фейгиной до сих пор не потеряло своей научной значимости⁷. Некоторые работы А.В.Флоровского были ей хорошо известны [23; 20]. Во всяком случае, она отзывалась о них очень уважительно и ссылалась на них в

своем главном научном труде [19, с.82, 530]. Она вполне разделяла версию А.В.Флоровского об усилении в Европе – после триумфальной

⁷ Бельгийский историк Э.Вагеманс так отзывался об этой книге: «Совершенно уникальным для автора из СССР является то, что Фейгина использовала не только русские, французские, английские и немецкие источники, но и нидерландские, шведские и даже турецкие» [5, с.18]. Ему вторит российский коллега С.А.Мезин, называющий работу С.А.Фейгиной «эрудитской монографией» [13, с.28].

Полтавской победы – страха перед русской угрозой, об особой роли в этом процессе Англии, желавшей иметь партнером в Балтийском регионе ослабевающую Швецию, а не усиливающуюся Россию. Активная внешняя политика Петра Великого, стремительное выдвижение России на европейскую арену, решительность российской дипломатии вызывали ужас в правящих кругах Европы.

А.В.Флоровскому внимание и уважение С.А.Фейгиной явно льстило, о чем он признавался в письме в Москву. Но одновременно в уже упомянутом майском послании 1959 г. он недоумевал, почему коллега отнесла его труды к иностранной историографии. Он подчеркивал, что является истинным русским, что отец его происходит из-под Великого Новгорода, а мать – из Степной Украины, что волею судьбы оказался в Чехии и теперь работает тут [1, д.100, л.1–1 об.]. Этот эпизод очень хорошо характеризует самоощущение А.В.Флоровского, его душевные ориентиры. Он не считал себя иностранцем, не считал эмигрантом, не отделял себя от русской культуры. Не случайно в письме к В.Т.Пашуто он признавался, что воспринимает жизнь на чужбине как «только командировку за пределы СССР» [15, с.366]. Подчеркнем, что А.В.Флоровский вообще очень трепетно относился к творческому наследию русской эмиграции. В 1965 г. он писал Е.П.Подъяпольской: «Слишком слабо учитывается, что за границей СССР все же кое-что делалось и сделано для русской науки и уже нельзя обходить молчанием и наши, и иностранные-иноязычные исторические труды. Хотя бы, напр[имер], заграничные [...] издания мемуаров таких русских историков, как Кондаков, Милюков, Кизеветтер, Платонов и т.д. и т.д.!» [10, с.79]. Но, конечно, должная оценка эмигрантского наследия в условиях идеологического гнета не могла быть сделана.

Судя по сохранившимся письмам, интенсивность общения с С.А.Фейгиной не была высокой. К сожалению, встретиться лично ученым тоже не удалось. Во время последнего приезда А.В.Флоровского в Москву (1967) С.А.Фейгина оказалась в отпуске, была в 100 км от столицы и не имела возможности вернуться: «Мы знакомы только письменно, а хотелось бы побеседовать – у нас так много общих научных интересов. Конечно, послушать Ваш доклад в Университете мне было бы крайне интересно. Но не повезло на сей раз! Надеюсь только, что это не последний Ваш приезд в Москву и мы еще повидаемся» [26, №2]. Увы, повидаться историкам так и не удастся. Приезд А.В.Флоровского окажется последним, в следующем году он уйдет из жизни.

А.В.Флоровский мечтал написать фундаментальную работу о взаимоотношениях Петра Великого с Центральной Европой, особенно с Австрийской империей. Но свой главный труд окончить он так и не успел. Работу над итоговой версией книги оборвала смерть 27 марта 1968 г. Отдельные ее части, правда, еще при жизни ученого печатались в виде статей. Некоторые фрагменты книги были опубликованы уже посмертно его чешской ученицей и горячей почитательницей таланта Аленой Завадовой (*Alena Zavadová*; 1931–1998) [21]. По ее словам, они являли собой «типичные образцы историографического стиля проф[ессора] Флоровского, его исключительного умения излагать отдельные эпизоды в широком историческом контексте».

Вместо эпилога, или еще раз о вреде «железных занавесов» в науке

Коммуникационные практики в истории русской эмигрантской науки изучены пока незначительно. До сих пор не до конца поняты и осмыслены взаимоотношения различных эмигрантских центров, научных групп, еще нуждаются в детальном исследовании личные и деловые контакты эмигрантов с иностранными учеными. Столь же мало известно об их связях с коллегами из СССР. В этом плане биография А.В.Флоровского – ученого, для которого не существовало интеллектуальных границ, – дает огромный и благотворный материал. В годы эмиграции он сделал одним из главных направлений своих исследований историю взаимоотношений России с Центральной Европой, в особенности с Австрией и Чехией. Разрабатывая эту тему в ее сложности и многообразии, постигая хитросплетения дипломатической игры, проникая в глубину двухсторонних политических, торговых и интеллектуальных контактов, он все больше убеждался в важности межкультурного диалога, все отчетливее осознавал потребность в свободном обмене информацией, передаче идей и знаний. Петровская тематика, а в особенности ее международный аспект, владела А.В.Флоровским в послевоенные годы, и именно она вдохновляла его на развитие научных связей с коллегами в СССР.

Контакты пражского профессора с советскими историками во 2-й половине 1940-х – 1960-х годах представляют собой интересный пример встречи двух Россий – советской и зарубежной. И хотя некоторые из коллег А.В.Флоровского начали свой творческий путь еще до революции, они все же были обречены жить и работать в специфических условиях, характеризующих репрессиями, идеологическим гнетом и

закрытостью от внешней среды. Об этом поколении очень точно выразился академик А.Б.Давидсон: «Жизнь заставляла их быть осторожными. Они не раскрывались даже перед близкими. Не писали мемуаров, жгли свои архивы, в письмах изъяснялись обиняками» [7, с.127]. И, полагаю, А.В.Флоровский эти особенности понимал и замечал. Впрочем, ему самому на склоне лет приходилось проявлять определенную осторожность – сначала в годы немецкой оккупации Праги, а затем уже в коммунистической Чехословакии. В своих послевоенных контактах А.В.Флоровский столкнулся и с новым поколением советских историков, с теми, кто полностью формировался уже в новых обстоятельствах. Круг общения профессора был поистине широк и не ограничивался лишь специалистами по петровской эпохе. Среди прочих коллег, с которыми он поддерживал отношения, можно назвать М.П.Алексеева, П.Н.Беркова, С.С.Дмитриева, П.А.Зайончковского, А.А.Зимины, Н.В.Измайлова, Д.С.Лихачева, Ю.Г.Оксмана, В.Т.Пашуто, А.Л.Хорошкевич и многих других. Увы, осторожность и дипломатичность А.В.Флоровского выражалась в том, что в своих письменных текстах, будь то письма, автобиографические заметки, записки и др., он никогда не давал оценок коллегам. То есть он мог высказать критику в адрес той или иной работы, не согласиться с тем или иным мнением, но личностных оценок, кажется, не давал никогда. Потому мы вряд ли узнаем, как конструировались в его сознании образы советских историков, какие их черты он подмечал и выделял.

Обсуждения различных вопросов, возникавших при разговорах о «Письмах и бумагах императора Петра Великого», по своему содержанию выходили далеко за сугубо историографические и архивоведческие рамки. Они ясно высвечивали острые проблемы советской исторической науки, например ее замкнутость, ограниченность, закрытость от внешнего мира. А.В.Флоровский ясно это понимал. Осознавали такое положение вещей и советские ученые. В доказательство приведем размышления выдающегося япониста Евгения Михайловича Жукова (1907–1980), в середине 1950-х гг. заместителя директора Института истории АН СССР. Он, пусть и в мягкой форме, вынужден был признать очевидное отставание советской исторической науки и ее исключенность из мирового научного процесса. Эти черты особенно ясно проявились в ходе подготовки многотомной «Всемирной истории», когда стало понятно, что многие советские специалисты просто не знают современной зарубежной научной литературы: «Наблюдается также известное отставание в области разработки проблем историографии и

источниковедения, что умножает трудности, стоящие перед авторским коллективом. Бросается в глаза почти полное отсутствие диссертаций на историографические темы по всеобщей истории... Известно, что среди зарубежных историков, не стоящих на марксистских позициях, имеется значительная группа прогрессивных ученых, не только вносящих свой положительный вклад в развитие науки (путем публикации новых ценных источников, материалов и т.п.), но и искренне стремящихся к плодотворному научному контакту с историками-марксистами. Нет сомнения в том, что такого рода контакт может принести большую пользу. Но для того, чтобы установить контакт с зарубежными историками, представляющими различные направления, необходимо хорошо знать их научную продукцию, разобраться в оттенках мнений, в существующих школах» [8, с.40]. Эти слова Е.М.Жуков произнес в середине 1950-х гг., т.е. как раз в то время, когда связи А.В.Флоровского с советскими коллегами начали бурно развиваться.

Московские и ленинградские корреспонденты пражского профессора, занимавшиеся разработкой петровской тематики, неизменно признавали свои глубокие пробелы в знании зарубежной историографии и иностранных источников. Потому общение с А.В.Флоровским, юридически советским гражданином, но в реальности все же человеком из-за границы, было для них своего рода глотком свободы, возможностью заглянуть за «железный занавес». Они прекрасно осознавали научный вес, познания, широту кругозора профессора, а потому с энтузиазмом обращались к нему за помощью, советовались по сложным вопросам. С другой стороны, это общение было важно для него самого, причем не только исходя из утилитарных устремлений в виде получения нужных для работы книг, журналов и копий архивных документов. Для А.В.Флоровского наука всегда была превыше любых идеологических рамок. К слову, именно этим объясняется некоторый его общественный конформизм и отказ от участия в активной политической жизни. Открывшаяся после Второй мировой войны возможность установить, а в некоторых случаях – восстановить, научные контакты с Родиной была воспринята им с воодушевлением. Не будем забывать, что духовно он не считал себя эмигрантом, что он всегда, на протяжении всей жизни, соотносил себя с русской культурой. Этим объясняется и его стремление публиковать свои работы в СССР. Таким образом, интерес к укреплению двухсторонних связей был обоюдным. И еще важная ремарка. Контакты А.В.Флоровского с советскими коллегами стали активно развиваться в тот момент, когда история послереволюционной Зарубежной

России, уместившаяся в узкие рамки межвоенного периода, по сути, закончилась. Но именно в 1950-е – 1960-е гг. русские интеллектуалы за границей делают многочисленные попытки метаосмысления собственной истории. У них складывается ощущение, что прошлое уходит, исчезает без следа. Поэтому таким важным казалось зафиксировать его и сохранить для будущего [6, с.86]. Отсюда, полагаю, еще один важный мотив действий А.В.Флоровского: он стремился передать коллегам свой интеллектуальный опыт и вместе с тем напомнить о творческом наследии всей российской научной эмиграции. И ему это во многом удалось. Сегодня труды А.В.Флоровского неизменно цитируются специалистами по истории русско-австрийских и русско-чешских отношений, по российской истории XVIII в., в особенности петровской эпохи. Намеченные им исследовательские маршруты получили достойное продолжение и в отечественной, и в зарубежной историографии [2; 4; 14; 16; 24; 32].

Обратим внимание, что послевоенные контакты А.В. Флоровского с советскими коллегами развивались в два этапа. Первый пришелся на 1946–1948 гг., когда многие люди в СССР и за его пределами были охвачены эйфорией обновления и верой в то, что жизнь не будет прежней. Отсюда и вера советских ученых в развитие и укрепление контактов с иностранными коллегами, безжалостно обрубленная идеологическими кампаниями и «железным занавесом». Второй этап пришелся уже на годы «оттепели», когда в СССР наступили пусть и ограниченные, но все же перемены, когда страна хоть немного открылась для внешнего мира. Именно эти перемены дали А.В.Флоровскому возможность печатать свои работы на Родине, а незадолго до смерти впервые посетить ее после десятилетий разлуки.

Девид Блур и Бруно Латур, яркие представители современного экстерналистского подхода в науковедении, хорошо обосновали тесную взаимосвязь между наукой и обществом, наукой и властью, то есть продемонстрировали особую роль внешнего фактора в процессе развития научного знания. Ими замечено, что в истории науки наличествуют не только периоды расширения коммуникативного поля, но и «периоды отрицательной коммуникативности», когда научное знание под влиянием внешних обстоятельств переводится в режим автаркии, когда изоляционистские тенденции становятся доминирующими [11, с.66–67]. В этом контексте критика А.В.Флоровским своих советских коллег вырисовывается в новом свете. Закрытость науки была одной из причин того, что работа над «Письмами и бумагами...», несмотря на усердные старания ученых, проходила так медленно. К сожалению, мало что из советов и рекомендаций пражского про-

фессора удалось воплотить в жизнь. И еще одно важное дополнение. С большим прискорбием нужно отметить, что проект по изданию «Писем и бумаг императора Петра Великого», о важности которого так много говорил А.В.Флоровский, не завершен до сих пор.

Список сокращений

SKP. – Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V.Florovskij. T-FLOR

Библиографический список

1. Архив Российской академии наук. Ф.1609. Оп.2.
2. Андреев А.Н. Католицизм и общество в России XVIII в. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. 393 с.
3. Андреева Т.В., Соломонов В.А. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941. Саратов: Научная книга, 2006. 376 с.
4. Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Русско-австрийские культурные связи в XVIII–XXI вв. СПб.: СПбКО, 2010. 408 с.
5. Вагеманс Э. Царь в Республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717). СПб.: Европейский Дом, 2013. 256 с.
6. Галчева Т.Н., Ковалев М.В. «...Чтобы сохранить, собрать и (своевременно) передать будущему». Переписка А.П.Мещерского с А.В.Флоровским (1956–1967) // Славянский альманах. 2014. Кн.1–2. С.84–99.
7. Давидсон А.Б. Я вас люблю: Страницы жизни. М.: МИК, 2008. 336 с.
8. Жуков Е.М. Научная проблематика и принципы издания «Всемирной истории» (К выходу 1-го тома) // Вестник АН СССР. 1956. Т.26. №5. С.38–42.
9. Ковалев М.В. А.В.Флоровский и его немецкие корреспонденты // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога / Под ред. М.В.Ковалева и И.Р.Плеве. Саратов: СГТУ им. Ю.А.Гагарина, 2015. С.136–183.
10. Ковалев М.В., Лаптева Т.Н. «В Москве я был последний раз ровно 50 лет назад...» Из переписки А.В.Флоровского с советскими историками В.Т.Пашуто, А.А.Зиминим и Е.П.Подъяпольской // Исторический архив. 2014. №4. С.66–87.
11. Колеватов Д.М., Мамонтова М.А. Начало «холодной войны». Поворот к изоляционизму в науке // Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. М.: РОССПЭН, 2011. С.66–89.
12. Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII в. о Петре I. Саратов: Изд-во СГУ, 2003. 232 с.
13. Мезин С.А. Петр I во Франции. СПб.: Европейский Дом, 2015. 321 с.
14. Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М.: Квадрига; Объединенная ред. МВД России, 2010. 408 с.
15. Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992. 400 с.
16. Петрова М.А. Екатерина II и Иосиф II: формирование российско-австрийского союза. 1780–1790. М.: Наука, 2011. 420 с.
17. Письма и бумаги императора Петра Великого. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т.11. Вып.1. 608 с.; 1964. Т.11. Вып.2. 744 с.

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ

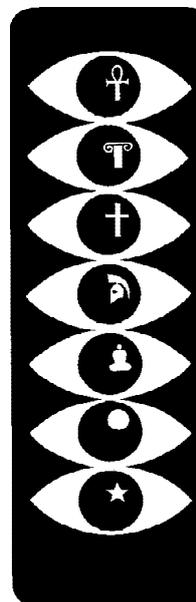
18. Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина, 1707–1709. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 216 с.
19. Фейгина С.А. Аландский конгресс. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 548 с.
20. Флоровский А.В. Из истории торговой политики Петра Великого (отзвуки распоряжений 1714 г. в Средней Европе) // Pražská universita Moskevské universitě: sborník k výročí 1755–1955 / Uspoř. J.Dolanský, R.N.Foustka. Praha: SPN, 1955. S.74–93.
21. Флоровский А.В. От Полтавы до Прута: из истории русско-австрийских отношений в 1709–1711 гг. Прага: Karlova Universita v Praze, Acta Universitatis Carolinae. Philosophica et Historica. Monographia, 1971. 140 с.
22. Флоровский А.В. Петр Великий и Эфиопия. Историческая справка // Orbis Scriptus. Festschrift für Dmitrij Tschizewskij zum 70 Geburtstag / Hrsg. D.Gerhardt, W.Weintraub, H.-J. zum Winkel. München: Wilhelm Fink Verlag, 1966. S.211–220.
23. Флоровский А.В. Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. Прага: Karlova Universita v Praze, Acta Universitatis Carolinae, Historica; sv. 2, 1955. 42 с.
24. Штеллнер Ф. Династическая политика Австрийской, Прусской и Российской монархий в XVIII веке: сравнительно-исторический анализ // Россия XXI. 2012. №4. С.82–109.
25. Эрикссон П. Шведские историки о Карле XII в Великой Северной войне // Новая и новейшая история. 2009. №4. С.8–27.
26. SKP. Krab.III. Korespondence. №51. Fejgina, Sof'ja Aronovna, Moskva.
27. SKP. Krab.IV. Korespondence. №62. Gerhardt, Dietrich, Hamburg.
28. SKP. Krab.VII. Korespondence. №192. Novosel'skij, Aleksej Andrejevič, Moskva.
29. SKP. Krab.VIII. Korespondence. №210. Pod'ypol'skaja, Jelena Petrovna.
30. Jelenew N. Peter der Große und Johann Kupetzky // Записки Русского научно-исследовательского объединения при Русском свободном ун-те в Праге. 1942. Т.16. №85–86. С.227–285.
31. Literae procerum Europae, ab imperatoribus, electoribus, principibus, statibusque Sacri Imperii Romano-Germanici, ad reges, principes, republ. liberas, et vice versa...: ab anno 1552 usque ad annum 1712 / Hrsg. J.C.Lünig. Lipsiae: Gleditsch, 1712. Pars.I. 1072 p.; Pars.II. 1056 p.; Pars.III. 1120 p.
32. Stellner F. Rusko a střední Evropa v 18. století. Praha: Nakladatelství SETOUTBOOKS.CZ, s.r.o., 2009. I. Díl. 332 s.; 2012. II. Díl. 272 s.
33. Tengberg E. Fran Poltava till Bender: en studie i Karl XII: s turkiska politik, 1709–1713. Lund: C.W.K. Gleerup, 1953. 308 s.

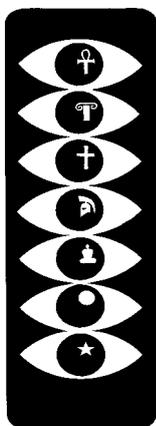
**Конфликт и его преодоление —
это фундаментальные элементы
творчества.**

Мелани Кляйн

Люди, хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, — что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать.

Фридрих Энгельс

Владимир Дегоев

**ДИПЛОМАТИЯ ПЕТРА I
НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ
ЭТАПЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ
ВОЙНЫ 1686–1700 ГОДОВ¹**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(47)05

В заключительной части статьи описываются события последних десяти дней (6–16 января 1699 г.) работы Карловицкого конгресса и подводятся его неоднозначные итоги для России. Как ни странно, этот короткий период, когда, казалось, дело близилось к благополучной развязке, был исполнен драматического напряжения, чревато тем, чем угодно. Снял это состояние Прокопий Возницын. 13 января он согласился подписать русско-турецкое перемирие, чем предрешил более или менее успешное завершение конгресса.

In the conclusive part of the article the author concentrates on the dramatic events which happened during the last ten days of the Karlowitz congress (from the 6-th to 16-th of January 1699). Strange as it may seem this short span of time was charged by tremendous tensions fraught with the failure of the Congress. Quite unexpectedly help came from Procopius Voznitsin who, pressured by the circumstances, chose to give up the role of troublemaker for that of troubleshooter.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1686–1700 гг.; Священная лига (1684–1699); Карловицкий конгресс; Петр I; П.Б.Возницын; П.В.Посников; А.Маврокордато; Рами Мехмед-паша; Вильям Пэджет; Якоб Кольер.

Key words: Russo-Turkish War of 1686–1700; Holy League (1684–1699); the Congress of Karlowitz; Peter the Great; Procopius Voznitsin; Peter Posnikov; Alexander Mavrocordato; Rami Mehmed-pasha; William Paget; Jacobus Colier.

E-mail: degoev2013@yandex.ru

¹ Окончание. Начало см.: *Россия XXI*. 2016. №1, 2, 3, 4, 5.

VI. Развязка

С момента назначения турками срока подписания всех договоров с союзниками (16 января) дипломатическая работа в Карловице приобрела черты броуновского движения. Послы беспрестанно ездили друг к другу, обменивались разноречивой информацией, одни – думая о том, как уладить спорные проблемы до урочного времени, другие – наблюдая, что из этого получится, не возражая, если не получится ничего.

К числу последних принадлежал Возницын. Трудно сказать, кто имел больше шансов: те, кто вольно или невольно работал на срыв конгресса (Рудзини, скорее по расчету, Малаховский, скорее по глупости) или те, кто лез из кожи вон, чтобы он завершился хотя бы внешне благопристойно. Чаша весов, как и прежде, находилась в неустойчивом равновесии. Это было равновесие между способностью людей создавать обстоятельства усилием ума, воли, духа и неумолимой необходимостью покоряться неизбежному, от тебя не зависящему. Вычислить величину такого баланса математически невозможно, но историки все равно грешат этим занятием. Точнее говоря, они оставили в литературе почти хрестоматийный образ конгресса, более или менее плавно движущегося к своему предрешенному финалу. Между тем, как свидетельствуют документы, плавности, последовательности, безальтернативной поступательности в Карловице не было.

Возницын, видя это, зорко следил за тем, как будет складываться соотношение противоборствующих тенденций в условиях быстро приближающегося цейтнота. Продолжая открыто протестовать против попыток официально оформить несправедливые итоги войны, он не мог столь же откровенно препятствовать там, где намечалась возможность сближения позиций и достижение компромиссов². Визит Эттингена и Шлика заставлял Прокопия Богдановича соблюдать особую осторожность, чтобы не навлечь на себя обвинение в новом разжигании войны, с такими трудами и жертвами законченной.

И боялся он не столько репутационных потерь в глазах своих европейских коллег (хотя и этого тоже), сколько реакции царя. Предсказать ее не взялся бы никто. Между поздравительными объятиями Петра и его тяжелой плетью зазор порой был небольшой. Похоже, государь не мог сам себе толком отдать отчет, чего именно он хочет от Карловицкого конгресса. В такой ситуации возвращаться в Москву в ореоле сомнительной славы

² Представим себе на секунду, как бы действовал Возницын, будь у него на руках царский наказ сделать все для возобновления войны.

дипломата, поссорившего Россию с Европой ради продолжения войны с Турцией, было рискованно. Другой, возможно, рискнул бы, зная о колоссальных военно-морских приготовлениях Петра на юге. Но мудрый Возницын не стал этого делать, потому что догадывался о вероятности переориентации стратегических устремлений царя на север.

В оставшиеся до 16 января дни Прокопий Богданович со всем тщанием и артистизмом играл перед цесарцами роль посредника и миротворца, озабоченного пристойным завершением конгресса. Он уже не позволял себе чрезмерной откровенности с Рудзини, которую тот при случае использовал в своих интересах. Как стало известно, в спорах с австрийцами венецианец не стеснялся спекулировать мнением Возницына, высказанным в конфиденциальном порядке. Рудзини искал встреч с русским послом в надежде, что тот употребит весь свой набранный за это время политический вес для защиты интересов Венеции.

Визит Рудзини в русское посольство 6 января имел некоторое сходство с представлением доклада начальнику. Он подробно сообщил Возницыну о новых уступках туркам, которые на них не прореагировали. О попытках цесарцев построить на этих уступках компромиссную схему. О своем подозрении, что Порты мира не хочет. И о своей готовности извещать Возницына обо всем, что он узнает [2, с.435, 444–445].

Прокопий Богданович понимал: как бы правдоподобно и искренне ни звучали слова Рудзини, верить ему до конца нельзя. Строго говоря, Рудзини не врал, а дотошно растолковывал свой, венецианский, взгляд на вещи. Вести себя иначе он просто не мог. Поэтому Возницыну, возможно, едва ли стоило облекать в форму упрека замечание, что австрийцы говорят совсем другое. Они и обязаны были говорить другое, чтобы усилить давление на Рудзини.

Другое дело, когда русский посол с обидой в голосе напоминает, что «он в таковой же тягостной беде пребывал и пребывает», но никого это не волнует, ибо каждый решает свои проблемы, вместо того чтобы воспринять его призыв к совместным действиям. Сколько раз просил он цесарцев, поляка и его, Рудзини, солидарно ответить на упрямство Порты подписанием не мира, а armistice, который развяжет союзникам руки и станет для турок дамкловым мечом. «Но все отказали и малой помощи не сотворили», – сетовал Возницын. При таком раскладе Россия тоже имеет право подумать о себе и договориться с турками отдельно [2, с.436, 445–446].

Услышав это, Рудзини бросился умолять великого и полномочного посла выпросить у Порты еще четыре дня для ответа на их требования: к 16 января инструкция из Венеции явно не успеет. Возницын согласился

помочь. «В чем могу служить, не отрицаюсь». Далее разговор зашел о польских делах. Оказалось, Малаховский ездил к туркам поднимать тему крымских набегов, предложив включить ее в общий договор, то есть сделав союзников гарантами обеспечения безопасности Польши с юга. Реакция выразилась приблизительно в таких словах: «это твои проблемы, и не перекадывай их на чужие плечи». По мнению Рудзини, поляк по сути был выставлен за дверь [2, с.437, 446–447].

Мимолетный призрак русско-венецианского союза

В эти самые критические дни конгресса любопытно проследить за ходом мыслей Возницына и его планами. При безусловном наличии собственных взглядов на внешнеполитические

задачи России, в тот момент, в гораздо большей степени, чем раньше, все было подчинено попытке *угадать*, какие именно результаты конгресса предпочитает Петр. Его долгое молчание озадачивало Прокопия Богдановича. Проще всего было бы истолковать это как нежелание государя что-либо менять в его «десяти пунктах», составленных еще в Вене. Отсутствие запасного варианта договора, на случай если «программа-максимум» не пройдет (а вероятность, что она пройдет, была мизерна), логически означало лишь одно: царь готов воевать и дальше. Желательно в союзе с Венецией или в составе более широкой коалиции. Стало быть, Возницыну следовало держаться этого курса. Если данное предположение верно, то послу оставался единственный выбор – сосредоточиться на подготовке военного союза с Венецией, мощный флот которой мог создать туркам такие проблемы в Архипелаге, что они забудут про Черное море.

Однако кто бы взялся поручиться, что Петр думал именно так? Что его не терзают мучительные раздумья о других, быть может, более выигрышных для России геополитических ставках? Этому Возницын, судя по всему, не исключал, какая бы армада кораблей ни строилась в Воронеже для совершенно определенных целей. До сих пор не ясно, случайно или осознанно Возницын был оставлен Петром в полном одиночестве на распутье между перспективами, из которых одна была туманнее другой?

Не иначе как только догадками можно ответить на вопрос: одобрил бы государь идею военного союза с Венецией (то, что Петр испытывал огромный интерес к этой стране, мало что значит в данном случае). Но, даже если бы Прокопий Богданович получил прямое указание заключить такой союз, как это сделать в условиях Карловица? Зондируя почву в данном деле, он однажды (как мы уже писали) зашел довольно далеко – дальше, чем позволяли его полномочия. Тогда Рудзини промолчал. Хотя во второй

раз (6 января) Возницын, вероятно, счел неприличным откровенно навязываться в союзники. Весь ход беседы с венецианцем он выстроил так, чтобы предельно точно выяснить, чего тот хочет реально, и намекнуть (не вдаваясь в конкретику), что отвергнутый Австрией и Польшей армистициум с турками может оказаться актуальным для развития русско-венецианского партнерства. Формула «ни войны, ни мира» рассматривалась Возницыным как пролог к союзу между двумя странами.

Вопрос заключался в том, каких инструкций ждет Рудзини из Венеции и какими они будут в действительности. Этим, однако, проблема, не исчерпывалась. Делать ставку на ответ венецианского правительства было очень рискованно. Не известно, что и когда решат в Венеции. Какое бы предписание ни получил Рудзини, оно не гарантировало ни возобновления войны, ни перемирия. При таких обстоятельствах стоило ли Возницыну ждать? Кто сказал, что разрыв с Портой или армистициум венецианцы непременно захотят использовать для заключения военного союза с Россией? Ведь никаких экивоков на эту тему Рудзини себе не позволил.

Одним словом, потенциальные выгоды от выжидательной позиции Прокопия Богдановича стремительно превращались в гипотетические. Нетерпение союзников росло. В любой момент могло прийти известие о достижении реального австро-османского компромисса, после чего практически уже ничто не способно было помешать подписанию мирного договора. Время стало работать против Возницына, которому вовсе не хотелось оказаться жертвой собственного неверного расчета и попасть в глупое положение человека, ожидающего наступления вчерашнего дня.

Сразу после визита Рудзини (6 января) Возницын отправляет в Москву очередной подробный доклад о событиях за неделю. К тому, что читателю о них уже известно, следует добавить сообщение о новом бедствии, свалившемся на обитателей Карловица: «пришли такие пожары, аж страшно смотреть, и в самую близость со всех стран дошли, от которых, хотя не от огня, однако от пеплу и от смрадного воздуха, тягость терпим». Когда позволяла погода, участники конгресса скрашивали скучную повседневность кто как мог. Цесарцы давали банкеты в честь посредников (о приглашенных статейный список умалчивает). Другие дипломаты совершали конные прогулки по окрестностям, свободно заезжая в чужие станы, где никто никому не причинял «обид» [2, с.444, 447]. Стихийно сложилась некая вполне благожелательная среда обитания, во многом обусловленная общей профессией и общей усталостью от беспросветной работы. Однако за столами переговоров царила совсем иная атмосфера.

Когда в промедлении уже нет проку

О самых важных новостях Возницын не хотел узнавать последним. 8 января он побывал у цесарских послов, чтобы разведать об их главном предмете беспокойства (Рудзини), рассчитывая,

что он может стать для русской делегации главным предметом надежды. На устах Эттингена и Шлика было лишь одно имя – Рудзини, упрямство которого, по их словам, перешло все границы. Пытаясь остудить австрийцев, Прокопий Богданович уточнил, что венецианец не упрямствует, а добросовестно выполняет долг дипломата, защищая интересы своей страны: «что может, то уступает, а чего не мочно, как того уступить?» И добавил: Рудзини «союзник их (участников конгресса. – *В.Д.*), не надобно его покидать» [2, с.449, 455].

Но цесарцы только распаялись. «Они для него в войне быть не хотят». Уж как только его ни обхаживали. Убеждать Рудзини – словно «каменья носить... ни день, ни ночь покою им нет в его деле». Австрийцы заявили, что их терпенье иссякло. 16 января они подпишут с турками договор, а венец пусть что хочет, то и делает [2, с.448–449, 455]. Что это было предупреждение не только в адрес Рудзини, стало ясно, когда Эттинген и Шлик «по приятству» посоветовали Возницыну не медлить с завершением своих дел.

Наступило 9 января. Рудзини приехал в русское посольство и рассказал, что турки не только не смягчили свои требования, но еще сильнее ужесточили их. Настолько нарочито, что союзники обязаны встать на его защиту. Возницын выразил свое сочувствие Рудзини и пообещал поддерживать его до последней возможности. Но при этом призвал венецианца смотреть правде в глаза. Несмотря на все усилия России Священная лига распалась окончательно, что подтверждают цесарцы своим обещанием: никого не дожидаясь, подписать мир в назначенный срок – 16 января.

Объявив о своем намерении держаться до последнего, Возницын рассчитывал услышать в ответ нечто вразумительное и ободряющее для России. Вместо этого Рудзини с наивной убежденностью сказал, что теперь, после новых претензий Порты, цесарцы не решатся позорить себя подписанием мира на фоне беспрецедентного унижения своего союзника. Затем последовала обращенная к Прокопию Богдановичу мольба не бросать его в беде. Русский посол готов был «вспомогать» Рудзини в пределах своих полномочий, но для этого ему требовалось знать план действий венецианца. А такого плана не было. Был растерянный Рудзини, тешивший себя непозволительными для политического реалиста иллюзиями. Возницын сделал попытку избавить его от них, предложив подписать армистициум.

«...Если в войне остаться не смеешь», – многозначительно добавил он. Прозвучавшие из уст Рудзини слова «лучше война, чем позор», были лишь эмоциональным всплеском, повисшим в воздухе без всякого дальнейшего разъяснения, которого, вероятно, ждал Возницын. Он сообщал в Посольский приказ: «Венет как угорелый бросается ко всем к нам (союзникам. – *В.Д.*), просит помощи. Я говорю: как тебе мириться, – чего войною не потеряли, то миром потерять хочешь; советую ему, чтоб взял на год армистициум, будет ему так (если. – *В.Д.*) в войне остаться не возможно». Возницын еще раз убедился, что каждый из участников конгресса думал только о себе. Ему ничего не оставалось как последовать их примеру. Как бы в подтверждение разумности такого решения в тот же день Возницыну доставили от Маврокордато сообщение, что турки готовятся к скорому отъезду и уже послали в Белград за подводами [2, с.450–451, 455–457, 460].

Торопил Прокопия Богдановича не только великий драгоман. 10 числа к русскому послу прибыл секретарь Пэджета, который «по-дружески» советовал поскорее подписать находящийся у посредников русско-турецкий договор о перемирии. В противном случае он может «из силы своей выйти». Ведь эти турецкие «варвары» – народ мнительный: если померещится какой подвох, «то все бросят» [2, с.451, 457].

В Возницыне чувство стремительно приближавшейся развязки усиливалось. Однако он предпочитал полагаться не на чувства, а на точные сведения, чтобы окончательно определить для себя, что именно он привезет Петру с Карловицкого конгресса. 12 января Возницын, по просьбе Маврокордато, послал в турецкий стан Посникова, наказав ему прежде заехать к английскому послу. Петр Васильевич объяснил Пэджету, что России, в соответствии с взаимными обязательствами союзников по Священной лиге, нельзя подписывать армистицию с турками «прежде иных». Когда «иные» приступят к этой процедуре, тогда и русский посол присоединится к ним. Пэджет, используя все свои приемы, включая запугивание, старался принудить Россию к незамедлительному подписанию, но Посников лишь вежливо выслушал его, дав понять, что все сказанное принял к сведению и передаст по назначению [2, с.451–452, 457].

Состоявшийся в тот же день разговор Посникова с Маврокордато, судя по всему, имел решающее значение. Русского дипломата в первую очередь интересовало, не является ли дата «16 января» шантажом с целью оказать давление на союзников. Маврокордато сказал «как искреннему другу», что вопрос о подписании австро-турецкого договора точно в этот день решен бесповоротно. За поляком дело тоже не станет. Венета ждать не будут и оставят ему свободу действий. Маврокордато предупредил, что «завтра, 13 января», состоится конференция с участием турецкой, царской и

польской делегаций, где будут уточняться процедурные детали. Великий драгоман пообещал сообщить о результатах без промедления. Затем Посников прошел в покои Рами Мехмед-паши и преподнес ему в подарок два пистолета «работы изрядной», от которых рейс-эфенди пришел в полный восторг, признавшись, что никогда не видал такой красоты [2, с.452–453, 457–459].

На следующий день, после той самой конференции, Маврокордато информировал Посникова о результатах. Австрийцы и поляки официально подтвердили друг перед другом свою готовность заключить с Портой мир. Чтобы соблюсти внешние приличия, для Рудзини придумали шитую белыми нитками формулу: венецианская проблема на время откладывается, поскольку предстоит уладить некоторые спорные моменты, но уже после конгресса. На вопрос Посникова, когда турецкая делегация думает покинуть Карловиц, Маврокордато ответил: 18 января [2, с.453, 459, 463].

Тринадцатого же числа к Возницыну принесся секретарь Пэджета сказать ему «по секрету», что если русский посол не подпишет перемирие раньше цесарцев, то поставит себя в унижительное положение, ибо тогда, согласно протокольным правилам, ему придется испрашивать разрешение у всех, кто уже помирился с Портой. Говорил ли англичанин правду, или просто «пужал», как осторожно предполагал Возницын, – эти слова не остались без внимания [2, с.453, 459].

В тот день Возницын отправил в Москву один из самых подробных докладов, приложив к нему все имевшиеся в его распоряжении документы конгресса. Заметно, что этот доклад он писал в приподнятом настроении, поскольку накануне получил от нового главы Посольского приказа Федора Алексеевича Головина долгожданное известие: Петр соизволил одобрить действия своего посла. Отчет на этот раз начинался с уверенной констатации: «Здесьнее дело приходит к окончанию», однако некоторые вопросы остаются вилами по воде писанными. Последовательное изложение фактов сопровождалось комментариями Возницына. Они были исполнены сожаления по поводу того, что цесарцев только бес мог подбить на заключение мира с турками и на презрение со стороны цесарцев «его (Возницына. – *В.Д.*) прошения к продолжению войны» [2, с.454, 459–461].

Многоречивость Прокопия Богдановича имела свою цель. Надо было как можно достовернее передать всю атмосферу конгресса, дать почувствовать своим московским коллегам, а главное государю, каково это находиться в постоянном нервном напряжении, в полной готовности к любому обороту дел, в ежедневном поиске средств к защите интересов России от вольного или невольного посягательства на них со стороны как поднатюрших в интригах союзных дипломатов, так и несговорчивых турок. Воз-

ницын подводил своих адресатов к мысли, что, при всем его изрядном тщании, многие обстоятельства, оказавшись сильнее его, заставляют покориться им.

Доклад заканчивался собственноручной припиской Возницына, не оставляющей сомнения, что документ был обращен прежде всего к царю в надежде на его понимание и снисходительность: «Милостивый государь, отец Петр Алексеевич! Помилуй, не оставь убогого раба своего во всякой своей милости; ей-ей больше мне того делать невозможно было, боюся всякого гнева. Только уж в сем упование мое бог видит, сколько труд свой полагал. Пронька, раб твой, челом бью» [1, с.424].

13 января 1699 года

Одним из кульминационных моментов за все время тяжелой работы Возницына на конгрессе стало 13 января 1699 года. В этот день, проанализировав сложившееся соотношение сил, открыто выступавших за худой мир, и тех, кто был против прекращения войны, тем более любой ценой, Прокопий Богданович круто меняет свой курс. Придя к выводу, что надежды на перелом ситуации в пользу солидарной антиавстрийской политики воинствующего эгоизма рухнули, он внезапно объявляет о своем намерении подписать перемирие с турками утром следующего дня, 14 января.

Демарш Возницына был встречен в целом одобрительно. Посредники, к которым посол обратился в первую очередь, сказали, что надо уведомить цесарцев. Эттингена и Шлика он застал врасплох. Обрадовавшись самому факту устранения серьезного препятствия к миру, они предложили подписать договоры с турками всем вместе в уже назначенный день (16 января). Однако, чтобы не спугнуть настаивавшего на своем строптивого москвитя, возражать не стали. Разве что попытались соблазнить его пышным банкетом в честь завершения конгресса. Соблазнить тем, чего Возницын как раз и хотел избежать, поскольку даже веселье там предполагалось по протоколу, включающему церемониальные элементы, унижительные для русского посла. Турки «зело то хвалили», приговаривая, что именно так и должен поступать великий и полномочный посол «вольного и самодержавного государя». С венецианским послом Возницын прибег к маленькой хитрости, полагая себя вправе позволить себе это в отношении дипломата, так и не откликнувшегося на прозрачные приглашения России к союзу, а только клянчившего у нее бескорыстную помощь во имя «справедливости», то есть во имя интересов Венеции. Прокопий Богданович дал понять, что считает себя свободным от всяких обязательств после того, как узнал,

что Рудзини в принципе тоже готов договориться с турками. И это было не так уж далеко от истины. Трудно сказать, каким образом все эти события уместились в один день, но последнее из них произошло, скорее всего, на его закате. Возницын попросил цесарцев позаботиться об организационных деталях, связанных с актом подписания, который был назначен на 10 часов утра 14 января [2, с.463–465, 483].

Исторические документы не делают тайны из причин, по которым Возницын за три дня до наступления 16 января срочно принял решение первым из союзников подписать с турками договор о перемирии, тогда как раньше собирался сделать это последним. Согласно итальянским источникам, «это он сделал прежде всех других из страха, как бы не остаться последним, и потому, что он не хотел ни находиться вместе с поляком в таком деле, ни делать его после него» [4, с.707–708].

В целом такое же объяснение дает своему поступку и сам Возницын. «По многим поведениям, – писал он, – увидено, что у цесарцев и прочих мирные с турками договоры к окончанию приходят, и хотят подлинно подписаться 16 января, мыслено как бы лучше в том поступить. А то проведано, что цесарцы, подписав с турецкими послами, будут есть у посредника английского посла, и на том же обеде будут турецкие, польский и венецианский послы; и первое, что будет ехать на съезд перед цесарцы, второе, там в заседании и в подписании договоров, так же и в столе – в местах и во здоровьях, без пренья б не было, и еще при таком случае до чего б дурного не пришло, постановил у себя, что подписать свой договор преж их в субботу, то есть января в 14 день ...еще и для того на то поступлено, что цесарцы и поляк, оставя прочих, учинили довольный мир и будут тому радоваться и триумфовать, а мне на чужой свадьбе тут же плясать показалось не пристойно» [2, с.483].

Нельзя отрицать и влияния на Возницына иезуитского подтекста уведомления Пэджета о том, что в случае продолжения политики проволочек русскому послу придется подвергнуть свою державную гордость тяжело-му испытанию. Одна лишь мысль о том, что, согласно протоколу конгресса, ему придется чело-м бить перед каким-то шляхтичем, испрашивая его соизволения на подписание русско-турецкого armistice, была для него совершенно нестерпима.

Как известно, церемониальные вопросы в дипломатии в те времена играли исключительную роль. Что нам сегодня кажется забавными деталями, таковым тогда вовсе не являлось, поскольку касалось чести, достоинства государей и государств, их места в европейской табели о рангах и других важных вещей. Легко было предвидеть, что при коллективном подписании неизбежны проблемы: кому за кем ставить свою подпись,

кому где сидеть, кому когда говорить тосты и т.д. и т.п. Во всем таились смыслы, символы, каверзы, которые не всегда удавалось оправдать заведенными протокольными нормами. На таких ярмарках державного тщеславия порой аккумулировалась межличностная неприязнь, выливаясь в опасные конфликты и скандалы.

Вероятность стычки между Возницыным и Малаховским, наподобие той, что случилась сразу по приезде в Карловиц при выборе места для посольских резиденций, была высока. По мнению академика М.М.Богословского, это могло бы привести к «срыву дела», чего и опасался Прокопий Богданович [1, с.425]. Тут, как нам представляется, надо бы прояснить один «нюанс». «Срыв дела», за которым последует продолжение коалиционной войны, как раз таки устраивал царского посла. Если бы такой сценарий был гарантирован 16 января, то Возницын, возможно, не стал бы опережать союзников. Но «срыв» в виде так и не подписанного перемирия с турками создал бы русскому представителю репутацию саботажника и бретера от дипломатии. С этим можно было бы смириться, если бы такой ценой удалось обеспечить продолжение войны. Но кто мог поручиться за готовность хотя бы одного из союзников воевать вместе с Россией против Османской империи? И, наконец, самое важное. Петру едва ли понравилось бы, что его посланец вернулся с первого европейского конгресса, куда пригласили Россию, фактически ни с чем, лишь подтвердив ее цивилизационную незрелость.

Окончание конгресса

14 января. 10 часов утра. Картина, представшая перед взором жителей Карловица, знаменовала первый крупный акт в истории петровской дипломатии. Русский посол ехал за-

ключать договор с Османской империей не где-нибудь в Бахчисарае, а в центре Европы, как полномочный представитель государства, приглашенного в Священную лигу для участия в общеевропейском деле.

Под стать событию было и его церемониальное оформление. Документальное описание этой пышной процессии лучше любого пересказа. «Сперва ехал калмык в нарочитом платье, в саадаке оправном и на лошади уборной; за ним шла корета о 6 возниках, в ней сидели переводчики; за тою другая корета о 6 возниках, в ней сидели поп да Посольского приказу подьячий; за нею ехало 3 человека трубачев, в левреях серебряных, с трубами серебряными, и трубили; за ними ехали подьячих 3 человека в одноцветных добрых кафтанах и шапках; за ними ехали 3 человека дворян, особого одного ж цвету платье и шапки; потом вместо лакеев шли

6 человек русских юнош в алых суконных кафтанах и в лазоревых шапках; за теми ехал конюшей, за ним конюх вел посольского аргамака в полном уборе; за тем ехал великий и полномочный посол в государеве золотой средней корете о 6 возниках, против его сидел дохтур и секретарь посольства Петр Посников, – на возниках была леврея серебряная, корета и возники и шоры покупки амстрадамской; по обе стороны кореты шло 4 человека гайдуков, в строевом платье с перья и серебряными обухи; позади кореты ехали пажы, и иные служители и челядь, за ними рота рейтар» [2, с.465–466].

В «съезде мест» Возницына и его свиту встретили Пэджет и Кольер. Расселись по скамьям и, в ожидании турок, завели отвлеченную беседу, «не касаясь государственных дел». В зале заседания было много людей из обслуживающего дипломатического штата. Вокруг здания собрались карловицкие жители, жаждавшие присутствовать при событии, которое прославит на весь мир их доселе безвестный захолустный городок.

Вскоре прибыла турецкая делегация. После короткого совещания с Пэджетом турки вошли в зал и, поприветствовав русских, заняли свои места.

Церемонию открыл английский посредник торжественным оповещением: «По толиких многих трудах, при Божией помощи, восприяли между собою желаемое между обоих Великих Государей и государств их, утешное всему христианству в делах окончание и совершение». Последовавшее затем главное действие статейный список описывает с отменной дотошностью, не пренебрегая даже подробностями, уместными скорее для мизансцены в кинокадре, чем для официального документа. Где стоял стол, на котором находились договорные бумаги. На каких языках они были составлены (русском, турецком, латинском). Кто в чьи руки передавал их для сличения переводов («прилежного высматривания»). Каким порядком и между кем происходил обмен этими документами. Как выглядели чернильные приборы у каждой из делегаций [2, с.466–467].

Неожиданно турки попросили, чтобы «для такого высокого дела повелели отворить со всех сторон все четыре двери и пустили всех в ту светлицу, дабы всяк видел то настоящее между обоих Великих Государей мирное дело. И по согласию велели отворить все двери и пустить всех народов людей; и потому его (рейс-эфенди. – *В.Д.*) посольские всякого чину люди вошли с его стороны и стали за ним, турских множество вошло с их стороны и стали за ними, аглинские с его (Пэджета. – *В.Д.*) стороны, галанские с его (Кольера. – *В.Д.*) стороны; и все стояли в глубоком молчании и тишости» [2, с.467].

Потом состоялось подписание, исполненное некоей величавой неспешности. По завершении этой процедуры Маврокордато предложил произвести размен уже готовыми, скрепленными сургучовыми печатями договорами через руки посредников. Великий драгоман имел причины выразить таким способом благодарность за оказанную туркам поддержку, вопиющим образом выходящую за рамки беспристрастных посреднических услуг. У Возницына же ни малейших причин оказывать им такую честь не было. Но он, соблюдая приличия, не возражал.

Пэджет и Кольер учтиво отклонили это предложение. Они слишком хорошо знали, чем им «обязана» Россия, и не желали попадать в конфузную ситуацию. Дело было именно в этом, а не в проснувшейся в них совести, как полагал Прокопий Богданович. Кроме того, у англичанина и голландца была формальная отговорка для отказа: Петр не признавал их посредничества. Судя по всему, никто из присутствующих этой заминкой не огорчился.

«Рейз-Эфенди, встав, поднес ему великому и полномочному послу на обеих руках свои договорные письма, и великий полномочный посол взаимно так же учинил, стоя все. И говорил великий и полномочный посол речь, благодарения воздая всеильному Богу, что благоволил обоим нашим великих Монархов привести в добрую дружбу и любовь, так же и их господ полномочных послов сим миром поздравляет и желает, дабы труды их от Монарха их были за благо восприняты. Рейз-Эфенди потомуж ему благоприветствовал. А потом великий посол благодарил господам посредникам, что их трудами они к совершению дела пришли, что не токмо у Великих Государей наших за благо воспринято, но и всему свету славно будет. Потом Рейз-Эфенди простер речь, что сам он великий и полномочный посол видел, какую они (посредники. – *В.Д.*) склонность к Его Царскому Величеству имели, и как с ним поступали; и то все чинили не для иного чего, токмо для вящего утверждения обоим Великих Государей наших дружбы и любви; и чтоб как будет он великий и полномочный посол у Великого Государя, у Его Царского Величества, о том о всем и склонность их донес... И великий и полномочный посол (Возницын. – *В.Д.*) так же, довольствующая и хваля приятство их, обещался то учинить» [2, с.467–469].

Последняя фраза – единственное, что сообщается о благодарственных словах Возницына в адрес посредников. После почти стенографического пересказа речи Рами Мехмед-паши кажется странной завеса умолчания над тем, что добавил к этому славословию Возницын. Но лишь на первый взгляд. Едва ли мы ошибемся, предположив, каких усилий над собой стоило русскому послу вынужденное церемониальное лицедейство. Насколько легче было бы ему «поблагодарить» Пэджета и Кольера за безус-

ловно искусную работу по ограждению австро-турецких переговоров от какого-либо вмешательства со стороны других полноправных участников конгресса. И за «честную маклерскую» поддержку Порты против России.

Вероятно, Прокопий Богданович утаил от Москвы содержание своей речи на всякий случай. И именно потому, что она была проникнута саркастическим подтекстом. Как знать, всем ли в Посольском приказе понравилось бы это: не для того ведь посылали царского уполномоченного на европейский конгресс, чтобы он в самый торжественный момент ехидствовал над высокопоставленными дипломатами Англии и Голландии, где еще совсем недавно Петру Алексеевичу были оказаны особые знаки гостеприимства.

Посредники, надо полагать, все поняли. Но придаться было не к чему. Прокопий Богданович давно уже научился соблюдать политес и надевать приличествующую моменту маску, страхуя себя от обвинений в неучтивости. Пэджету и Кольеру было намного проще сделать вид, будто они ничего не заметили. Не потрудившись над этим привычным для них театральным ухищрением, они поставили бы себя в смешное положение. Отсутствие ответных речей со стороны посредников склоняет нас к предположению, что Возницыну удалось донести до них свою оценку их деятельности.

Турок эти нюансы мало интересовали. Дело было сделано. Рами Мехмед-паша находился в приподнятом настроении. Все его внимание обратилось на Возницына, на груди которого он увидел оправленный в золото и алмазы кулон с изображением Петра. На вопрос рейс-эфенди, не образ ли это Его Царского Величества, посол ответил: «его Государя моего милостивого драгий клейнот (знак. – *В.Д.*) недостойный раб его ношу». Тогда Рами Мехмед-паша попросил кавалера этого знака отличия позволить взглянуть на столь изящное произведение ювелирного искусства. Оба благоговейно встали: один, – чтобы снять с себя этот символ близости к царю, другой, – чтобы «любительно дивиться благообразию и красоте» портрета.

На вопрос Рами Мехмед-паши, «коких лет» государь, Возницын ответил: «27-ми, и воин непобедимый». Рейс-эфенди сказал, что «о сем подлинно ведает», а теперь и вовсе убедился, что не лгали ему люди, восхвалявшие Петра. Вернул он наградной знак «с великой учтивостью». После чего великие и полномочные послы покинули зал заседания, «любительно простясь» [2, с.469–470].

Вопреки всем ожиданиям, первым итоговым актом, подписанным на Карловицком конгрессе, явился не австро-турецкий, а русско-турецкий договор. Это имело глубоко символическое значение. Внезапное объявле-

ние Возницына о его согласии заключить амнистицию без всякого промедления застало союзников и посредников врасплох. Русский посол поставил их перед необходимостью позволить ему выдвинуться на авансцену конгресса вопреки дипломатической иерархии, уступать вершину которой цесарцы никому не собирались. Здравый смысл возобладал над местническими соображениями. Очевидная решительность демарша Возницына убеждала в том, что отказ ему в желании открыть финальную часть конгресса может стоить всем очень дорого. После слабых попыток уговорить посла не нарушать установленный регламент и дожидаться 16 января цесарцы и посредники сочли за лучшее стерпеть это унижительное для них своеволие высокомерного москвитя.

Прокопий Богданович взял психологический реванш. Во-первых, за негласное отстранение его от процесса выработки ключевых решений, в том числе непосредственно затрагивавших интересы России. Во-вторых, за почти демонстративное пренебрежение к его запросам, возражениям, предложениям. В-третьих, за преднамеренное культивирование атмосферы, позволявшей туркам смело отвергать требования Возницына, не опасаясь вмешательства цесарцев и посредников.

На столь высоком собрании Россия настояла на праве говорить своим голосом и действовать в соответствии с собственными интересами. Возницын не оставлял без своих протестов те ситуации, когда союзники нарушали взаимные обязательства, принятые в рамках международных законов. В каком-то смысле публично-правовая история восточного вопроса в широком контексте русско-османских и русско-европейских отношений начинается с Карловицкого конгресса.

По окончании русско-турецкого съезда к Возницыну явился секретарь Пэджета с приглашением на обед, который дает английский посол 16 января в честь закрытия конгресса после подписания оставшихся документов. Петр Богданович, поблагодарив, сказал: «если здоровье его не изменится, не отрицается сего учинити» [2, с.475]. На самом деле он и не думал принимать участие в мероприятии, которое было хотя и заключительной, но все же частью конгресса. Значит, там обязательно возникнут церемониальные вопросы, чреватые, возможно, и скандалом. Встречаться с польским послом, а тем более (не исключено) занимать в застольной иерархии менее почетное место, чем Малаховский, ему совсем не хотелось. Равно как и не хотелось произносить здравицы в честь посредников и цесарцев за их «многотрудные дела» во имя только собственных интересов.

Эмоции эмоциями, а протокол протоколом. 14 января Возницын послал переводчика Петра Вульфа объявить Эттингену и Шлику об оконча-

нии дела, а на другой день (15 января) побывал у них сам, «благодарствуя за вся благая, ими показанная ему» [2, с.476]. Следом он сообщил о завершении своей миссии и намерении уехать в Петервардейн, а оттуда, вскоре, в Вену.

16 января состоялось подписание австро-турецкого и польско-турецкого договоров. Возницын отправил туда своих наблюдателей. Рудзини ничего не подписывал за отсутствием инструкций, так и не доставленных из Венеции. Сообщается, что он появился в зале заседания внезапно и сказал: «видит, что сей день торжественный и веселый, даст Бог и они (венецианцы. – *В.Д.*) такого ж дождутся как о миру договор учинят» [2, с.477]. Рейс-эфенди, озлобленный несносным (с его точки зрения) поведением Рудзини в Карловице, выместил на нем свои чувства, бросив фразу, смысл которой состоял приблизительно в следующем: уже учинен, и без Вашей помощи. Дело в том, что цесарцы, желая усилить впечатление о полном успехе конгресса, решились на весьма бесцеремонный шаг. Они от имени Венеции подписали с турками прелиминарный договор с условием, что в месячный срок она его подтвердит. Иными словами, с помощью Эттингена и Шлика в обход Рудзини османские требования, которые тот не принял, были навязаны Венецианской республике.

Эти события знаменовали окончание Карловицкого конгресса. Вечером последовал банкет в английской резиденции. Вместо Возницына явился переводчик Петр Вульф, которому велено было извиниться и сказать, что Прокопий Богданович «по премногу благодарен» за приглашение, но «за болезнию своею» прийти не смог, за что он просит на него «не подсадовать» [2, с.476].

Профессионалы после драки Между тем Возницын, превозмогая свои вполне понятные чувства к тем, кто фактически принес интересы России в жертву соображениям «высокой политики», продолжал демонстрировать хорошие манеры. Он был слишком умудренным дипломатом, чтобы, представляя молодую петровскую державу, опускаться до упреков и обид, когда все уже закончилось. И тем более хлопать дверью, как это сделал Малаховский, покинувший конгресс, ни с кем не попрощавшись.

Согласно статейному списку, 17 января «посылал великий и полномочный посол к цесарским и турским послам и к посредникам дохтура Петра Посникова да подьячего Михайла Родостамова с подарками, и велел им тем миром их поздравить и подарки отдать, которые тое его присылку возприяли любительно, и дохтура и подьячего подчивали и дарили; а что кому

каких подарков послано, и то записано подлинно в расходных книгах» [2, с.477].

За соблюдение протокольных приличий нужно отдать должное и царцам. Казалось, они хотели оправдаться за свое не всегда корректное поведение в отношении русского посла и восполнить дефицит внимания, который ему полагался и по статусу, и в ситуациях, когда его мнением пренебрегали в нарушение всех законов дипломатического этикета. 17 января Возницину нанес визит граф Шлик сообщить о договорах, подписанных накануне, и о том, как предполагается завершить венецианское дело. Он также уведомил Прокопия Богдановича, что отдал распоряжение о подготовке телег и волов для переезда русского посольства в Петервардейн в сопровождении охраны из 20 человек [2, с.477–478].

Почти весь день 18 января Возницин посвятил прощальным визитам к царцам, посредникам, туркам и венецианцам. Эттингена и Шлика он поздравил с миром и, объявив о своем отъезде, простился. Австрийцы ответили, что сами приедут к нему прощаться.

«Посредников благодарствовал за труды их, и посредники говорили, чтоб он об них к пользе надлежащее донес Великому Государю, Его Царскому Величеству, а они елико могли, тако служили, а прощаться хотели приехать сами» [2, с.478]. Оценить степень искренности этого во многом протокольного диалога довольно сложно. Сомнительно, чтобы Возницин изменил свое отношение к Пэджету, и, стало быть, в его учтивых словах, возможно, сохранилась доля иронии. Но у настоящего дипломата сквозь личные чувства, какими бы неприязненными они ни были, зачастую пробивается невольное уважение к тому, что уважения достойно, – к профессионализму собрата по профессии. Пэджет в Карловице блеснул этим качеством. Он работал на износ. В редких ситуациях его нервы не натягивались до предела. Несколько раз англичанин был убежден в невыполнимости своей миссии, сообщая в Лондон о большой вероятности провала конгресса. На какие только ухищрения ни шел, чтобы вывернуться из сплетения полухаотических обстоятельств, похожих на штопор.

Возницин – сам тонкий мастер маневра – умел отдавать должное подобному искусству, даже когда им владел его враг, как, в данном случае Пэджет, объективно и субъективно работавший против целевых установок русской делегации. Есть причины считать, что ответные слова Пэджета тоже были не просто данью этикету. За время конгресса он неожиданно открыл в каком-то безвестном для англичан москвитине опасного соперника, хорошо искушенного в многоходовых дипломатических играх, где видимость победы еще далеко не сама победа.

Как ни удивительно, самым пышным и торжественным образом Возницын простился с турками. Статейный список не поскупился на краски и детали для описания сего действия. «Турские послы, зная к себе приезд его великого и полномочного посла, ожидали его. Тогда он приехал в двух коретах, так же и верхи было человек 50; стояли к светлицам их янычары улицею человек 200, подпершись пищалями; у светлиц стояли турки офицеры, кругом многое число турок и греков. И как великий и полномочный посол приехал к рундуку (крыльцу. – *В.Д.*), и тут его великого и полномочного посла из кореты турки приняли под руки, а Рейз-Эфенди и Маврокордат встретили у кореты; и один посол пошел перед ним, а другой назади, и говорили, что у них так ведется, и того почитания выше нет. Потом пришли в светлицы и показали ему место на правой стороне сесть, положи вместо стула подушку большую, а сами на левой стороне, против него, сели на земли, и говорили сладкие любительные речи, все о согласии, дружбе и любви; а потом подали имбирь в патоке, которого по ложечке все вкусили, а потом кофе. Потом турки говорили, что приготовлен у них аргамак, которым хотят челом ударить ему великому и полномочному послу, чтоб он у них тот подарок принял любительно и изволил бы от них на нем поехать. И великий и полномочный посол им благодарствовал и говорил, чтоб они, если изволят, прислали со своим конюшим. Потом говорили, чтоб он лучшим людям велел войти в светлицу, а они велят своим войти же, чтоб видели все их любовь и приятное прощание. И тогда вступили с обоих сторон не малое число людей. И Рейз-Эфенди, приступя к нему великому и полномочному послу, и он к нему, обнимались и друг друга в плеча лобызали; так же и с Маврокордатом; и он проводил его даже до кореты. И как пришли к рундуку, и тут стоял аргамак сер с седлом бархатным, луки шитые, и с чепраком тканым у седла привязан троком, тесак, муштук и наперст серебряные золоченые. И Рейз-Эфенди с великим прошением говорил ему, что во образе великие дружбы тем аргамаком они ему челом бьют, и чтоб на том их аргамаке хотя едину сажень поехал. Тогда он, отговариваясь, видя прилежное прошение, учинил по их желанию; на том аргамаке, простясь, поехал и, отъехав за их стан, сел в корету» [2, с.478–480].

Приведенный эпизод позволим себе причислить к одной из загадочных страниц Карловицкого конгресса. Роскошные подарки, как тот, что был преподнесен Возницыну, готовятся загодя и предназначаются определенным лицам за реальные заслуги. Почему этим лицом оказался Прокопий Богданович, доставивший туркам массу хлопот, не сделавший им ни малейшей уступки, не взявший на себя никаких обязательств и сочувствовавший идее срыва конгресса? Почему не кто-то из австрийцев или тот же Пэджет, громадными усилиями которых удалось остановить войну?

Не в том ли здесь дело, что чутье помогло Порте вынести самый важный урок из Карловицкого конгресса: отныне восточный вопрос приобретает другие акценты, а русско-турецкие отношения – другое содержание и другие масштабы. Этот многозначительный сигнал был получен от Возницына, устами которого говорила новая, петровская Россия. В дипломатии, как известно, чувствуют друг друга не только друзья, но и соперники. И чем могущественнее соперник, тем выше честь иметь с ним дело. Объятия и подарки Рами Мехмед-паши не были знаком любви, они были знаком признания.

От турок Возницын поехал прощаться с Рудзини. Между ними состоялся знаменательный разговор. Венецианец не сдерживал своего гнева против Австрии, открыто предавшей своих союзников (Венецию и Россию) после стольких совместных ратных трудов «к пользе всего христианства». «Многие хроники о сем написаны будут», – предрекал он единодушную реакцию будущих историков на столь вопиющее беззаконие цесарцев. Рудзини поблагодарил Возницына за то, что тот держался до последнего, не желая подписывать амнистицию в надежде на изменение ситуации [2, с.480].

В ответ Прокопий Богданович тоже излил свою печаль по поводу двуличия австрийцев. Ведь последние, с одной стороны, подбивали Россию на продолжение войны с Турцией, а с другой, – устраивали тайные пересылки с Портой, завершившиеся отказом Вены от своих коалиционных обязательств и принуждением союзников к миру на условиях, выгодных лишь для Австрии.

Рудзини, посетовав, что ему горько расставаться с единомышленником и собратом по несчастью, сказал, что это еще не прощание: «прощаться будет сам к нему (Возницыну. – *В.Д.*)». При этом сообщил о своей готовности переправить русскому послу копии окончательного венецианско-турецкого соглашения, когда оно будет подписано [2, с.480–481].

На следующий день (19 января) Рудзини, приехав к Возницыну, услышал следующее: если у них (венецианцев) с турками дело «к мирному совершению не придет», русский царь хотел бы узнать об этом вовремя. Судя по данной просьбе, Возницын не исключал любого развития событий после Карловицкого конгресса, в том числе продолжения войны в союзе с Венецией. Потом в русское посольство прибыл представитель османской делегации объявить, что завтра поутру Рами Мехмед-паша и Маврокордато собираются нанести Возницыну прощальный визит. Прокопий Богданович ответил, что будет рад их видеть у себя [2, с.482]. На этот же день был запланирован приезд Эттингена, Шлика, а также Пэджета и Кольера.

**Русский посол в роли
главного героя**

Но к вечеру Возницын слег с тяжелой простудой. Физические и моральные испытания все же дали о себе знать. 20 января русский посол послал своих помощников к цесарцам, туркам и посредникам известить о своей болезни и просил их «не погневиться» за то, что он за недугом своим не может «принять и почтить их по достоинству». Австрийцев он, кроме того, просил прислать полагающиеся ему дипломатические документы и, видимо, в подтверждение своей болезни, дохтура.

Не только цесарцы, но и венецианцы, «уведав (о болезни. – *В.Д.*), присылали к великому и полномочному послу дворян своих и дохтуров, жалея о нем в приключившейся болезни его».

Но самой сочувственной была реакция турок. Сочувственной настолько, что ее лучше передать текстом статейного списка: «а турецкие... хотели отъехать в Белград в субботу, то есть в 21 день Генваря, а ныне де, слыша о болезни его, зело печалуют и будут ожидать здравия его; а не быв у него и не дождав надлежащей чести, хотя десять дней не отъедут». Этого им показалось мало. 20 января в русское посольство справиться о здоровье Прокопия Богдановича явились несколько знатных турок с подарками в виде пяти верблюдов, пяти мулов и двух специально обученных слуг для постоянного присмотра за животными. Посол поблагодарил пришедших и отпустил их с ответными подарками. 21 января, уже в Петервардейн, приезжал от цесарцев офицер справляться о здоровье и вручить кое-какие документы. Отпущен был с подарками и благодарностью [2, с.488–489, 509–510].

На следующий день «были у великого и полномочного посла в Петр-Варадыне посредники, аглицкий и галанский послы, и говорили, что они приехали взаимно честь ему великому послу отдать и проститься, и великий посол за приезд их благодарствовал. Потом говорили посредники, чтоб он великий посол услугу их, сколько они *по возможности своей* (здесь и ниже курсив мой. – *В.Д.*) к Великому Государю, к Его Царскому Величеству, могли показать ... *донести и иные к тому приятные слова*, и чают они, что та их служба у Его Царского Величества забвенна не будет. И великий и полномочный посол отвечал им во всем таким же ласковым комплементом, что он о всем Его Царскому Величеству донесет» [2, с.510].

Данный отрывок из статейного списка историк при желании может толковать лишь как формально-протокольный текст, обычный для прощальной церемонии и не заслуживающий особого внимания. Но что мешает взглянуть на него иначе? Почему бы не допустить, что сказанное

Пэджетом и Кольером не просто отрепетированный атрибут подобных визитов, а результат весьма длительного общения с Возницыным, заставившим их признать в нем профессионала, соответствующего высоким требованиям большой европейской политики. И заодно осознать, что «дремучая» Московия явно становится другой, коль скоро на международной арене ее начинают представлять дипломаты первоклассного уровня. Иначе с какой стати высокомерным посредникам, особенно англичанину, «опускаться» до желания понравиться русскому царю и, пусть в своеобразной форме, оправдаться перед Петром за то, что им, при всем их старании, не удалось добиться для России большего. Тут нужно не осуждать послов за вопиющее вранье, а искать ответ на вопрос, почему они принудили себя к этому унижительному для них занятию. Не потому ли, что они увидели перед собой достойного представителя великой державы, который умеет вести себя по-европейски, демонстрируя и хорошие манеры, и приемы сомнительного свойства, перенятые у тех же западных учителей. Лукаво подыграв посредникам «ласковым комплементом» при прощании, Прокопий Богданович еще раз убедил их в этом.

Всех, однако, опять перешеголяли турки, сдержавшие свое обещание ждать выздоровления Возницына и, лишь попрощавшись с ним лично, уехать в Белград. Чтобы представить себе картину их визита максимально достоверно, обратимся к «оригиналу», то есть к статейному списку, свидетельствовавшему, что и Прокопий Богданович по части гостеприимства не оплошал, тем самым показав, что может говорить на одном языке и с Европой, и с Востоком. «Генваря 23 были у великого и полномочного посла турецкие послы Рейз-Эфенди и Александр Маврокордат. Приезжали великим многолюдством и, приехав, говорили многие ласковые слова, что то они учинили, почитая честь Великого Государя, Его Царского Величества, и подвизая обоих Великих Государей к крепчайшей дружбе и любви. И великий и полномочный посол отвечал им благодарственно и тому ж склонное (в том же духе. – *В.Д.*), а потом великий и полномочный посол велел принести стол, накрыть ковром золотным, на нем, на двадцати и больши блюдах серебряных, сахаров разных нарядных и леденцов и конфетов. И турецкие послы, то видя, зело дивились. Потом великий посол потчивал росолисом (разновидность ликера. – *В.Д.*) и кафою и подал по чюбуку табаку; а в тое пору трубили на серебряных трубах и играли на разных инструментах государевы трубачи и музыканты в особом покою. Тогда Рейз-Эфенди говорил, что он от рождения такой музыки не слышал, и просил великого посла, чтоб он тем музыкантам велел выйти перед ним и играть, чтоб он их видел. И великий и полномочный посол музыкантам трем чело-векам трубачам немцам, велел войти и играть одному на басу, а двум на

скрыпичах, что слыша Рейз-Эфенди зело утешился и нот их и скрыпиц смотрел, а в тое пору пил табак. В тое ж пору агов (ага – титул знатного человека. – *В.Д.*) и иных дворян потчивали росолисом и кафою, и со стола многие блюда с сахаром им подали, – иные ели, а иные за пазухи клали; а в иных хоромах и во дворе всем их людям давали пить водку, ренское (рейнское. – *В.Д.*), которые были зело жадны, пили много, а иные просили есть, – и ели. А потом подали шербет, и Рейз-Эфенди и Маврокордат, приняв чашу, пили про здоровье Великого Государя, Его Царского Величества, а великий и полномочный посол взаимно пил про здоровье Государя их Салтанова Величества. И Рейз-Эфенди говорил великому послу, чтоб он на него не прогневился, что он у него так засиделся, – то он чинит яко у любезного своего друга, – и чтоб он еще велел поиграть музыкантам своим. И по довольном времени, при отъезде своем, турецкие послы говорили великому послу через дохтура Петра Посникова секретно, чтоб он восхотел писать к Великому Государю, дабы Его Царское Величество, во знак с его Салтановым Величеством дружбы, изволил не замотчав (не медля. – *В.Д.*) прислать о приятии сего перемирья его Салтанову Величеству свою Царского Величества грамоту чрез нарочного гонца, что де увидя его Салтаново Величество обрадуется и паче склонен будет к постоянной дружбе и любви. И великий и полномочный посол на то отвечал, что, по прошению их, о том Его Царскому Величеству донесет. И встав обнимались и целовались, и простясь поехали в колымаге своей к Петр-Варадынскому генералу и коменданту» [2, с.510–512].

Свидетелей этого пышного действия оказалось предостаточно. В Петервардейне тогда находились готовившиеся к отъезду многолюдные делегации цесарцев и венецианцев. «И все стояли и той церемонии смотрели». С какими чувствами – остается лишь догадываться. «Того ж числа (23 января. – *В.Д.*) по полудни приезжали к великому послу цесарские послы и, любительно простився, поехали паки к себе в стан» [2, с.512].

Трудно удержаться от впечатления, что последние дни работы Карловицкого конгресса, дни отдохновения от не вполне праведных трудов, были наполнены какой-то необычной атмосферой. Люди, которые провели несколько месяцев в жестоких спорах, склоках, интригах, наговорившие друг другу массу гадостей, порой не утруждаясь приправить их хотя бы деланными улыбками, как будто очнулись, вспомнив, что они не только враги или конкуренты, но еще и люди, интересные друг другу, способные даже на милосердные поступки, на проявление банального человеческого сострадания.

Эта сторона переговорных марафонов обычно остается за кадром, чаще по причине недостатка источников, так сказать, «интимного» происхож-

дения. А между тем без этих исторических свидетельств дипломатия лишается значительной части своего психологического, личностного колорита. Однако преувеличивать влияние этой атмосферы на ход государственных дел было бы ошибкой. Дипломаты могли испытывать взаимную симпатию, сколько угодно любезничать друг с другом, но свою миссию они ставили превыше всего. Это видно по донесениям Возницына к Петру и в Посольский приказ от 20 и 24 января. Не преминув поведать о, так сказать, «лирической» части прощальных визитов, которыми обменивались участники конгресса, Прокопий Богданович возвращается к размышлениям над вопросом: что делать России дальше?

Итоги конгресса глазами Возницына

Накануне отъезда из Карловиц предмет этих размышлений дополнился полученной из венских газет информацией о намерении царя требовать от шведского короля Нарвы и прочих

прибалтийских городов. Известие это встревожило Возницына, поскольку совершенно неясная ситуация в турецком вопросе непредсказуемо осложнялась еще и балтийской проблемой. Напрямую подвергать сомнению решение государя он не смел, но поделиться озабоченностью с Л.К.Нарышкиным считал своим долгом. При всей воспитанной многими годами службы осторожности в высказываниях, чувствовалось, что посол считал несвоевременным заниматься северными делами, не закончив южные. А закончить южные можно было либо превратив Карловицкое перемирие в длительный мир, либо продолжив турецкую войну. Возницын спешит оговориться, что он высоко ценит «монаршеское высокое тщание» вернуть неправдою отторгнутые шведами (в конце XVI – начале XVII в.) поморские территории, но идти на разрыв со Стокгольмом, не обезопасив себя от османов и крымских татар, представлялось Возницыну шагом крайне рискованным [2, с.513].

Повторив Льву Кирилловичу мысль о том, что «государское премудрое рассмотрение», конечно, обойдется и без его, Возницына, «убогого доношения», он как бы просит прощения за свое «усердное простодушие», которое не позволяет ему молчать, когда дело касается державного благополучия [2, с.515]. Перспектива изменения внешнеполитических приоритетов России беспокоила дипломата чрезвычайно. Судя по всему, «государской премудрости», внезапно обратившейся на север, когда на юге еще ничего не решено, он не понимал. Понимал другое. И мир, и война с Османской империей были проблемами фундаментальными, требовавшими безраздельного внимания и несовместимыми с шапкозакидательскими

импровизациями. Не известно, чего было добиться сложнее: выгодного для России мира или победы над турками на море и суше.

Под покровом «усердного простодушия» Возницын углубляется в жесткий анализ ситуации, будто бы призывая Петра опомниться. Вначале он теоретически рассматривает вариант официального оформления armistice или заключения с Портой полноценного мирного договора. Выигрыш для России от такого поворота дела будет заключаться в возможности дать туркам понять об отсутствии у Петра враждебных намерений и остановить их приготовления к войне – иначе говоря, усыпить их бдительность. Но осуществить данный вариант далеко не просто, поскольку турки упорно настаивают, чтобы русские послы прибыли для переговоров в Стамбул. Тогда, предупреждает Возницын, существует большая вероятность столкнуться с массивным давлением османской дипломатии, которую цесарцы и английские доброхоты не оставят без своей поддержки. Требования Порты могут оказаться еще более неприемлемыми для Москвы, чем те, что были предъявлены в Карловице. Прокопий Богданович советует не дать заманить себя в эту сеть, не посылать полномочных послов в Стамбул и вести переговоры о разграничении русско-турецкой границы в нейтральном месте. В османскую столицу следует отправить второстепенных дипломатов для имитации переговоров, а в придачу к ним опытных специалистов в морских делах – для внимательного изучения военных укреплений на Босфоре и степени защищенности Стамбула [2, с.515–516].

Второй вариант – война. Возницын никогда не сбрасывал его со счетов. Не только потому, что хорошо знал масштабы военно-морских работ Петра, но и потому, что переговоры с турками, порой просто невыносимые психологически, убедили его: легче продолжить военные действия без Священной лиги, чем уговорить Порту на такое соглашение, которое устроит Россию. Впрочем, здесь мы просим прощения у читателя за позволенную себе вольность рассуждать за Возницына – что легче, а что сложнее. Прокопий Богданович, переживший несколько войн на своем веку, осознавал, что проще обнажить оружие, чем вернуть его в ножны. И уж подавно у него не было никаких сомнений, что к схватке с Турцией, да еще в отсутствие союзников, нужно готовиться совсем не так, как к Крымским и Азовским походам. И успех, если ему суждено случиться, будет куплен куда более дорогой ценой, чем выход в Азовское море.

Лишний раз о предусмотрительном и масштабном мышлении Возницына говорит его зашифрованное письмо к иерусалимскому патриарху, отправленное 24 января с тайным эмиссаром. Извещая владыку, по сути, об отсутствии прогресса в русско-турецких отношениях, он просил его

«отписать, что лучше: в миру с ними быть, или в войне, и буде в миру, на чем они с нами помирятся? Не станут ли просить тех городов (днепровских. – *В.Д.*) или иного чего? И буде быть в войне, можем ли мы с ними одни воевать, и помогут ли и пристанут ли к нам греки, волохи, мултяне (бессарабцы. – *В.Д.*), сербы, болгары и иные православные народы, и мочно ль на них надежду иметь? И хлебными запасами и конскими кормами могут ли войска наши, без нужды зашедшие в чужие края, пропитаться? Так же в то время не пристанут ли к туркам в помощь иные, а именно: цесарь – за сербов, поляк – за волохов (в первом случае речь идет о желании получить Сербию, во втором Валахию. – *В.Д.*), француз и венеты не допуская до силы (Франция и Венеция, противодействуя планам войны против Порты. – *В.Д.*)? И какое поведение или впредь радение или к войне приготовление турки иметь будут?». В заключение Возницын задавал не менее практический вопрос: если избежать заключения мира не удастся, то где (в Царьграде?) или через кого (через валашского господаря или крымского хана?) мириться? Или, быть может, требовать созыва нового съезда? [2, с.516–518].

Информация, которую запрашивает Возницын, выдает в нем не только проникательного дипломата, но и заправского военного стратега. Он страстно желает предостеречь Петра от ребяческого порыва очертя голову броситься в омут южных проблем, не изучив досконально военно-стратегическую и социально-политическую ситуацию и внутри Турции, и на Балканах, а также дипломатическую расстановку сил в Европе. Возницын чувствовал, что южноевразийское пространство усеяно опасными ловушками. Угодив в любую из них, Россия рискует долгой и дорогой расплатой за последствия этой неосторожности. А предугадать все до мелочей невозможно.

Но, кажется, больше всего Прокопий Богданович боялся растущего интереса Петра к северным делам. С течением времени для царя становилось все очевиднее, что идет подспудная, предварительная работа над созданием антишведской коалиции, пока еще, слава Богу, ни к чему Россию не обязывающая. Но чутье подсказывало дипломату: она будет продолжаться с нарастающей силой. Это не так пугало бы его, если бы на юге царило спокойствие.

Возницын мучительно искал ответ на один вопрос. Точно ли знает 27-летний государь, чего именно он хочет? Вдомек ли ему, что такое война против двух империй – Османской и Шведской, при огромном расстоянии между фронтами? А попасть в такой котел можно вполне. Чем это заканчивается, мог бы подробно рассказать Иван Грозный.

А для чего ему двухлетнее перемирие с турками? Чтобы за это время разгромить их в пух и прах, а потом взяться за шведов? Или, наоборот, разбить шведов и вновь приняться за турок? Что за фанфаронство! Неужели Азов так помутил его сознание?

Прямых подтверждений тому, что именно так рассуждал Возницын, мы не найдем ни в одном источнике (в те суровые времена доверять бумаге такое было почти безумием, чреватым дыбкой). Но междустрочье его донесений Л.К.Нарышкину дает историку некое основание осторожно предполагать нечто подобное.

В связи с информацией, имевшейся у Возницына о намечавшемся составе коалиции против шведов, отдельно следует сказать об отношении посла к Польше, одному из предполагаемых участников. Он не верил полякам, считая, что они «нам вяще всех народов враги». С ними не то, что в союз вступать нельзя – от них нужно беречься пуще, чем от турок и крымцев. Поляки никогда не откажутся от претензий на западнорусские территории и всегда будут искать случая отвоевать потерянное и завоевать новое. Надеяться на Августа II, лояльного к России, тоже не стоит. Он (как и многие его предшественники) может оказаться бессильным против шляхетской оппозиции. Ставить на короля, который, возможно, и сам уже не рад, что взял польскую корону, рискованно.

В Карловице «злоба» поляков, как писал Возницын Л.К.Нарышкину, открылась в полной мере, проявляясь отнюдь не только в мелочах, но и в вещах принципиальных. Малаховский тайно подначивал турок на войну с Россией, непристойно высказывался о русском царе, искал скандалов и ссор с Петром Посниковым и с самим Прокопием Богдановичем, постоянно норовил унизить имя России и ее государя в церемониально-протокольных вопросах [2, с.513–515].

К польской теме Возницын возвращается не случайно. Возможно, он не касался бы ее в очередной раз, да еще с такой беспрецедентной откровенностью и таким эмоциональным надрывом, если бы не его острая обеспокоенность северными планами Петра Алексеевича.

Эпилог

Возницын покидал Карловиц в тягостных раздумьях. Как оценит итоги его работы Посольский приказ? А главное – как их оценит Петр Алексеевич? Он переживал не за свою судьбу. Он переживал за стоящую на распутье Россию.

Объяснять Петру, что построение державной внешнеполитической стратегии и тактики требует не меньшего ума, таланта, расчета и терпения,

чем строительство флота, было Прокопию Богдановичу не по чину. Скорого на расправу Петра боялась вся его сановная челядь, не всегда угадывавшая, за что именно царь может «расписаться плетью» на спине любого незадачливого исполнителя его воли. Страх был хорошо знаком и Возницыну. Но профессиональный долг заставлял говорить государю правду, как бы неприятно она ни звучала.

Прокопий Богданович как на духу признается в своих сомнениях относительно правильности избранной им линии поведения на конгрессе. «Долго недоумевал я, – писал посол 18 февраля 1699 г., – что мне было делать: заключить мир бесприбыльный не смел и думать, *ведая твое к войне соизволение и великое приготовление* (курсив мой. – В.Д.); с другой же стороны, и то казалось нелегко, чтобы тебе, Государю, всю тягость на себя взять и с таким неприятелем войну вести, а подлинного решения и указов не имел». За итог конгресса для России Возницын просит прощения: «Помилуй, милостивый Государь, если что не против твоего намерения учинено: ей[-Богу], учинил то по самой крайней нужде» [2, с.531–532; 3, с.271–272, 482, 491].

Однако виниться Возницыну было не в чем. В Карловице он добился лучшего результата из возможных – с невероятным трудом выстоял против единой (если и не во всем согласованной) антирусской политики участников конгресса, не поддавшись на османские (а возможно, не только османские) провокации, избежав обременительных для России обязательств и тем самым сохранив для Петра и юридическую, и моральную свободу действий. Главный вывод, сделанный Прокопием Богдановичем – теперь «война и мир в твоей, Государь, воле» [3, с. 257, 482].

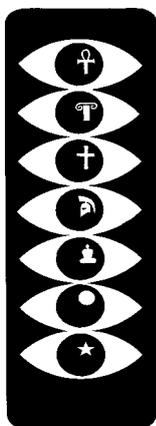
На границах России изнурительная миссия Возницына заканчивалась. Прокопий Богданович имел все основания сказать себе: «Я сделал все, что мог, а дальше будь, что будет». Он смертельно устал. Его душа и тело требовали отдыха. Именно тогда, когда ему предстояло, быть может, самое важное в его жизни – мчаться через всю страну к Петру в Азов. Возницын хотел опередить время. А оно тянулось мучительно. Слишком мучительно для человека, спешившего предстать перед государем, которому только и дано было судить о трудах своего посла.

В Азов Возницын прибыл 15 июля. Статейный список сообщает о встрече с царем одной строчкой. «Июля ж в 17 день видел Великого Государя пресветлые очи и был у руки» [2, с.641–642]. Особых похвал от Петра он не дождался. Да и не рассчитывал на них. Главное – не произошло худшее из возможного, учитывая экспансивный нрав государя, в порыве гнева способного на все.

Многие правители требуют от своих сановников, чтобы они докладывали всю правду, даже если она малоприятна, но слушать эту самую правду не любят. Сообщать скверные новости – миссия для царедворцев нестерпимая. Карловицкие итоги однозначно отнести к категории дурных вестей нельзя, но и большой радости они не вызывали. Чуда не произошло. Дипломатического разгрома Турции не получилось. Но, к счастью Возницына, Петр не был самодуром. Спокойно приняв не оправдавшие его надежды результаты конгресса как новую реальность, он не стал сетовать на необратимое, а принялся думать над тем, как действовать в изменившихся условиях. Царь не считал Прокопия Богдановича триумфатором, однако отдал должное тому, что с миссией своей, в пределах возможного, он справился. Уже сам факт, что государь принял отчет и советы посла к сведению, не выразив своего неудовольствия (как, впрочем, и восторга), означал своеобразное одобрение сделанного. Иначе Петр вряд ли оставил бы Возницына при себе почти на два месяца, в течение которых он помогал царю разрабатывать стратегию дальнейших дипломатических действий в отношении Порты.

Библиографический список

1. Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. М.: Госполитиздат, 1946. Т.3. 503 с.
2. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб.: Тип. II отд-ния С.Е.В. канц., 1868. Т.9. Памятники дипломатических сношений с Римскою империею (с 1698 по 1699 год). 1230 стб.
3. Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб.: Тип. II отд-ния С.Е.В. канц., 1858. Т.3. Путешествие и разрыв с Швецией. 532 с.
4. Шмурло Е.Ф. Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Юрьев: Тип. К.Маттисена, 1903. Т.1. 1693–1700. 728 с.

Жорес Медведев

**ПЕРЕСТРОЙКА
ДО ОСНОВАНИЯ¹**

УДК
929.82-94

В середине 1993, в связи с просьбой о выяснении некоторых событий во время Олимпийских игр в Москве в 1980 году, у меня состоялась встреча с Леонидом Шебаршиным, бывшим начальником советской разведки. После отставки он создал частное агентство безопасности для обеспечения охраны новых предприятий, возникших в результате приватизации. Реформы в экономике и формах собственности требовали изменения систем охраны. На работу в разные охранные службы переходили бывшие сотрудники КГБ, имевшие необходимую квалификацию.

В 1993 году в Российской Федерации началась ваучерная приватизация, проекты которой были разработаны Государственным Комитетом по управлению государственным имуществом. В статье дается критика российских методов приватизации и сравнение ее с приватизацией в Великобритании. Возникшие в России экономические проблемы привели к конфликту между президентом Борисом Ельциным и Верховным Советом РФ, которые завершились роспуском российского парламента.

In 1993 I met in Moscow Leonid Shebarshin former chief of the Soviet Foreign Intelligence Services. After retirement he did create private security organisation which did employ former professionals of the state security system – KGB, who now were protecting new private enterprises. The simplified “vaucher” form of the rapid privatisation, which started in Russia from the beginning of 1993, created many new economic and political problems. The development of the conflict between the president and the parliament lead to the unconstitutional dissolution of the parliament by Boris Yeltsyn and the decision of the parliament to dismiss the president.

Ключевые слова: Джон Симпсон; Афганистан; Леонид Шебаршин; ваучерная приватизация; Борис Ельцин.

Key words: John Simpson; Afghanistan; Leonid Shebarshin; vaucher privatisation; Boris Yeltsyn.

E-mail: zhmedvedev@yahoo.co.uk

¹ Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2015. №3–6; 2016. №2–5.

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

Леонид Шебаршин.
Начальник внешней
разведки СССР

Я уже писал², что генерал-лейтенант Леонид Владимирович Шебаршин, назначенный Горбачевым 22 августа 1991 г. на пост Председателя КГБ СССР и смещенный с этого поста на следующий день по требованию Ельцина, занимал до этого эпизода пост начальника Первого Главного Управления КГБ (ПГУ), то есть был руководителем советской внешней разведки. В сентябре 1991 г., когда выделенную из состава КГБ службу внешней разведки (СВР) возглавил Евгений Примаков, Шебаршин вышел в отставку. Мое знакомство с Леонидом Владимировичем произошло в мае 1993 г. при необычных обстоятельствах.

В начале мая 1993 г. известный адвокат Руперт Блэк позвонил мне и, напомнив наше прошлое сотрудничество, сказал, что ему нужна моя консультация по делу, связанному с бывшим СССР. Его клиентом был знаменитый тележурналист *BBC* Джон Симпсон. Он был очень популярен, прежде всего, потому, что вел свои репортажи для вечерних программ телевидения из многих «горячих» точек мира, из зон военных и политических конфликтов на разных континентах. Речь шла о возбуждении дела о клевете против газеты *The Daily Telegraph*, которая в редакционной статье, отвечая на какую-то критику в свой адрес в телевизионном репортаже Симпсона, обвинила его самого «в гибели выдающегося афганского спортсмена», участника Олимпийских игр в Москве (1980). Джон Симпсон, тогда еще молодой и не слишком опытный комментатор, освещал для *BBC* ход Олимпийских игр, хотя Британия в них не участвовала³. Однако в московских Олимпийских играх среди 80 стран-участников был и Афганистан, приславший небольшую команду

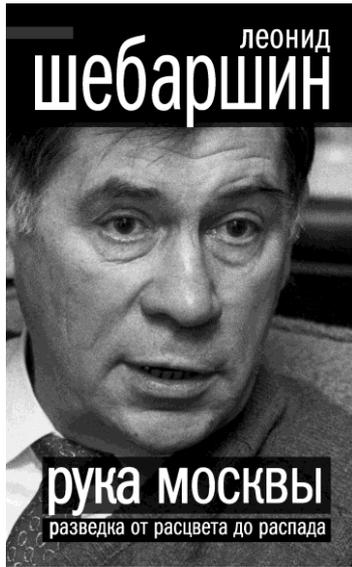
Джон Симпсон

² См.: *Россия XXI. 2016. №3.*

³ Многие западные страны бойкотировали московскую Олимпиаду в связи с вторжением Советской армии в Афганистан в декабре 1979 г. Освещение западной прессой и телевидением московской летней Олимпиады было, в связи с бойкотом, ограниченным и недружественным.

своих спортсменов, которые не завоевали ни одной медали. Но один из них выделился победой в поединке в редком восточном единоборстве «тхэквондо». Имя этого спортсмена я обозначу здесь лишь псевдонимом Ахмет. Его поединок транслировался московским телевидением, что обеспечило ему некоторую известность, так как советские телезрители вообще никогда не видели корейское боевое искусство. В репортаже для *BBC* о своей собственной встрече с Ахметом Д.Симпсон рассказал, что Ахмет не хотел бы возвращаться в Афганистан и попросил Симпсона помочь ему улететь в Англию, чтобы получить там политическое убежище. Симпсон выполнить эту просьбу не мог.

Теперь *Дейли Телеграф*, вспоминая эту давнюю историю, утверждало, не приводя, однако, никаких доказательств, что Ахмета, совершившего подобный поступок, арестовали в Кабуле и, несомненно, расстреляли как предателя. Нравы в Афганистане в развернувшейся войне с исламскими моджахедами были достаточно крутыми. Виноватым в такой судьбе спортсмена *The Daily Telegraph* называл Д.Симпсона, сделавшего достоянием гласности явно конфиденциальную просьбу Ахмета. Д.Симпсон хотел теперь доказательств того, что Ахмет не был арестован и казнен по возвращении в Кабул, а жив и здоров. Это обелило бы собственную репутацию Симпсона и позволяло возбудить дело о клевете против *The Daily Telegraph*. Эта газета консерваторов была самой многотиражной и богатой в Англии, и иск против нее по делу о клевете мог бы составить очень крупную сумму. Но для начала этого дела требовалось, прежде всего, узнать точные сведения о судьбе Ахмета после его возвращения из Москвы⁴.

Книга мемуаров Л.Шебаршина

Такой возможностью могла бы быть информация от резидентов советской разведки, которых было, наверное, несколько в посольстве СССР в Кабуле в 1980 г. Почти весь «мусульманский» и, прежде всего, пакистан-

⁴ Известно было лишь то, что Ахмет не участвовал ни в каких следующих олимпиадах.

ский отдел советской разведки возглавлял в то время Л.Шебаршин, который, выйдя на пенсию, писал мемуары (См., например: [4; 5; 7]). Его интересная книга [6] вышла в Москве в 1992 г.⁵, я ее купил и прочитал. Шебаршин давал эпизоды своей работы резидентом советской разведки в Иране, в Индии, в Пакистане и в Афганистане. После Афганистана он много лет был главой ПГУ и поэтому знал резидентов советской разведки, во всяком случае, в Афганистане.

В конечном итоге, Блэк и Симпсон обратились ко мне с просьбой встретиться в Москве с Л.Шебаршиным и расспросить его о возможности получения какой-либо информации об Ахмете.

Стадион «Динамо».
Ворота №7.
Национальная служба
экономической безопасности

Найти Л.Шебаршина в Москве оказалось несложно. Рой, возглавлявший в 1989–1990 гг. комиссию Верховного Совета «по делу Гдляна и Иванова», имел много контактов и с Генеральной Прокуратурой, и с КГБ. Уже на второй день после нашего приезда в Москву я знал, что Л.Шебаршин является начальником особой частной, им же созданной «Российской Национальной службы экономической безопасности». Я получил номера его служебного телефона и факса. На следующий день я ему позвонил и сообщил о желании обсудить небольшую международную проблему. Кто такие Рой и Жорес Медведевы, Шебаршин знал и никаких вопросов о сути дела не задавал. «Приходите завтра к 11 утра к стадиону "Динамо", к воротам №7. Вас там встретят», – сказал он.

Внизу у ворот №7 меня действительно ожидал мужчина в штатском, которого я с удивлением сразу узнал. Это был генерал-майор КГБ, с которым я встречался в начале 1972 г. в Обнинске. Летом 1971 г. в КГБ стало известно, что рукопись книги Роя «К суду истории» находится в США и готовится к изданию. В Пятом Главном Управлении КГБ было принято решение об обыске в квартире Роя и о его аресте после вызова в Прокуратуру. Вызов в Прокуратуру был сделан по телефону на следующий день после обыска и конфискации множества бумаг. Но вместо явки по вызову Рой скрылся сначала в Москве у друзей, а затем уехал в Одессу к студенческому другу и, пробыв там месяц, менял места жительства, посещая друзей в Тбилиси, Тарту, Ленинграде и других городах, посылая мне открытки из разных транзитных мест, которые он проезжал, чтобы сообщить, что он жив и здоров. Когда книга Роя дейст-

⁵ Впоследствии неоднократно переиздавалась, в т.ч. посмертно.

вительно была издана в Нью-Йорке в январе 1972 г. [9] и стала сенсацией, проект ареста Роя был отменен, но он лично об этом не знал и не возвращался. В это время меня вызвали в местное отделение КГБ в Обнинске. Здесь меня встретил работник КГБ, представившийся генералом Тепловым Иваном Павловичем. Он полагал, что я знаю местонахождение Роя, и просил сообщить ему, что угрозы ареста нет и мой брат может вернуться в Москву. Встречавший меня у ворот «Динамо» мужчина и был таинственным «Тепловым». Но на этот раз он назвал свое реальное имя, Абрамов Иван Павлович. Он уже был в отставке и на пенсии и встретил меня очень дружелюбно. Мне было известно из книги Солженицына «Бодался теленок с дубом» [2], что генерал-майор Иван Павлович Абрамов занимался в КГБ и делом Солженицына.

По лестнице, примыкавшей к входным воротам, мы поднялись вверх и открыли какую-то дверь, не имевшую надписей. Вторая дверь привела нас в обширную комнату, в которой работали за столами несколько человек. Один из них встал и, пожав мою руку своей мощной ладонью спецназовца, проводил в большой кабинет, в котором за массивным столом сидел начальник этой конторы – Л.В.Шебаршин. Он очень тепло меня приветствовал. Шебаршин был примерно на десять лет моложе меня, одет в свитер и был легко узнаваем по ироническому выражению глаз и черным волосам – чертам лица, которые я уже знал по портрету на обложке его книги «Рука Москвы». С этой книги и начался наш разговор. Я сказал, что прочитал ее с большим интересом и думаю, что ее должны перевести и издать и на английском. Эта идея Леонида Владимировича очень заинтересовала, он, судя по разговору, планировал продолжать свою литературную деятельность. Трудность состояла в том, что издатели ждут от таких книг каких-либо сенсаций, а автор не имел права и не намеревался раскрывать детали тех или иных секретных операций. Острых сюжетов со стрельбой и погонями в книге не было.

Выслушав суть моего дела относительно судьбы афганского спортсмена, Шебаршин сразу усомнился в возможности его ареста по возвращении из Москвы и тем более казни, в связи с репортажем Симпсона. Его объяснения, как я запомнил и записал для Блэка, были примерно следующими:

«...В Москве и в других городах, особенно в Таджикистане и в Узбекистане в 1980 году, находились тысячи афганцев – таджиков и узбеков, многие учились в наших ВУЗах, в Университете Лумумбы, в военных училищах. Возвращаться обратно, особенно в провинциальные районы Афганистана, где действовали моджахеды, не хотели очень многие. Это была общая проблема, и Ахмет не исключение. Немалому числу афган-

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

цев удалось остаться в СССР, особенно афганцам – таджикам, узбекам и туркменам, жившим по афганскую сторону границ наших республик. В Афганистане же больше таджиков, чем в самом Таджикистане... Некоторым через Иран и Турцию удавалось уехать и в западные страны. В 1980 году лидером Афганистана был Бабрак Кармаль, человек относительно мягкий и нерешительный, искавший компромиссов. Все свои решения он согласовывал с приставленными к нему советскими советниками. Каких-то произвольных казней в Кабуле не было, там был относительно порядок. Город многонациональный, и никто не хотел обострения отношений. Комментарии Симпсона по ВВС вряд ли кто-либо заметил, доминировали местные проблемы. А если бы и заметили, то не стали бы разглашать и компрометировать свою олимпийскую команду. Гордились своим участием в Олимпиаде. Среди пуштунов в южной половине страны больше миллиона уехали как беженцы в Пакистан...»

Однако от попыток какого-либо участия в расследовании судьбы Ахмета Шебаршин отказался.

«...Россия не имеет там сейчас ни посольства, ни консульств. Нет и легальных резидентов разведки, защищенных дипломатическим иммунитетом. Запросы посылать некому. Идет гражданская война. Да и для судебного разбирательства в Лондоне нужны, наверное, точные данные, какое-то заявление самого Ахмета, его фотография. Где он жил или живет, неизвестно... Мы в такое дело ввязываться не можем. Пусть Симпсон попробует наводить справки через спортивные федерации...»

Во время нашего разговора принесли чай. Наша беседа перешла на более общие темы. Шебаршин объяснил, что его «Национальная служба» – это обеспечение охраны и частных, и некоторых государственных предприятий:

«... Эта служба возникла по инициативе молодых частных московских банкиров, их представитель обратился ко мне с предложением подумать о создании фирмы, которая занималась бы обеспечением безопасности частного сектора. В предприятии согласился участвовать бывший начальник Управления КГБ по Москве. Нашлись и другие компаньоны из Службы охраны, ПГУ... Помещение, как видите, тоже нашлось. Недалеко, кстати, и от моего дома... Мы заключаем договора на установку сигнализации, видеокамер и организацию квалифицированной охраны. Весь бизнес сейчас сильно криминализован. Много рейдерских захватов прибыльных магазинов и даже фабрик, особенно по продтоварам. Недавно рейдеры захватили в Воронеже макаронную фабрику... Бывают и убийства... Из мест заключения в прошлом году амнистировали со снятием судимостей не менее двухсот тысяч осужденных за экономические

преступления, спекуляции, подпольные производства, валютные операции... В СССР это были уголовно наказуемые преступления. В России – легальный бизнес. Но среди освобожденных много криминала... Даже небольшим магазинам или торговым палаткам нужна сейчас "крыша". Этим мелким "крышеванием" заняты, в основном, "афганцы". Мы обеспечиваем охрану более крупных фирм... Из КГБ ведь еще в 1991 были уволены десятки тысяч профессионалов, особенно много из "Девятки" – службы охраны деятелей партии и правительства и правительственных учреждений. Мы берем их на работу с хорошими зарплатами. С нами заключают договора разные компании, обычно среднего размера. Олигархи, такие как Гусинский или Березовский, к нам не идут, они создают собственные службы охраны своего бизнеса. Но и там работают бывшие офицеры и даже генералы КГБ. Рядовые охранники из бывшего КГБ имеют хорошую военную и спецподготовку. Они профессионалы, которым можно доверять. Охрану медиа-империи Гусинского возглавляет Филипп Бобков – бывший начальник Пятого Главного Управления КГБ, генерал армии, заместитель председателя, высший по званию генерал в КГБ... В российской экономике сейчас больше охранников, чем во всем СССР...»

Провожал меня из спрятанного под трибунами стадиона здания «Национальной службы экономической безопасности» генерал-майор Абрамов. Он знал обо мне, конечно, больше, чем я о нем. Он знал Роя лично и встречался с ним в «Комиссии по делу Гдьяна и Иванова». Но Абрамов тогда занимал пост уже не в КГБ, а был заместителем Генерального Прокурора СССР. Ему хотелось узнать и о моей жизни в Англии. Мы зашли в небольшое кафе в парке стадиона:

«...Порядок во время Олимпийских игр Политбюро возложило на Андропова, – объяснил он, – конкретно мне был поручен стадион "Динамо". Тогда мы и построили под трибунами нашу штаб-квартиру, это трехэтажный дом со всеми коммунальными службами... Это "здание-невидимка", и в Моссовете или в райсовете оно не регистрировалось. Я теперь неофициальный комендант. Никакой документации или адреса у дома нет. Это "почтовый ящик" с номером. Но здесь в 1980 году был один из отделов контрразведки КГБ... Из-за бойкота Олимпиады существовала вероятность разных диверсий... Но мы обеспечили полный порядок...»

Мне было очевидно, что такие же «дома-невидимки» для КГБ были, наверное, построены и под трибунами главного стадиона в Лужниках, где происходило открытие Олимпиады. Там была и большая «правительственная» ложа. Может быть, такие же постройки создавались и на других стадионах. Высокие и наклонные трибуны для зрителей, под-

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

держиваемые опорами, создают треугольник свободного пространства, удобный для таких невидимых секретных сооружений.

Абрамов рассказал немного и о себе, объясняя, что в КГБ многие попадают без выбора, не по собственному желанию. Его призвали в армию в начале 1945 г., незадолго до окончания войны. Он был, таким образом, на год–два моложе меня. Зачислили в училище младших лейтенантов. Но после получения звания направили в дивизию НКВД, которая вела операции против бандеровцев в Западной Украине. В 1946 году он стал уже капитаном НКВД. «Так и пошло, у военных нет выбора, куда прикажут...»

Я это понимал, так как и тот полк, в котором я недолго воевал рядовым пехоты на Таманском фронте, был до войны специальным кадровым соединением «пограничной службы». Я выбыл из армии после ранения в июне 1943 г. После госпиталя меня демобилизовали. Только поэтому я смог поступить в ВУЗ еще во время войны. Лишь по картотеке участия разных соединений в боях, которая имелась в военкомате в Твери, при получении удостоверения ветерана ВОВ в 1991 г., я узнал, что мой 169-й полк после завершения Таманской операции был направлен на Северный Кавказ для участия в депортации чеченцев и ингушей.

Мы расстались с Абрамовым почти друзьями. Он дал мне свой домашний телефон и просил звонить, если возникнут какие-либо проблемы⁶.

О результатах моей встречи с Л.Шебаршиным я сообщил Блэку, адвокату Симпсона по телефону⁷.

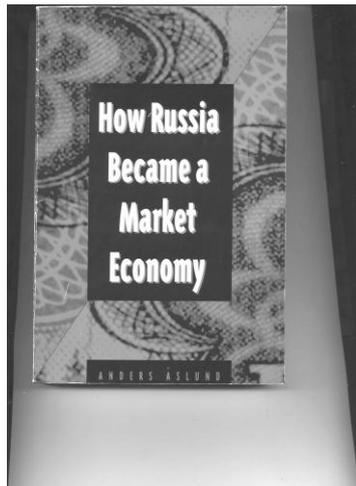
Ваучер

Наша с Ритой поездка в Россию, продолжавшаяся с мая до конца июля 1993 г., имела много различных целей, но основной проблемой, анализу которой я намеревался посвятить анали-

⁶ Этим телефоном я воспользовался лишь один раз осенью 1998 г. после российского дефолта. Мне из «Нью-Йорк Таймс» заказали статью о радикальных переменах в российском правительстве, которое возглавил Е.Примаков. Я хотел узнать у Абрамова, что он знает о срочно назначенном указом Ельцина новом Директоре Федеральной службы безопасности (ФСБ), подполковнике запаса Владимире Владимировиче Путине, сменившем на этом посту генерала армии Николая Дмитриевича Ковалева. Замена генерала армии неизвестным подполковником вызвала тогда всеобщее недоумение.

⁷ После возвращения в Лондон уже в июле, я узнал у Блэка, что он посоветовал Симпсону не возбуждать дело о клевете против «The Daily Telegraph» в Высоком Суде. Надежных сведений о судьбе афганского спортсмена так и не появилось.

тический очерк и для российской, и для западной прессы, была ваучерная приватизация. Я хотел на месте наблюдать за ходом тотальной приватизации, начало и конец которой приходились на 1993 год, а пик предполагался именно летом 1993 г.

Книга Андерса Аслунда
«Как Россия стала рыночной
экономикой»

Слова «ваучер» в русском языке до 1992 г. не было. Но в английском как “voucher” оно известно почти каждому, так как означает купон, часто выдающийся при покупке того или иного товара, с указанием суммы в пенсах или в фунтах той скидки, которую покупатель мог бы получить при следующей покупке в том же магазине. В толковом словаре английского языка “voucher” определяется как «документ, который может быть обменян на товары или услуги». Это слово вошло в русский язык от иностранных советников, которые были приглашены в Москву для неофициального руководства российской приватизацией. Некоторые из них впоследствии написали книги о своем участии в этом процессе [8].

В большинстве газет Российской Федерации на полную страницу крупным шрифтом публиковались в октябре объявления Госкомитета РФ по управлению государственным имуществом:

**«ВЫ НЕ ЗАБЫЛИ ПОЛУЧИТЬ?
ПРИВАТИЗАЦИОННЫЙ ЧЕК
10 000 рублей**

Он ждет Вас в одном из ближайших от вашего места жительства отделении Сбербанка

С 1 октября по 31 декабря 1992 года

Промедлите сейчас, можете оказаться в конце очереди в предновогоднюю ночь.

При умелом использовании приватизационный чек принесет благосостояние Вам и вашей семье. Он дает возможность каждому гражданину России приобрести имущество какого-либо предприятия, жилье, землю для предпринимательства – стать собственником. Если деньги пока обесцениваются, то рыночная цена приватизационных чеков может вы-

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

расти в несколько раз. Чек даст Вам то, что Вы не сможете получить за другие ценные бумаги, – государственное и муниципальное имущество.

На приватизационный чек Вы можете купить акции любого приватизируемого предприятия или инвестиционного фонда. Есть и другой путь – продать чек за наличные деньги. Но не продешевите. Вы должны сами решить, как лучше распорядиться своим приватизационным чеком.

Не упустите свой шанс!

Приватизация – путь к процветанию России. Богатство страны – не у сотни миллионеров, а у миллионов собственников.

Желаем удачи!»

В отдельной колонке справа от этого объявления публиковались некоторые разъяснения:

«ПОМНИТЕ, ЧТО....»

Приватизационный чек может быть использован только один раз и сразу на всю сумму в 10 000 рублей. На один приватизационный чек Вы можете купить акции только одного предприятия...

Приватизационный чек необходимо использовать до 31 декабря 1993 года. После этого чек утрачивает свою силу.

Приватизационные чеки, независимо от места их получения, могут использоваться на всей территории Российской Федерации».

Приватизация государственной собственности начиналась в январе 1993 г. С октября 1992-го в газетах и по телевидению давались многочисленные объяснения и советы о том, каким образом наиболее целесообразно распорядиться столь ценной бумагой и обеспечить свою семью акциями и дивидендами на много лет.

Лично я достаточно хорошо знал все предыдущие неосуществленные проекты приватизации, начатые в СССР программой Григория Явлинского «500 дней», разработанной в 1990 г. Поскольку именно в Великобритании в 1980–1988 гг. проводилась наиболее масштабная «народная» приватизация государственных предприятий⁸, то в 1991 и в 1992 гг. я написал и опубликовал в советской, российской и в украинской прессе несколько очерков о том, как и для чего осуществлялась приватизация государственных предприятий в Великобритании, проходившая в несколько этапов⁹.

⁸ Она включала электрогенерирующую промышленность, судостроение, металлургию, авиационную индустрию, телефонную связь, аэропорты, газораспределение, часть транспорта и многое другое.

⁹ Первый из этих очерков публиковался в 3-м номере журнала «Финансы СССР» (март

Сущность моих аргументов была проста и почерпнута из экономических справочников, инструкций по британской приватизации и простого здравого смысла. Приватизация, как правило, осуществлялась для увеличения доходной части бюджета страны, сокращения числа государственных служащих и уменьшения расходной части бюджета. При приватизации общегосударственные монопольные системы дробились на более мелкие, что приводило к конкуренции между ними и к росту производительности труда. Приватизация снижала уровень инфляции, а иногда и цены. Граждане страны платили за акции приватизируемых предприятий реальные деньги, преобразуя свои наличные сбережения, подверженные инфляции, в акции тех или иных компаний. Эти компании, в свою очередь, получали реальный инвестиционный капитал, необходимый для модернизаций. Стоимость акций, в большинстве случаев, в первые годы действительно росла, обеспечивая прибыль и дивиденды их владельцам. Но в ряде случаев, например, после приватизации автомобильных и даже судостроительных заводов, могла и снижаться. Эти отрасли в Великобритании не выдерживали конкуренции с немецкими и японскими компаниями. Конкуренция всегда связана с рисками. В конечном итоге, приватизация стимулировала экономическое развитие страны.

Такого рода приватизация, но не всеобщая, а лишь в некоторых отраслях промышленности, могла быть проведена и в СССР, но в ограниченный период начала 1991 г., когда повсеместное повышение зарплат не было обеспечено потребительскими товарами из-за резкого сокращения импорта. У населения возникли излишки денег, которые в условиях инфляции можно было бы направить на покупку акций тех или иных предприятий. Но после распада СССР и либерализации цен все финансовые сбережения населения были быстро поглощены неожиданно высокой инфляцией, и экономически целесообразная «денежная» приватизация тех или иных предприятий, прежде всего в легкой и пищевой промышленности, через их акционирование была уже невозможна. У населения не осталось сбережений. В этих условиях и родилась идея искусственных «приватизационных» денег и бесплатной приватизации, которая не имела экономического смысла и преследовала лишь политическую цель ликвидации социалистической экономики. Предсказать последствия такого шага было невозможно. Архитектором этого проекта справедливо считается Анатолий Чубайс, который с конца ноября

1991). Последний очерк («Как я участвовал в приватизации британского электричества») был отправлен в «Финансы СССР» летом 1991 г., но опубликован лишь в сентябре 1992 г. (№9), теперь в названии журнала сохранилось лишь первое слово «Финансы».

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

1991 г. занимал в ранге министра пост председателя Государственного комитета России по управлению государственным имуществом (ГКИ).

Меня интересовал вопрос: каким образом на ваучерах появилась цифра 10 000 руб.? В октябре 1992 г. это была относительно скромная сумма. В денежную циркуляцию уже вошли новые купюры в 5 000 и 10 000 руб., и при курсе доллара в это время в 316 руб., номинал ваучера был равен немногим больше 30 долларов. По словам Чубайса стоимость ваучера соответствовала двум «Волгам». По моим оценкам она в Англии была равна 10–15 пачкам сигарет. Рой, внимательно следивший за этими же событиями, объяснил мне эту проблему уже письмом в Лондон:

«...Рыночная цена государственных предприятий в России не была определена в 1991 году. Но у каждого предприятия, электростанции, аэропорта и т.д. имелась так называемая балансовая стоимость, или книжная стоимость по бухгалтерскому учету. Она отражала те затраты, которые были необходимы для их постройки и введения в эксплуатацию. Балансовая стоимость обычно не пересматривалась после постройки предприятий и была очень низкой, особенно для тех, которые строились еще в годы первых пятилеток... Инфляция не оказывала на нее влияния. В 1991 году балансовая стоимость производственных фондов Российской Федерации определялась суммой в 1 триллион 260,5 миллиарда рублей. Разделив эту сумму на численность населения России – 148,7 миллиона, мы получаем 8 476 рублей. Округлив ее до 10 000, правительство России определило долю собственности каждого гражданина. В 1991 году сумма в 10 тысяч рублей казалась еще достаточно большой. Но либерализация цен с января 1992 года, вызвавшая стремительную инфляцию, уменьшила ее до цены велосипеда. По закону о приватизации на эту сумму предусматривались именные приватизационные счета. Однако Ельцин и Чубайс, нарушив закон, решили отказаться от именных чеков, так как их нельзя было бы продать. О том, что приватизационный чек является документом на предъявителя, говорится лишь в примечании к Указу Ельцина от 14 августа 1992 года...»

Парадоксы ваучерной приватизации

Российская приватизация была уникальным событием в истории мировой экономики. В течение всего лишь одного года предполагалось акционировать, продать или просто распределить в частную собственность между гражданами большую часть государственного имущества и предприятий всех типов – торговых, коммунальных, транспортных и производственных, – которые

были созданы или построены в России не только за 74 года ее советской эпохи, но и за весь период ее индустриального развития с середины XIX столетия. При этом переход всего этого богатства от национальному частному владению за символические ваучеры не предполагал поступления в казну страны каких-либо существенных финансовых ресурсов.

Сам Анатолий Чубайс был в это время мало известен, полномочия возглавляемого им ГКИ также не были ясными, так как он был создан в период, когда Российская Федерация находилась еще в составе СССР¹⁰.

Имея опыт уже 20-летней жизни в Англии, включавший личное участие в обширной британской приватизации, все еще продолжавшейся, и нескольких длительных поездок в США, где многие из моих друзей владели разными акциями (это была там популярная форма сбережений), я хорошо понимал, что социалистическая экономика СССР отличалась от капиталистической не только тем, **кому** принадлежали в стране заводы, фирмы, компании или магазины. Существенным было различие всей экономической инфраструктуры, финансовых и налоговой систем, торговой и производственной деятельности и всего образа жизни. Переход от социализма к капитализму не мог быть осуществлен за один или два года, тем более с помощью ваучеров. Одно из главных отличий советской экономики, например, от британской или немецкой, состояло в свободе советских предприятий и отраслей промышленности от конкуренции на мировом рынке. В производственной и финансовых сферах капиталистическая экономика намного сложнее, чем плановая экономика СССР. Было поэтому неясно, каким образом новое правительство России сможет обеспечить «прыжок» в капитализм, не имея для этого ни рублевых, ни валютных инвестиционных капиталов. Было очевидным и отсутствие у населения психологической и информационной подготовки для приватизации и понимания ее возможных последствий.

Проекты приватизации первоначально предполагали ее осуществление на основании законов, разработанных Верховным Советом. Но это

¹⁰ До переезда в Москву Чубайс работал в Санкт-Петербурге, возглавляя Комитет мэрии по экономической реформе. Он также занимал пост экономического советника мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака. К этому времени относится, по-видимому, и знакомство А. Чубайса с В. Путиным, который также был помощником Собчака. Назначение Чубайса на министерский пост в Москве было сделано по рекомендации Егора Гайдара. Именно Чубайс начал перевод в Москву своих коллег из мэрии Петербурга, обеспечивая им достаточно влиятельные посты и в ГКИ и в администрации Ельцина.

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

был длительный процесс. Именно поэтому Ельцин сменил руководство ГКИ и поручил проведение приватизации Чубайсу. Вместо законов ее проведение регулировалось теперь Указами президента.

Схема приватизации, первая стадия которой – преобразование предприятий в акционерные общества (АО), проводилась в конце 1992 г. административно, а не по ваучерам. Эта схема предполагала три варианта, выбор из которых предоставлялся коллективам предприятий. Мелкие предприятия, магазины и объекты бытового обслуживания планировалось продавать на аукционах. Обсуждать здесь все детали столь масштабного процесса нет необходимости.

Из трех вариантов работники предприятий выбирали чаще всего не первый, который считался «рыночным» и более предпочтительным для правительства, а более простой второй, по которому работникам предприятия сразу доставался **контрольный пакет** в 51% обыкновенных акций, делавший их коллективными собственниками родного завода или фабрики. На практике многие коллективы приобретали для себя до 79% акций и выше, оставляя для свободной продажи за ваучеры в 1993 г. не более 10% акций.

В результате акционирования по этому варианту возникала не столько частная, сколько коллективная собственность, особого рода индустриальный колхоз, в котором администрация зависела от рабочего коллектива, имевшего больше половины акций. При наличии прибыли она могла быть использована не на дивиденды посторонним акционерам и не на модернизации в производстве, а на повышение зарплат работникам предприятия. «Коллектив-собственник» был более заинтересован не в повышении производительности труда, это могло бы вести к сокращениям, а к повышению цен на свою продукцию. При высокой степени монополизма отдельных предприятий в советской экономике этот вариант приватизации не обещал экономического роста.

Третий вариант приватизации, при котором большая часть акций шла в свободную продажу, мог обеспечить модернизацию заводов, но лишь в том случае, если продажа акций производилась бы за деньги, а не за ваучеры.

Переход производственных предприятий в собственность их рабочих коллективов происходил за ваучеры по исключительно низким ценам. Оценку завода или фабрики проводила обычно «Рабочая комиссия», создаваемая на собраниях тех же рабочих, которым предстояло их покупать за имевшиеся у них и у членов их семей ваучеры. У коллективов заводов была поэтому заинтересованность в занижении их цены. Параллельная «малая приватизация» торговых и сервисных предпри-

ятий осуществлялась иначе, через ваучерные (чековые) аукционы, в которых могло быть много независимых участников. «Балансовая стоимость» была лишь стартовой ценой, с которой начинались торги, в результате которых происходил выход на реальную рыночную стоимость с ожиданием прибылей.

Поскольку покупка недвижимости считалась лучшей защитой денежных капиталов от инфляции и гиперинфляции, то на свободных аукционах магазины, прачечные, парикмахерские, кафе, рестораны, столовые, гостиницы либо оптические салоны, в конечном итоге, могли быть проданы в частное владение за более высокую цену, чем машиностроительные заводы или текстильные фабрики. По сообщениям прессы, магазин детского питания «Малыш» на Невском проспекте в Санкт-Петербурге, при стартовой цене в 197 тыс. руб., был продан в марте 1993 г. через свободный ваучерный («чековый») аукцион в частное владение за более высокую цену (701 млн руб.), чем имевший столетнюю историю знаменитый Балтийский завод, на котором строились контейнерные суда и крейсера с атомными двигателями, проданный за 150 млн руб. Завод «Красный выборжец» в Санкт-Петербурге, изготовлявший прокат и изделия из цветных металлов, производивший тысячи наименований разной продукции, часть которой шла на чеканку монет, был приватизирован за 350 млн. руб. – сумму, меньшую стоимости его двухмесячной продукции.

Процесс приобретал хаотический неуправляемый характер. За знаменитый Государственный универсальный магазин (ГУМ) на Красной площади на свободном аукционе было заплачено 113 037 тыс. ваучеров. Эта сумма была почти в 100 раз выше той, которая также ваучерами была заплачена за крупнейший в России машиностроительный завод «Уралмаш» в Екатеринбурге. «Уралмаш» перешел в частную собственность за сумму в ваучерных рублях, которая не превышала двухнедельной зарплаты почти 100 тысяч его рабочих. В валютном выражении это тогда составляло лишь около 2 млн долларов, что не превышало цену хорошей квартиры в центре Нью-Йорка (один доллар продавался банками в это время за 1 100 руб.). Все эти сотни тысяч ваучеров, которые массово продавались по 3–4 тыс. руб. каждый, скапливались у неизвестных скупщиков. Реальные новые частные владельцы магазинов нередко оставались в 1993 г. неизвестными. Примеры такого рода нелепых парадоксов, приводимых в российской прессе, можно было бы продолжать очень долго.

Работники предприятий использовали свои ваучеры по рекомендациям администрации этих предприятий. Ваучеры, которые получили

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

миллионы служащих, учителей, врачей, медперсонала больниц и поликлиник, члены колхозов, пенсионеры и большинство несовершеннолетних, «вкладывать» было некуда. Их часто продавали через уличных перекупщиков по заниженным ценам.

Одним из скупщиков ваучеров, как выяснилось позднее, был Каха Автандилович Бендукидзе, кандидат биологических наук и заведующий лабораторией молекулярной генетики в Пущино. В 1990 г. он преобразовал свою лабораторию в биотехнологическую компанию «Биопроцесс», которая занималась продажей различных медикаментов. Между тем стоимость акций крупных заводов, не приносивших дивидендов, сильно падала в цене. Бендукидзе смог очень дешево купить крупные пакеты акций знаменитых заводов – «Уралмаш», судостроительного завода «Красное Сормово», «Ижорских» и нескольких других в разных городах, заняв в каждом из них пост Генерального директора. В свободных акционерных компаниях директорами становятся держатели не менее 10% акций. Но они не управляют производством. Реальное руководство осуществляют исполнительные директора. В последующем Бендукидзе продал свои акции Газпромбанку и по приглашению Саакашвили стал министром экономики Грузии¹¹.

Хотя приватизация заканчивалась в декабре 1993 г., в сентябре 1993 г. было реализовано лишь 24 млн из 149 млн ваучеров, розданных населению. Никакого реального «перехода от социализма к капитализму» ваучерная приватизация не обеспечила. Не пополнился от приватизации и государственный бюджет. По данным официальной статистики в «малой приватизации» частным лицам к концу июня 1993 г. было продано лишь около 8% объектов, 22% купили организации и разные фирмы и 70% были выкуплены трудовыми коллективами не только с помощью ваучеров, но и по льготным кредитам коммерческих банков. Для трудовых коллективов по условиям приватизации давалась 30% скидка от аукционной цены. К концу июня «малая приватизация» остановилась на уровне примерно половины всех объектов (мастерские по ремонту, магазины, столовые и другие объекты). Проблема оказалась в том, что приватизированные предприятия, лишившись централизованного снабжения, работали хуже, а не лучше тех, которые оставались в общественном секторе. Время мелких торговых объектов прошло и в западных странах, но они, наоборот, объединялись в обширные корпо-

¹¹ После изгнания Саакашвили из Тбилиси, Бендукидзе переехал в Киев, став советником Порошенко. Каха Автандилович сравнительно недавно (в ноябре 2014 г.) умер в Лондоне от сердечной недостаточности в возрасте 58 лет.

рации. Происходило вытеснение отдельных частных магазинов или гостиниц общенациональными или даже международными сетями (Макдональдсы, Бургеры, Теско, Холлидей Инн, Икея и другие) почти во всех потребительских отраслях. Дробление крупных государственных сетей обслуживания, горторгов, общепита, таксомоторного и других, на мелкие, но частные, не имело преимуществ для населения, особенно в крупных городах. Приехав в Москву в мае, мы сразу это заметили по уменьшению числа городских такси. Шофер, который вез нас из Шереметьево, объяснил, что приватизация таксомоторного парка сократила число машин в эксплуатации на треть и что все оставшиеся на трассах «Волги», ставшие собственностью их водителей, были сильно изношенными. Ремонт машин стал частным бизнесом, а таксомоторные парки превращались в гаражи для более дорогих иномарок¹².

Аргументы в пользу диктатуры

Фактический провал ваучерной приватизации, не приносившей в казну государства средств и не создавшей нового класса собственников, обострял конфликт между правительством

и парламентом. Намерения большинства народных депутатов, не сумевших обеспечить смену правительства попыткой импичмента Ельцина или апрельским референдумом, не исчезли, но выражались, в основном, в прессе и в дискуссиях, проходивших на заседаниях Верховного Совета и Конституционной Комиссии, работа которой зашла в тупик. С другой стороны, в российской прессе все чаще и чаще высказывались идеи о том, что для перехода от социализма к «рыночной экономике», то есть к капитализму (этого термина старались избегать), нужна не демократия, а диктатура, «железная рука», российский вариант чилийского Пиночета. Смена социальных формаций, согласно этой концепции, требует либо революции, либо государственного переворота. Исторических примеров в пользу таких аргументов было достаточно, упоминались диктатура Оливера Кромвеля в Англии, Французская революция, Февральская революция в России, Октябрьский переворот 1917 г., коллективизация сельского хозяйства СССР, Кубинская революция Фиделя Кастро и Исламская революция в Иране.

¹² *Через два–три года традиционные такси вообще исчезли с улиц Москвы. У профессиональных таксистов не было нужных сумм денег для приобретения новых машин.*

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

Этот вариант преобразований в России не имел популярной поддержки, особенно среди интеллигенции. Но сторонники этой идеи и в кругах правительства, и в разраставшемся аппарате президента Ельцина допускали, что относительно мягкий, но все же авторитарный режим мог бы обеспечить реальное перераспределение собственности без излишних репрессий, но и без ненужных дискуссий. План перехода к авторитарному режиму существовал в разных вариантах, среди которых принятие новой Конституции, расширявшей власть президента и ограничивающей полномочия ВС, был доминирующим. Однако принятие новой Конституции могло быть осуществлено лишь Съездом народных депутатов и поэтому оказывалось нереальным¹³.

В конце августа, когда Верховный Совет РФ начал собираться для работы в осенней сессии, Министерство экономики РФ, руководимое свердловским другом Ельцина Олегом Ивановичем Лобовым¹⁴, пришло к выводу о том, что ваучерная приватизация привела лишь к новым проблемам и не создала рыночной экономики. Немалое число новых «собственников», особенно из числа скупщиков ваучеров, были в прошлом дельцами теневой экономики и имели криминальное прошлое. Ваучерная приватизация не давала никаких выгод ни общему населению, ни самим предприятиям, ни государству. Она не создавала новых финансовых ресурсов для инвестиций в реконструкцию промышленности и усложняла торговые и сервисные службы. Продажа акций за ваучеры почти остановилась. Ваучерная приватизация не создавала «среднего класса» собственников и предпринимателей, на которых могло бы опираться правительство. Возникла коллективная собственность с кастовым распределением национального богатства. Рабочие современных заводов, продукция которых шла на экспорт (например, Саянский алюминиевый) делили между собой крупные прибыли. Рабочие устаревших заводов, таких как Ростовский завод сельхозтехники (Ростсельмаш), могли распределять между собой лишь убытки. Лобов предлагал остановку приватизации, переоценку всех фондов и выпуск новых акций для продажи за деньги, а не за ваучеры.

В начале сентября Лобов передал Ельцину меморандум о необходимости изменения курса реформ и о переоценке всех фондов промыш-

¹³ Мы с Ритой улетали из Москвы в Лондон в конце июля. Поэтому за дальнейшим развитием событий я мог следить лишь по прессе, радио и телевидению. Рой сообщал мне о некоторых деталях в письмах.

¹⁴ Он в недавнем прошлом был 2-м секретарем Свердловского обкома КПСС.

ленности. В ценах на июль 1993 г. стоимость всех фондов России находилась на уровне 250–300 трлн руб., превышая ваучерную в 150 раз. Такая переоценка подрывала все основы ваучерной приватизации, основанной на балансовых оценках советского периода.

Ельцин был в растерянности. Меморандум Лобова отражал очевидные реальности. Но для Чубайса и реформаторов в правительстве такой поворот событий означал политическое фиаско. Премьер-министр Виктор Черномырдин, как практик, понимал правоту Лобова, но сохранял нейтралитет. В начале сентября малую приватизацию остановили, а большую сильно замедлили. Нужны были какие-то решения и о судьбе тех 120 млн ваучеров, которые оставались еще не реализованными. Созданные в большом числе инвестиционные фонды для ваучеров не знали, куда их вкладывать. Однако отказ от ваучерной приватизации имел слишком большую политическую цену и для правительства, и для президента, связавших свою репутацию именно с этой реформой. Из возникшего тупика не было разумного выхода.

19 сентября Указом Ельцина Лобов был смещен с должности министра экономики и переведен в Совет безопасности РФ. Министром экономики стал Е.Гайдар. Позиция ВС РФ была предсказуемой. Однако Ельцин решил опередить события конфронтацией. Вечером 21 сентября он подписал Указ №1400 [3] о роспуске Верховного Совета РФ и о ликвидации всего института Съезда народных депутатов и о замене его Государственной Думой. Принятие новой Конституции, значительно расширявшей власть и полномочия президента страны, выносилось на референдум в декабре 1993 г. Теперь нужно было выиграть объявленную парламенту войну.

**Экономический
и конституционный кризисы**

Ликвидация в конце 1992 г. единого рублевого пространства в СНГ создала проблемы, прежде всего, для бывших союзных республик. Принимавшиеся в 1991 г. политические решения о независимости не учитывали реальностей единой и централизованной экономики СССР. За это приходилось теперь платить слишком высокую цену. В прошлом товарообмен осуществлялся взаимными плановыми поставками. Пограничного контроля между республиками не было. Теперь от взаимообмена переходили к торговле. Вводимая республиками в оборот собственная национальная валюта не могла пока использоваться для оплаты импорта из России сырьевых ресурсов, неф-

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

тепродуктов и компонентов для машиностроения и приборостроения, торговля которыми осуществлялась теперь по мировым ценам. Некоторые из республик неизбежно начали брать у России крупные рублевые кредиты, а в последующем, по мере приватизации предприятий, осуществляли конверсию своих долгов в акции бывших союзных предприятий. Казахстан в начале 1993 г. пытался решить проблему отрицательного баланса торговли с Россией путем произвольно завышенной арендной платы за использование космодрома Байконур, определив ее в 5 млрд долл. в год. Это была нереально высокая сумма, которую Россия отказалась платить. Космодром был законсервирован, что нанесло ущерб экономике самого Казахстана. Россия стала проектировать новый космодром на базе ракетной дивизии, размещенной в Амурской области. Украина запросила слишком высокую арендную плату за военноморскую базу России в Севастополе. В результате этого начался постепенный перевод части кораблей Черноморского флота в Новороссийск. Крупный военный судостроительный завод в Николаеве, основанный еще в XIX в., остался без российских заказов. Последним для России был здесь достроен крейсер «Варяг», спущенный на воду в 1993 г.¹⁵

Однако и в самой России возникли серьезные проблемы с оплатой валютных долгов западным правительствам, МВФ и частным западным банкам. Они отказывались от реструктуризаций и отсрочек, так как Россия по общему балансу экспорта и импорта все еще находилась в категории относительно богатых стран. Валовый внутренний продукт (ВВП) на душу населения был в России в полтора раза выше польского и в два раза выше, чем в Румынии. С другой стороны, Россия унаследовала и те многочисленные кредиты, которые Советский Союз достаточно щедро раздавал дружественным странам. России, правопреемнице Советского Союза, были должны платить проценты по кредитам почти 60 стран. Крупнейшим должником России была Куба, получившая около 23 млрд долл. За Кубой шли Вьетнам, Монголия, Польша, Индия, Египет, Ливия, Ангола, Лаос, Сирия, Никарагуа, Мозамбик, Эфиопия и много других стран. Они не были в состоянии возвращать эти долги долларами, но некоторые из них платили проценты по займам натурой: чаем, сахаром, фруктами и овощами.

Экономические проблемы России были, прежде всего, результатом плохого управления экономикой и провала ваучерной приватизации. Собранный Ельциным «команда» для назначений на основные посты в

¹⁵ Впоследствии в Николаеве перешли на строительство танкеров для Греции.

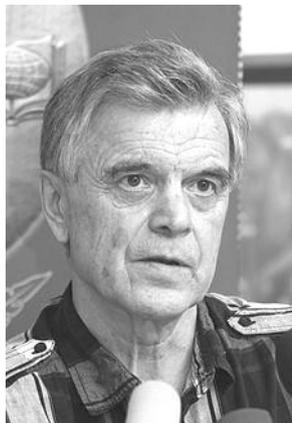
правительстве формировалась по принципу лояльности, а не компетентности. Была нарушена система сбора налогов не только с бывших автономных республик (Татарстан, Башкирия, Чечня и другие), но и даже с областей. Внешняя торговля не регулировалась пошлинами. Разрушенная система обязательных поставок и государственных закупок продовольствия нарушила продовольственную торговлю, прежде всего, в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и в других городах Урала и Сибири. Все прошлые экономические модели управления страной, от сталинской до горбачевской, в первую очередь обеспечивали продовольствием и другими товарами столицы и крупные промышленные центры. В 1992–1993 гг. продовольственное снабжение Москвы и Санкт-Петербурга в значительной степени зависело от гуманитарной помощи, поступавшей из ЕС и США. Западные страны, представители и советники которых работали теперь на валютных «спецкладах» во всех российских министерствах, шли на эту необычную акцию, опасаясь возвращения в России коммунистического режима. Коммунистическая партия России (КПРФ), после легализации ее Конституционным Судом в начале 1993 г., насчитывала уже около 600 тысяч членов и оказывалась крупнейшей в стране политической силой. 13 и 14 февраля в Москве прошел Чрезвычайный съезд КПРФ, на котором присутствовали делегации от коммунистических партий Италии, Китая, Франции и многих других стран. Лидером КПРФ был избран Геннадий Андреевич Зюганов, доктор экономических наук и хороший оратор¹⁶. Опасения западных стран о возможности возрождения в России коммунистической системы не были поэтому беспочвенными.

На этих опасениях правительство Ельцина–Гайдара, а затем и Ельцина–Черномырдина играло в полную силу, угрожая тем, что отказ Запада от помощи реформаторам может привести к их падению и к возвращению коммунистического режима. Реальная возможность именно этого сценария не могла быть исключена, тем более что против правительства Ельцина–Черномырдина выступали с начала 1993 г. не только КПРФ, но и вице-президент Александр Руцкой, спикер Верховного Совета РФ Руслан Хасбулатов, председатель Конституционного Суда Валерий Зорькин и Генеральный прокурор России Валентин Степанков.

¹⁶ Иван Петрович Рыбкин, с которым я познакомился во время его приезда в Лондон, как с сопредседателем Социалистической партии трудящихся, возвратился в КПРФ и стал одним из семи заместителей Зюганова.

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

Конституция Российской Федерации, со всеми многочисленными поправками, внесенными до декабря 1992 г., была «парламентско-президентской». Она оставляла верховным органом власти в стране Съезд народных депутатов, а в периоды между его созывами Верховный Совет РФ. Президент Ельцин не имел полномочий на роспуск Верховного Совета, тогда как Съезд народных депутатов имел право отрешения президента от власти (импичмент), но лишь «конституционным» большинством в две трети голосов. Острый конфликт, разгоревшийся между Ельциным и Верховным Советом РФ, привел к попытке такого импичмента на экстренно созванном 26 марта IX Съезде народных депутатов РФ.

Р.Хасбулатов

Почти каждый вечер меня приглашали в Лондоне либо на телевизионные, либо на радио-дебаты о происходивших в Москве событиях, и Рой сообщал мне свежие новости либо по телефону, а иногда и факсом.

Внесение на рассмотрение Съезда резолюции об импичменте Ельцина вызвало серьезные волнения в Москве, обострившиеся к 28 марта. 29 марта Рой сообщил мне по телефону результаты голосования, объявленные поздно вечером. За отрешение Ельцина от власти было подано 617 голосов, то есть 66% от принявших участие в голосовании. Против отрешения от власти – 268 голосов. Этот результат был политическим поражением Ельцина, но не импичментом.

Однако по инициативе противников Ельцина, и прежде всего вице-президента Руцкого, было принято решение о всенародном референдуме 25 апреля 1993 г. На этот референдум были вынесены четыре вопроса, первым из которых был именно вопрос о доверии Ельцину: «Доверяете ли Вы президенту Российской Федерации Б.Н.Ельцину?».

Возможность отречения Ельцина от власти в России очень сильно обеспокоила лидеров США и ЕС. В Токио была срочно созвана внеочередная встреча министров иностранных дел и министров финансов основных западных стран, совместно с японскими и австралийскими, для обсуждения вопроса об экстренных мерах помощи реформам в России. 16 апреля российские газеты и телевидение сообщили сенсационную новость – «Запад срочно выделяет 43,4 миллиарда долларов для поддержки российских реформ».

Согласно этому сообщению западные страны решили выделить России 15 млрд долл. в фонд отсрочки внешних долгов, 10 млрд долл. для стабилизации рубля и 18 млрд долл. на различные программы структурной перестройки экономики. Были опубликованы даже списки стран с указанием сумм, которые они согласились внести в этот пакет щедрых платежей. Западная пресса не скрывала того, что эти обещания непосредственно связаны с референдумом 25 апреля о доверии правительству. Лишь лондонская газета *The Financial Times*, орган финансовых кругов не только Великобритании, но и ЕС, отнеслась к этим обещаниям скептически. Финансовые эксперты хорошо понимали, что министры денежными средствами самостоятельно не распоряжаются и принятые в Токио решения являются главным образом политическими. «Основной эффект от совещания в Токио на ежедневную реальность российской жизни, – писал 16 апреля один из комментаторов этой газеты, – будет состоять в крупных заголовках газет сегодня утром...».

Это мнение было не совсем точным. «Суверенные» долги России западным правительствам действительно могли бы быть отсрочены. Коммерческие банки («Лондонский клуб») от реструктуризации российских долгов отказались, ссылаясь на необходимость предварительного искоренения коррупции.

Тем не менее эти обещания, максимально использованные сторонниками Ельцина, помогли ему получить относительно скромную победу на референдуме. Участие в референдуме приняли 64% взрослого населения России, 58,4% из которых ответили «да» на вопрос о доверии.

После референдума почти никакой финансовой помощи России ни от «парижского», ни от «лондонского» клубов кредиторов не последовало. Президент США Клинтон, которого Ельцин считал своим другом, хотел выделить для России, приближавшейся к дефолту, какую-то сумму. Однако его инициатива была заблокирована в Конгрессе США уже в конце апреля, сразу после референдума.

**Верховный Совет
смещает Ельцина**

Указ Ельцина от 21 сентября был полностью антиконституционным. Статья 121-6 действующей Конституции РФ в главе о полномочиях президента была достаточно определенной: «Полномочия президента Российской Федерации не могут быть использованы для изменения национально-государственного устройства Российской Федерации, роспуска либо приостановления деятельности

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

любых законно избранных органов государственной власти, в противном случае они прекращаются немедленно» [1].

Через 30 минут после выступления Ельцина по телевидению с объявлением своего Указа спикер Верховного Совета, Р.Хасбулатов, также по телевидению, назвал действия Ельцина «государственным переворотом». Президиум Верховного Совета, а затем и Конституционный Суд РФ приняли решение о немедленном отрешении Ельцина от власти, которая автоматически передавалась вице-президенту

Белый Дом. Октябрь 1993 г.

А.Руцкому. На 24 сентября созывался экстренный внеочередной X Съезд народных депутатов. Однако к этому дню в здании российского парламента, «Белом доме» на Краснопресненской набережной, было отключено электричество. Мэр Москвы Юрий Лужков принял в этом конфликте сторону Ельцина. А.Руцкой, новый конституционный президент РФ, положив руку на текст Конституции РФ, принес присягу при свете свечей.

Библиографический список

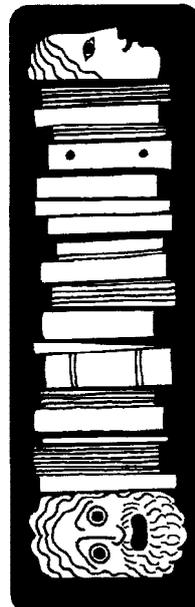
1. Конституция (Основной закон) РСФСР от 12 апреля 1978 г. (с изменениями и дополнениями). constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/183126/chapter/15/ (дата обращения: 10.11.2016).
2. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. Р.: YMCA-press, 1975. 629 с.
3. Указ Президента Российской Федерации. от 21 сентября 1993 г. №1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации // 1993.sovnarkom.ru/ТЕХТ/ДОКУМЕНТ/1400.htm (дата обращения: 10.11.2016).
4. Шебаршин Л.В. «...И жизни мелочные сны...». М.: Межд. отн-ия, 2000. 381 с.
5. Шебаршин Л.В. Из жизни начальника разведки. М.: Межд. отн-ия, 1994. 189 с.
6. Шебаршин Л.В. Рука Москвы. Записки начальника советской разведки. М.: Центр-100, 1992. 342 с.
7. Шебаршин Л.В. Хроники Безвременья. Заметки и афоризмы бывшего начальника разведки. 2-е изд., доп. М.: Трибуна, 2000.
8. Anders Aslund. How Russia Became a Market Economy / The Brookings Institution. Washington, D.C. 1995. 378 p.
9. Medvedev R. Let History Judge. N.Y.: A.A.Knopf, 1972. 566 p.

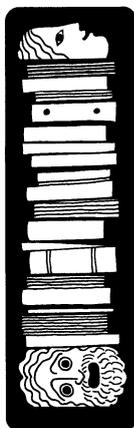
Только дурные и пошлые натуры
выигрывают от революции.
Но удалась революция или потерпела
поражение, люди с большим сердцем
всегда будут ее жертвами.

Генрих Гейне

Прогресс, без устали вертя
колес сцепленье,
То движет что-нибудь,
то давит под собой.

Виктор Гюго

Елена Мягкова

**«БЕСЫ», «ИГРОКИ»
И «МЕЧТАТЕЛИ»,
ИЛИ КАК ЧЕЛОВЕК
СТАНОВИТСЯ
РЕВОЛЮЦИОНЕРОМ**

ЧАСТЬ VI¹

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК
94(44)04

Язык, по мнению якобинских лидеров, имел статус политического инструмента: он излагал и двигал революцию. Оппозиции нормативность / жаргон соответствовало противопоставление патриотов / эмигрантов, прогресса / мракобесия с олицетворявшими их ценностями. Французский язык воплощал Республику, Просвещение, Свободу, патриотизм, точные знания, мягкое и гармоничное звучание, ясность и методичность, разум. Напротив, феодализм, варварство, рабство, предательство, суеверия и фанатизм, идиомы резкие и неприличные, тяжелый жаргон и грубость, опора на чувства служили характеристиками диалектов.

The language, according to Jacobin leaders, was a political instrument, speaking and moving the revolution. The controversy normative language / jargon was represented as controversy of moral and spiritual values: patriots / emigrants, progress / darkness. The French language personified Republic, Enlightenment, Liberty, patriotism, positive knowledge, providing with gentle and harmonious sounding, lucidity and methodicalness, reason. On the contrary, the dialects were perceived as a symbol of feudalism, barbarity, slavery, superstition and fanaticism, translating harsh and indecent idioms, jargon and vulgarity, sensibility.

Ключевые слова: Французская революция (1789–1799); политическая культура; теории общественно-политического устройства; представление об идеальном государстве и обществе, революционный дискурс и языковая политика в системе государственного управления.

Key words: French Revolution (1789–1799); political culture; theories of social and political organization; image of ideal state and society, revolutionary discourse and linguistic policy in the system of public administration.

E-mail: rgaspi@inbox.ru

¹ Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2016. №1, 2, 3, 4, 5.

VI. «Федерализм и предрассудки говорят по-бретонски»

Многообразие наречий во Франции XVIII в. не исчерпывалось общим разделением на окситанскую («ок») и северную («ойль») зоны. Помимо языков, которые можно назвать иностранными (баскский, бретонский, фламандский, немецкий), по обе стороны от Луары в ходу было огромное количество локальных говоров, объединенных вокруг 30 независимых диалектов [2, с.70–75; 7].

Язык, по мнению якобинских лидеров, имел статус политического инструмента: он излагал и двигал революцию. Общие ценности и единый словарный запас ведут к унификации, создают основу перерождения (*régénération*) и бастион национальной безопасности перед лицом внешней угрозы [6, р.26–29]. Оппозиции нормативность / жаргон соответствовало противопоставление патриотов / эмигрантов, прогресса / мракобесия с олицетворявшими их ценностями. Французский язык воплощал республику, Просвещение, Свободу, патриотизм, точные знания, мягкое и гармоническое звучание, ясность и методичность, разум. Напротив, феодализм, варварство, рабство, предательство, суеверия и фанатизм, идиомы резкие и неприличные, тяжелый жаргон и грубость, опора на чувства служили характеристиками диалектов [10, р.232].

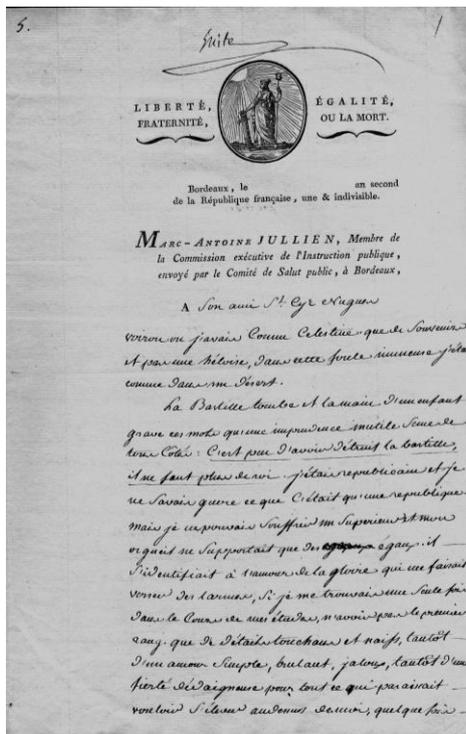
Конвент четко определил природу своего оппонента, имя которому – *партикуляризм*. «Федерализм и предрассудки, – закономерно утверждал Б.Барер, – говорят по-бретонски; эмиграция и ненависть к Республике – по-немецки, контрреволюция – по-итальянски; фанатизм – на языке басков» (Цит. по: [6, р.10–11, 295]).

Отмеченное противоречие должно быть дополнено и оппозицией между городом и деревней, где радикализм требований находился в прямом соотношении с процентом урбанизации, являя, с одной стороны, абстрактные генерализирующие теории, с другой, – озабоченность местными интересами. Иными словами, дихотомия «географического» плана неизбежно обретала глубинные социокультурные свойства.

Город и деревня – «два народа», расколотых фундаментальными антиномиями локального / национального, обмена / торговли, движения / равновесия, циркуляции / изоляции, мнений / обычаев, света / тьмы, дискурса / влечений, искусства / примитивности. Один из них могуч и самодостаточен, тогда как другой слаб и зависим; спасение второго – в помощи первого (то есть исключительно извне) и главное

средство к объединению страны – универсальный французский язык, распространение грамотности (школы, инфраструктура)².

Например, указы депутатам Генеральных штатов 1789 г. от аграрных областей написаны по преимуществу в изыскательном наклонении настоящего (*présent*) или прошедшего времени несовершенного вида (*imparfait*). Представители же урбанизованных регионов предпочитают использовать сослагательное и повелительное наклонения в сочетании с изыскательным наклонением будущего времени. Простой констатации многочисленных несчастий, описанию невыносимых условий жизни, лишенному конструктивного начала, противостоит, следовательно, реформистская тенденция, предлагающая и даже требующая установления нового порядка вещей.

Жюльен Марк-Антуан (Julien Marc-Antoine). Письмо Сен-Сиру Нюга (Saint-Cyr Nugues). 15.06.1794. Буска. Бумага, копия, рукопись (РГАСПИ. Ф.317. Оп.1. Д.427. Л.1)

² См. об этом в Опроснике аббата А.-Б.Грегюара (13 августа 1790 г.) о роли, значении и будущей судьбе патуа (диалектов)[9].

Таким образом, два мира, два резко противоположных уровня выражения, подобных «механической» и «статистической» моделям К.Леви-Строса, были по-разному «открыты» событию. С одной стороны, мы имеем дело с «предписывающей» (*prescriptive*) структурой, ценность случая в которой определяется его «сходством» с жестко фиксированной социальной системой. Ассимилируя обстоятельства, она делает их продолжением самой себя. «Воспроизводящая» (*performative*) структура, напротив, осмысливает новые факты реальности в категориях «отличия», нарушения существующего статус-кво. Пытаясь ассимилироваться с происходящим, она становится их непосредственной институциональной формой. Иными словами, «исполнение» (*execution*) есть характерная черта относительно «закрытых» (холодных) обществ; а «подражание» (*repetition*) – исторически активных (горячих) [11, р.Х–ХIII]. При этом предпочтительными для грядущей Революции логически оказывались именно последние.

Время революции воспринималось как «время мести», «расплаты», «великого суда». Наказание «тиранам» – «смертный приговор», однако и республиканский порыв часто родствен духовной «некрофилии», перевоплощению христианского культа святых.

*Пусть лягут старшие в могилу,
Тогда настанет наш черед,
Их прах святой вдохнет в нас силу
И смелость новую вдохнет.
Идя на путь, покрытый славой,
Мы не хотим их пережить,
Мы страстно жаждем отомстить
И разделить их гроб кровавый [3].*

Революционный Пантеон – это не просто память о погибших согражданах, героизация их смерти, но любование ими в смерти.

*Барра и Виала – вот участь чья завидна:
Мертвы, но не побеждены,
Пусть трус остался жить, – судьба его постыдна,
Жив тот, кто пал за честь страны [5].*

Риторика российской революции во многом повторяла те же закономерности: «Образы мстителя за угнетенных, образы железа и крови, хищного зверя, гидры с миллионом щупалец, грандиозного пламени, вихрем бушующего по всему миру, представляются в речах революционных деятелей» [4, с.133].

Документы, публикуемые в настоящем выпуске, являются одним из ярких образцов революционного менталитета, где автобиография нередко превращается в своеобразную агиографию, жития святых [8], с характерными признаками подвижничества, самоотречения, мученической смерти. Подобные настроения в европейской культуре найдут свое воплощение в художественном стиле романтизма, отражавшем разочарование современников в идеалах революции. Документы отложились в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), в личном фонде Марка-Антуана Жюльена [1], видного деятеля Французской революции. Материалы, публикуемые впервые, даются по правилам современной орфографии и пунктуации; курсив оригинала сохраняется и не оговаривается.

Перевод с французского выполнен Е.М.Мягковой.

Клятва в зале для игры в мяч.
Гравюра И.Гельмана по рисунку Ш.Монне. Конец XVIII в.
Бумага, офорт (РГАСПИ. Ф.654. КП 7125. ГР 20436)

№1

**М.-А. Жюльен, член исполнительной комиссии народного образования, делегированный Комитетом общественного спасения в Бордо
[Письмо] своему другу Сен-Сиру Ньюгу**

*Буска, окрестности Бордо
24 прериала, 2-ой год Республики,
единой и неделимой
[15 июня 1794 г.]*

<...>

Бастилия пала, и рука ребенка написала слова, которые ненужная неосторожность сеяла повсюду: *Мало разрушить Бастилию, теперь король больше не нужен*. Я был республиканцем и не желал ничего знать, кроме республики. Но я не мог терпеть начальника, и моя гордость не выносила ничего другого³, кроме равенства. Она проявлялась в стремлении к славе, заставлявшей меня проливать слезы, когда однажды во время моей учебы я не был признан лучшим учеником. Сколько трогательных и наивных деталей, связанных то с простой, сжигающей, ревнивой любовью, то с пренебрежительным высокомерием к тому, что, казалось, пытается возвыситься надо мной, то с другом, способным утешить в постигшем меня несчастье, рассеять мягкую меланхолию или черную мизантропию!

Я взялся за переустройство Дофине⁴, я выступал перед общественностью, хотя и был еще ребенком, в защиту свободы. За первыми страстями, пожиравшими меня, последовали другие, но не унимали прежних. Я боготворил поэзию⁵, я увлекался красноречием⁶, и народная трибуна стала для меня сродни уединенной роще, в которой я беседовал с музами. Начиная с 21 июня⁷ я требовал смерти тирана-беглеца. Годом позже я уехал в Англию, а взятое с этого времени за привычку ведение записей с точным отчетом перед самим собой в своих самых тайных мыслях позволило сохранить мельчайшие детали моей деятельности в этой поездке и послужило основой моего быстрого прогресса. Я снова посе-

³ Далее зачеркнуто одно слово.

⁴ Название исторической области Франции, включившей современные департаменты Изер, Верхние Альпы, Дром, Воклюз.

⁵ Слово «поэзия» вписано поверх другого слова.

⁶ См. об этом в первой части настоящей публикации.

⁷ Речь идет о неудачной попытке короля Людовика XVI тайно покинуть страну, вызвавшей так называемый вареннский кризис.

тил Изер⁸, я приветствовал Роман⁹, я прибыл на Пиренеи. Я лично узнал вероломство Бриссо¹⁰ и разоблачал намерения Дюмурье¹¹ и его мятежных сторонников, я был изгнан генералом, защищавшим его интересы. Меня принял Тарб¹², я встретил Элеонору, я стремился к природе и любви, а грозовая молния в образе жестокого палача вспыхнула на горизонте моей жизни, придав еще больше красоты ее восходу.

Я видел лагерь, Байонну и армию; я сражался с федералистами, не страшась кинжала и меча. Я обнял своего друга в Тулузе, я вернулся в Париж, и важная миссия призывала меня в различные части Франции, постепенно завлекая чарами славы. Меня соблазняли очарованием и ласками любви. Путешествие в непосредственной близости от моря обострило и разнообразило мое воображение. Я вырвался из Лориана¹³ и увидел Вандею¹⁴. Я воспламенял смелость солдат огнем, сходным с огнем любви. Я привлекал на свою сторону самых безразличных к горячему почитанию свободы людей красочными и торжественными праздниками. Мое верное перо сохранило все детали моей общественной и личной жизни, а моя не менее верная память хранит и другие детали. О, время, как стремительно твое движение! Прощай, Ла-Рошель, Рошфор <...> Я видел Бордо, я снова увидел Париж, я обнял моих родителей и Сен-Сира. Я вернулся в Бордо и пожертвовал дружбой во имя родины так же, как ранее я пожертвовал своей любовью. Я боролся с интриганам и гнусными людьми, считавшими себя, в силу беззакония и возраста, неуязвимыми перед лицом неопытности, юности и невинности. Народ поддержал успех защищаемых мною идей и проникся ко мне доверием. Я в четвертый раз занял почетное место председателя собрания свободных людей. Театр также был свидетелем успеха, которым я обязан моей любви к принципам и родине.

⁸ Название департамента на юго-востоке Франции.

⁹ Роман (Romans), населенный пункт в департаменте Дром.

¹⁰ **Жак-Пьер Бриссо** (Brissot de Warville), 1754–1793, один из известнейших деятелей Французской революции.

¹¹ **Шарль Франсуа Дюмурье** (Dumouriez), 1739–1823, генерал и министр.

¹² Административный центр департамента Верхние Пиренеи.

¹³ Город в департаменте Морбиан.

¹⁴ Вандейское восстание – движение крестьян против революции и республики под роялистскими и католическими лозунгами (1793–1796). Вандея – департамент на Западе Франции у побережья Атлантического океана. Географическое расположение департамента давало хорошие возможности для высадки английского флота.

Я видел интриганов, раболепствующих передо мной. Я с честью изгонял их. Я видел Эриний¹⁵, принимающих всевозможные формы для того, чтобы соблазнить и подкупить меня. Во имя добродетели я бежал от продажной любви. Недоверие и коррупция иссушили мою душу, лишения и жертвы предоставили ее самой себе. Созерцание добродетельного народа утешало ее.

Но три года непрерывных трудов разрушили во мне корень существования. Бушующие страсти одолевали меня, мое тело было истощено бодрствованием; в 19 лет я ощущал груз длинной череды несчастий, выпавших на мою долю. Я удалился в сельское убежище, чтобы умереть на лоне природы, тогда как я всегда желал жить.

Мой взор потух, мое тело охватила дрожь, мою грудь одолевала смертельная болезнь, я пережил четыре возраста своей жизни и вступил в последний этап. Свои последние мысли я доверил своему другу, с которым, быть может¹⁶, я еще увижусь; я доверяю ему рассказать людям о том человеке, который мог бы служить для них примером или, на худой конец, чья жизнь научила бы их избегать тех препятствий, которых он сам не избежал, но осознал только потом; однако говорить о нем нужно как о верном друге людей, добродетели, Республики и природы.

<...>

Если бы я мог жить по законам природы, я бы умер, не оставив после себя ничего, кроме недолговечного праха. Но я жил в соответствии с законами общества, я пожертвовал себя обществу и не жалею об этом. Я отказался от удовольствия любить и быть любимым, от блаженства отдыха или жизни, не слишком обремененной опасностями; пусть же мне хотя бы будет позволено искать вознаграждения и убежища в сердцах тех, кто, узнав мою жизнь, покрыл бы мою могилу цветами. Горе черствым и жестоким существам, стремящимся лишить меня этого единственного утешения!

<...>

Копия рукой Жюльена. Начало письма отсутствует. Письмо на именном бланке. Бумага с водяными знаками.

РГАСПИ. Ф.317. Оп.1. Д.427. Л.1–4. Подлинник. Рукопись.

¹⁵ Эринии – в древнегреческой мифологии богини мести. В римской мифологии им соответствуют фурии.

¹⁶ Слово «быть» вписано над строкой.

Учредительное собрание, отменившее привилегии. Версаль, 1789 г.
Гравюра И.Гельмана по рисунку Ш.Монне. Конец XVIII в.
Бумага, офорт раскрашенный (РГАСПИ. Ф.654. КП 34632. ГР 20596)

№2

**Жюльен Марк-Антуан. Дневник, начатый в Плесси¹⁷ 21 фрюктидора
третьего года и законченный 20 брюмера четвертого года.**

Заметки и выписки

*Плесси, 21 фрюктидора третьего года.
7 сентября 1793 по ст[арому] ст[иллю]¹⁸*

Сегодня идет 39 день моего заключения. Я не имел возможности ни дать объяснения, ни предстать перед судом; мне неизвестны мотивы моего ареста. Все группировки преследовали меня, меня оклеветали со всех сторон. У меня даже нет надежды остаться на родине после обре-

¹⁷ Тюрьма Плесси [здание быв. коллежа Плесси], в которую был переведен М.-А.Жюльен из тюрьмы, располагавшейся в бывшей больнице Монпрен, и в которой он содержался по обвинению в «терроризме».

¹⁸ Дата указана на полях.

тения свободы... Дружба, счастье, добродетель – все то, что согревало мое воображение и мое сердце, представляется теперь моему разуму в образе ошибочных химер. Моя прошедшая жизнь – это сон, будущее – темная чаща, настоящее – долгая агония... У меня нет друга, чтобы облегчить муки постигшего меня горя, я один во всей вселенной.

Моя больная грудь несет в себе семена и симптомы смертельной болезни, медленно и мучительно ведущей меня к могиле. Мои родители, имеющие еще больше оснований для печали, окружены тройным кольцом несчастий: мое заключение, физические недуги, вызванные их возрастом, а также беды родины, масштаб которых искренне потрясает их души... Каждый день я слышу печальные вздохи умирающей свободы... Я узнал о многочисленных убийствах республиканцев, я вижу стремительное движение контрреволюционного вихря, несущего с собой трупы и кровь. Я совершенно ошеломлен видом стольких ужасов. В вынужденном бездействии моей тюрьмы я созерцаю прискорбные сцены, повторяющиеся во всех концах Франции, и завидую участи тех, кто был убит... Вечный покой могилы – моя последняя надежда; жизнь – самая невыносимая пытка, а смерть – самая большая награда... Я пойду туда, где живут Гракхи¹⁹, я спущусь в жилище свободных и добродетельных людей.

<...>

Боннару

2 вандемьера 4 года

[24 сентября 1795 года]

Я бы желал дождаться твоего ответа, чтобы писать тебе, мой добрый друг, но уверенность в том, что мое письмо дошло до тебя, что ты уже находишься в Бордо, побудили меня не откладывать отправку моего второго послания. А ты не огорчай меня тем долгим молчанием, которое только ухудшает отчаяние одиночества моего бесконечного заключения. У меня есть необходимость говорить с тобой, моя сломленная душа просит поддержки. Я обессилен посещениями разных людей, я часто призываю смерть, я живу среди могил. У меня не осталось ничего, кроме дружбы, чей слабый отблеск все еще озаряет мою жизнь. Почему Лиза не пишет мне?.. Пусть она говорит мне о своих детях, об их играх, прогулках и радостях. Я нахожу людей столь злобными, что мое воображение предпочитает обращаться только к детству. Это время добродетели

¹⁹ *Гракхи (Gracchus) – древнеримская знатная семья, ветвь плебейского, но выдвинувшегося в ряды новой аристократии рода Семпрониев.*

и счастья. Эти два цветка, блистательных и прекрасных, никогда не поблекнут. Где еще можно найти такую душу, еще столь юную, которая открывалась бы при первом же проявлении чувства и любви?.. О, как бежит время! Прошлое исчезает, настоящее есть не более чем бесплодная пустыня, а будущее кажется темным облаком, несущим в себе гораздо более беспокойство и тревогу, чем мягкую надежду... Дорогой друг, имя Республики ласкало мой слух, и мы верили в возрождение лучших дней Рима²⁰. Эта иллюзия оказалась недолговечной... Ораторская трибуна сегодня потеряла наиболее просвещенных защитников свободы и напрасно вызывает к наследникам их смелости и энергии... Гр[аждан] генералов, настоящих друзей народа, мы видим в опале и цепях, права народа попираются; банкротство, гражданская война и роялизм соединяют свои усилия для уничтожения нашей родины... Это факт. Правда, которую я часто повторяю, состоит в том, что во Франции никогда не было Республики. Было провозглашено только имя; институты же, лежащие в ее основе, погибли со своими создателями, так и не увидев свет... Мы похожи на человека, живущего только во сне... Пробуждение его ужасно, так как с ним гибнет и образ... Прочти в сегодняшней *Газете свободных людей* (Курсив мой. – Е.М.)²¹ несколько фактов полуправды о первом прериаля²², о котором свободно будет говорить потом история... Если бы меня не отделяли от тебя тысячи лье²³, если бы мое перо могло бы пользоваться полной безопасностью, гарантией которой служит независимость, я бы не был подчинен необходимости взвешивать все мои фразы и подвергать каждую строку скрупулезной цензуре... Роялисты сегодня могут безнаказанно выражать свои мысли, пришел их черед. Патриоты не имеют другого выбора, как между молчанием и эшафотом... Если бы я смог разъяснить и воскресить в душах энергичные чувства, которые спасли бы отечество, я бы стал говорить и умер бы с радостью... Но время изменилось, мне не позволено ни говорить, ни умереть... Прощай. Возможно, однажды я смогу увидеть тебя. Это одно из моих самых заветных желаний. В ожидании этого момента, пиши мне. Завтра я продолжу письмо.

²⁰ Имеется в виду Древний Рим.

²¹ Название газеты.

²² Прериаальское восстание III года – последнее и одно из самых ожесточённых народных восстаний в Париже 20–23 мая 1795 г., направленное против политики термидорианского Конвента во время Французской революции.

²³ Старинная французская единица измерения расстояния.

Жюбиналь показал мне твое письмо, из которого мне стало понятно, что ты получил мое письмо. Он приходит ко мне иногда, и я посоветовал ему подумать об отъезде в колонии... Не тебе ли я цитировал Ладлоу²⁴, бежавшего в Швецию после гибели свободы в Англии, чтобы писать независимые и правдивые мемуары о британской Революции, оклеветанной тиранами?.. Я еще молод; если я еще жив, значит, таково мое предназначение... Фигура Мариуса²⁵ на руинах Карфагена несет в себе что-то трогательное и возвышенное. Таков же и революционер, возводящий на обломках революции памятник правде и истории... Скрижалей истории, рассказывающих об этих бессмертных событиях, было бы достаточно для отмщения свободы и предсказания будущему миру, что придет день ее²⁶ возрождения... Да, в этих рассказах, игнорирующих общие усилия большого числа людей, посвятивших себя борьбе за народное освобождение, в этих строках, продиктованных святым энтузиазмом, будет заложена искра, которая однажды воспламенит восстание против королей. Огонь весталок²⁷ и истины свободы будут доверены этим нетленным страницам; а новые Бруты²⁸, блуждая среди могил, прочтут такую надпись: *ты спишь, проснись, посвяти себя своей родине*... В Швеции, когда Анкастрём²⁹, храбрый убийца Густава³⁰, шел к эшафоту, общие сожаления и восхищение,

²⁴ *Ладлоу (Ludlow) Эдмунд* (ок.1617 – ок.1692) – английский республиканец, глава индпендентов. Был одним из судей короля Карла I.

²⁵ Видимо, имеется в виду *Луций Марций Цензорин* (Lucius Marcius Censorinus) – консул Древнего Рима 149 года до н.э., военачальник в Третьей Пунической войне, в результате которой Карфаген был разрушен.

²⁶ Имеется в виду – революции.

²⁷ Весталки – жрецы богини Весты в Древнем Риме, пользовавшиеся большим уважением и почетом. В обязанности весталок входило поддержание священного огня в храме Весты, соблюдение чистоты храма, совершение жертвоприношений Весте, охрана палладума и других святынь.

²⁸ *Марк Юний Брут* (Marcus Junius Brutus Caepio), 85–42 гг. до н.э. – римский сенатор, известный как убийца Цезаря.

²⁹ *Якоб Юхан Анкастрём* (Anckarström), 1762–1792 – убийца шведского короля Густава III.

³⁰ *Густав III* (Gustav III), 1746–1792 – король Швеции с 12 февраля 1771 г. Представитель просвещенного абсолютизма. Густав был первым среди монархов, кто оценил роль Французской революции. Он начал вести борьбу против якобинцев и склонять к этому остальных европейских правителей. Стал жертвой заговора аристократов, не простивших ему перевороты 1772 и 1789 гг. Во время бал-маскарада в Шведской королевской опере 16 марта 1792 г. был смертельно ранен и умер через несколько дней.

выразившееся в мертвой тишине, скрасили его последний час. На его руке были написаны слова: будь благословенна рука, поразившая тирана!.. Я очень люблю двух Гракхов. Вот что я давно взял себе за пример. Голос свободного человека заставляет угнетателей бледнеть... Предсказание звучит в моей душе, и будущее может его реализовать... О, мой друг, я был рожден для счастья <...> Судьба привела меня к другой карьере. Революция стала для меня той бездной Курция³¹, я пожертвовал собой. Я горжусь своей участью жертвы, и преследования нисколько не разрушат моих принципов и мою преданность. Мое добровольное обязательство состоит в том, чтобы служить народу... Горе тем, кто запятнал эти намерения фанатизмом или безумством! Я не хочу знать этих людей, я могу их только ненавидеть. В их жилах не закипает кровь при виде преступлений и жестоких действий тирании... Прощай Боннар, прощай Лиза...

Автограф Жюльена. Бумага с водяными знаками.
РГАСПИ. Ф.317. Оп.1. Д.596. Л.1–19. Подлинник. Рукопись.

Библиографический список

1. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.317. Оп.1.
2. Бродель Ф. Что такое Франция? Пространство и история. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. Кн.1. 405 с.
3. Руже де Лиль Ж. Марсельеза // Свобода. Равенство. Братство. Песни и гимны Французской революции. М.: Книга, 1989. С.63.
4. Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926). М.: Едиториал УРСС, 2003. 248 с.
5. Шенье М.-Ж. Песнь отправления (военный гимн 1794 года) // Свобода. Равенство. Братство. Песни и гимны Французской революции. М.: Книга, 1989. С.126.
6. Certo M. de., Julia D., Revel J. Une politique de la langue. La Révolution française et les patois, l'enquete de Gregoire. P.: Gallimard, 1975. 307 p.
7. Giraud P. Patois et dialectes français. P., 1968. 243 p.
8. Halfin I. Terror in my Soul. Communist Autobiographies on Trial. Cambr.; MA-Londres: Harvard Univ. Press, 2003. 366 p.

³¹ *Квинт Курций Руф (Quintus Curtius Rufus) – римский историк, написавший «Историю Александра Великого Македонского» – одно из наиболее полных жизнеописаний полководца, дошедших до наших дней.*

9. Lettres à Grégoire sur les patois de France. Documents inédits sur la langue, les mœurs et l'état des esprits dans les diverses régions de la France au début de la Révolution, suivie du rapport de Grégoire à la Convention, avec une introduction et des notes par A.Gazier [P., 1880]. Genève: Slatkine Reprints, 1969. 353 p.
10. Morin G. Les résistances linguistiques au discours révolutionnaire // Les résistances à la Révolution. Actes du Colloque de Rennes (17–22 septembre 1985) recueillis et présentés par F.Lebrun et R.Dupuy. P., 1987. 487 p.
11. Sahlins M. Islands of History. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 200 p.

Наши авторы

Мальков Виктор Леонидович

доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН,
лауреат Государственной премии СССР, главный научный
сотрудник Института всеобщей истории РАН

Егорова Наталия Ивановна

доктор исторических наук, главный научный сотрудник,
зав. Отделом истории XX века Института всеобщей истории РАН

Костырченко Геннадий Васильевич

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН

Ковалев Михаил Владимирович

кандидат исторических наук, докторант, научный сотрудник
Отдела истории Европы XVIII – XIX веков Института всеобщей
истории РАН

Дегоев Владимир Владимирович

доктор исторических наук, директор Центра проблем
Кавказа и региональной безопасности,
профессор МГИМО-Университета МИД России

Медведев Жорес Александрович

кандидат биологических наук, биохимик-геронтолог,
почетный член Биохимического общества, член Американского
геронтологического общества, историк, публицист

Мягкова Елена Михайловна

кандидат исторических наук, заместитель начальника
Отдела обеспечения сохранности документов РГАСПИ

Our authors

Mal'kov Victor Leonidovich

D.Sci., historian, Professor, Merited Scholar of the Russian Federation, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, USSR State Prize Winner, Chief Scholar of the Institute of the World History, Russian Academy of Sciences

Egorova Nataliya Ivanovna

D.Sci., historian, Chief Researcher, Deputy Head of the Department of XX century History, Institute of the World History, Russian Academy of Sciences

Kostyrchenko Gennadiy Vasil'evich

D.Sci., historian, Leading Researcher of the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

Kovalev Mikhail Vladimirovich

Ph.D., Postdoctoral Fellow, Senior Researcher at Department of the European History in XVIII – XIX centuries of the Institute of World History of Russian Academy of Sciences

Degoev Vladimir Vladimirovich

D. Sci., historian, Director of the Center for the Caucasus Problems and Regional Security, Professor of Moscow State Institute of International Relations–University

Medvedev Zhores Aleksandrovich

Ph.D. in biology, biochemist-gerontologist, the honorary member of the Biochemical Society and of the American Gerontological Society, historian, publicist

Myagkova Elena Mikhaylovna

Ph.D., historian, Deputy Head of the Department for Safety Documents, Russian State Archive of Social and Political History

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2016 г.

Теория и практика политических игр

Кургинян С. Е. Язык элитной ответственности. №1. С.6

Кургинян С. Е. Стратегия сдерживания и глобальный конфликт. Аналитика политического дискурса. №2. С.6

Кургинян С. Е. Железом и кровью. Конфликт во времени и пространстве. №3. С.6

Геоглобалистика

Егорова Н. И. Между единством и расколом: влияние начала войны во Вьетнаме на Движение сторонников мира. №6. С.38

Максимычев И. Ф. Накануне падения Берлинской стены (страницы из дневника 1989–1992 гг.). №4. С.6; №5. С.38

Мальков В. Л. Атомное оружие – детонатор холодной войны. Две проекции. №5. С.6; №6. С.6

Грани катастрофы

Асташов А. Б. Воинские преступления как фактор криминализации России в Первой мировой войне. №5. С.62

Ранчин А. М. Апокалипсис нашего времени/Апocalypse now. Предварительные итоги реформ российского образования. №1. С.32

Ресурсы нации

Лупанова Е. М. Политика Екатерины II в сфере лесного хозяйства. Упразднение контроля ради частного интереса? №1. С.116

Лупанова Е. М. Проблема дороговизны дров в Петербурге XVIII века. №4. С.120

Ярлыки и мифы

Журавлев В. В. Первая Государственная дума как «зеркало русской революции». К 110-летию рождения и гибели (27 апреля – 8 июля 1906 г.). №3. С.30

Ковалев М. В. Зигзаги судьбы: профессор А.В.Флоровский и его советские коллеги. №4. С.82; №5. С.84; №6. С.98

Костырченко Г. В. Лиля Брик. В жерновах мифа о Маяковском. №6. С.66

Марьина В. В. XX съезд КПСС: чехословацкое эхо (1956 год). №2. С.32

Маслов Д. В. Замысел горбачевской «перестройки». Попытки реконструкции. №1. С.88

Пискунов М. О. «Конструируя советское»: событие и память постсоветского субъекта (по дневникам Светланы Вольской). №4. С.106

Россия в мире

Климович Л. В. Солидаризм – концепция новопоколенцев. №2. С.118

Европейские параллели

Гриценко С. А. Прогерманские взгляды короля Оскара II как фактор политической жизни Швеции. №3. С.66

Страницы истории

Дегоев В. В. Дипломатия Петра I на заключительном этапе русско-турецкой войны 1686–1700 годов. Ч.I. №1. С.54; Ч.II. №2. С.64; Ч.III. №3. С.78; Ч.IV. №4. С.30; Ч.V. №5. С.110; Ч.VI. №6. С.116

Медведев Ж. А. Перестройка до основания. №2. С.90; №3. С.104; №4. С.56; №5. С.142; №6. С.144

Актуальный архив

Киянская О. И., Фельдман Д. М. «Ведь он у нас в списке...»: к истории общественных настроений 1937 года. №4. С.160

Мягкова Е. М. «Бесы», «игроки» и «мечтатели», или как человек становится революционером. Ч.I. №1. С.148; Ч.II. №2. С.132; Ч.III. №3. С.130; Ч.IV. №4. С.140; Ч.V. №5. С.168; Ч.VI. №6. С.168

Печатнов В. О. Эхо Фултонской речи Черчилля (по новым документам). №3. С.170

Хайлова Н. Б. «Один из последних могикан ... [18]70-х годов»: либерал-центрист А.С.Посников. №3. С.150

Юрганов А. Л. А.К.Воронский в литературном и политическом процессе (середина 20-х – начало 30-х гг. XX в.). №1. С.170; №2. С.150

The List of All Published Materials in 2016

Theory and Practice of the Political Games

Kurginyan Sergey. Language of the Elite Responsibility. №1. P.6

Kurginyan Sergey. The Strategy of Containment and the Global Conflict. Analysis of Political Discourse. №2. P.6

Kurginyan Sergey. By Iron and Blood. The Conflict in Time and Space. №3. P.6

Geopolitics and International Policy Issues

Egorova Nataliya. Between Unity and Dissent: Influence of the Beginning of the Vietnamese War on the Development of the Partisans for Peace Movement. №6. P.38

Maksimychev Igor'. On the Eve of the Berlin Wall's Downfall. Pages from the Diary 1989–1992. №4. P.6; №5. P.38

Mal'kov Victor. Atomic Weapons as a Detonator of the Cold War. Two Projections. №5. P.6; №6. P.6

The Faces of Catastrophe

Astashov Aleksander. Military Crimes as a Factor of the Crimilization during World War I. №5. P.62

Ranchin Andrey. Apocalypse of Our Times: Preliminary Results of the Russian Education Reforms. №1. P.32

Resources of Nation

Lupanova Evgeniya. Catherine II Policy in the Sphere of Forestry: Abolition of Control for the Sake of Private Interest? №1. P.116

Lupanova Evgeniya. The Problem of the High Cost of Wood in St. Petersburg XVIII Century. №4. P.120

Labels and Myths

Kostyrchenko Gennadiy. Lilya Brik. In Millstones of Mayakovsky Myth. №6. P.66

Kovalev Mikhail. Twists of Fate: Professor A.V.Florovski and his Soviet Colleagues. №4. P.82; №5. P.84; №6. P.98

Mar'ina Valentina. XX Congress of the CPSU: Czechoslovak Echo (1956). №2. P.32

Maslov Dmitriy. Design of the Gorbachev Perestroika: Attempts of Reconstruction. №1. P.88

Piskunov Mikhail. "Constructing the Soviet": Event and Memory of Post-Soviet Subject (Based on Diaries of Svetlana Volskaya) №4. P.106

Zhuravlev Valeriy. The First State Duma as "the Mirror of the Russian Revolution". To the 110th Anniversary of its Nascence and Destruction. №3. P.30

Russia in the World

Klimovich Ludmila. Solidarity – the Concept of the National Union of the New Generation. №2. P.118

European Parallels

Gritsenko Svyatoslav. Pro-German Beliefs of King Oscar II as the Factor of Sweden's Political Life. №3. P.66

Pages of History

Degoev Vladimir. Peter the Great's Diplomacy at the Final Stage of Russo-Turkish War of 1686–1700. Part I. №1. P.54; Part II. №2. P.64; Part III. №3. P.78; Part IV. №4. P.30; Part V. №5. P.110; Part VI. №6. P.116

Medvedev Zhores. Perestroika to the Ground. №2. P.90; №3. P.104; №4. P.56; №5. P.142; №6. P.144

Topical Archive

Myagkova Elena. "Demons", "Gamblers" and "Dreamers" or How a Person Becomes a Revolutionary. Part I. №1. P.148; Part II. №2. P.132; Part III. №3. P.130; Part IV. №4. P.140; Part V. №5. P.168; Part VI. №6. P.170

Khailova Nina. "One of the Last Mohicans of the 1870s". A.S.Posnikov, the Liberal Centrist. №3. P.150

Kiyanskaya Oksana, Fel'dman David. "But He is in our List..." Remarks Related to the History of Public Sentiments in 1937. №4. P.160

Pechatnov Vladimir. Echo of Churchill's Fulton Speech in Light of New Documents. №3. P.170

Yurganov Andrey. A.K.Voronski in the Literary and Political Process: the Mid-1920s – the Early 1930s. №1. P.170; №2. P.150

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:
39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»
(подписка возможна с любого месяца)

Для иностранных читателей
подписка проводится
через агентство «МК-Периодика»:
тел. (495) 672-70-12
e-mail: info@periodicals.ru

Подписка на электронную версию журнала
оформляется через Научную электронную библиотеку:
www.eibrary.ru

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ В РЕДАКЦИИ:

Тел. (495)691-74-79
E-mail: russia21@ecc.ru,
kurilenkova@ecc.ru
123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Кроме того журнал «Россия XXI» можно
заказать с доставкой по всей России или купить
в книжном интернет-магазине «Русская деревня».
сайт www.hamlet.ru

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ С НАСТУПАЮЩИМ 2017 ГОДОМ!

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI», 2016.
Цена свободная.

Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54
E-mail russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 16.12.2016. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 12 печ. л.
Тираж 1500 экз. Заказ №

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яколева, 13.

6.2016 november-desember

Geopolitics and International Policy Issues

Victor Mal'kov

Atomic Weapons as a Detonator of the Cold War.
Two Projections (the end) _____ **6**

Nataliya Egorova

Between Unity and Dissent: Influence
of the Beginning of the Vietnamese War
on the Development of the Partisans
for Peace Movement _____ **38**

Labels and Myths

Gennadiy Kostyrchenko

Lilya Brik. In Millstones
of Mayakovsky Myth _____ **66**

Mikhail Kovalev

Twists of Fate: Professor A.V.Florovski
and his Soviet Colleagues (the end) _____ **98**

Pages of History

Vladimir Degoev

Peter the Great's Diplomacy
at the Final Stage of Russo-Turkish
War of 1686–1700. Part VI ____ **116**

Zhores Medvedev

Perestroika to the Ground
(the end) _____ **144**

Topical Archive

Elena Myagkova

“Demons”, “Gamblers”
and “Dreamers” or How
a Person Becomes a Revolutionary.
Part VI _____ **170**

РОССИЯ XXI